А. М. ЩЕРБАК

ТЮРКСКАЯ РУНИКА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРОК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. М. ЩЕРБАК

ТЮРКСКАЯ РУНИКА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРОК, ГРАНИЦЫ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Санкт-Петербург
«Наука»
2001

УДК 80/81
ББК 81.2
Щ 61

Рецензенты:
С. Г. Кляшторный, А. М. Певнов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-04-16013д

ТП-2001-I-132/133
ISBN 5-02-028472-6

© А. М. Щербак, 2001
© Издательство «Наука», 2001

Предисловие

В 1993 г. повсеместно отмечалось столетие со времени дешифровки В. Томсеном орхоно-енисейского рунического алфавита. Дешифровка имела огромное научное значение, так как открывала возможность вхождения в круг важнейших источников истории Центральной Азии большого количества оригинальных текстов самого разнообразного содержания. У дешифровки — большое культурно-историческое значение: она позволила по-новому оценить глубину и продуктивность контактов древних цивилизаций, степень их взаимодействия и взаимопроникновения. Наконец, результатом дешифровки явилось открытие поразительного факта многогранности повседневной жизни в тюркских каганатах VI–IX вв. и чрезвычайно высокого уровня их политического, хозяйственного и культурного развития. Имеются в виду становление высокоразвитых форм государственности, принятие буддизма, манихейства, христианства, интенсивная переводческая деятельность, связанная с распространением религиозных учений. Несколько неожиданно взору исследователей предстал в новом облике народ, о котором до XIX в. могли знать главным образом по завоевательным походам сельджуков, установлению османского владычества в Передней Азии и русско-турецким войнам.

Рунические надписи Южной Сибири и Монголии продолжительное время находились в сфере исследовательских интересов многих крупнейших тюркологов, прежде всего В. Том-

сена[1] и В. В. Радлова,[2] и, естественно, количество работ, посвященных им, необычайно велико. Указать всю или даже всю основную литературу, связанную с изучением тюркской руники, в соответствующем разделе нашей небольшой монографии невозможно. Мы ограничиваемся перечнем важных изданий текстов, атласов, библиографических указателей, обобщающих очерков и обзоров, чтобы заинтересованным лицам облегчить получение максимально полной информации о специальной литературе.

Избирательность в отношении изданий текстов ориентирована на выбор всего того, что может оказаться необходимым для проверки иллюстративного материала, содержащегося в работе. Понятно, нас в наименьшей мере интересуют варианты толкований отдельных мест, переводы слов и целых конструкций: книга посвящена проблеме происхождения тюркского рунического алфавита и его распространения, и все подчинено этой цели.

Высоко оценивая древнетюркский рунический алфавит, который справедливо рассматривается как высокая ступень проявления интеллектуальных возможностей человека, мы с большой степенью ответственности подходим к решению вопроса о его происхождении: тщательно отсеиваем от фактологической части политические спекуляции, не имеющие ничего общего с собственно научными поисками. Тюркские народы вправе гордиться высоким уровнем развития культуры в столь отдаленное время, обретением специфических форм государственности и связанных с ними самобытных институтов, ощутимым вкладом в развитие мировой цивилизации. Для этого есть все основания, и нет ничего, что могло бы вызвать сомнения в обоснованности приведенных выше оценок. Однако совершенно необходимо сделать замечание и иного характера. Мы не можем обойти молчанием то, что в последние годы

[1] Следует отметить, что заслуги В. Томсена в дешифровке тюркского рунического алфавита, а также заслуги его и В. В. Радлова в издании древнетюркских надписей были высоко оценены в Турции. См.: *Dilaçar A.* Thomsen. Ankara, 1963.

[2] *Temir A.* Türkoloji tarihinde Wilhelm Radloff devri. Hayatı — ilmî kişiliği — eserleri. — Türk Dil Kurumu yayınları: 552. Ankara, 1991.

участились попытки изобразить процесс становления тюркской государственности и формирования культурных ценностей в изоляции от посторонних влияний. Тенденции к самообособлению в историческом прошлом не отражают действительное положение вещей и настолько противоречат историческим фактам, что не вызывают необходимости подробно рассматривать их.

Истина, которую невозможно поколебать или поставить под сомнение, заключается в следующем: тюрки оказались в исключительно благоприятных условиях на рубеже, разделяющем две великие восточные цивилизации раннего средневековья, китайскую и иранскую, сыгравшую первостепенную роль не только в принятии тюрками буддизма и манихейства, но и в создании и использовании древних письменностей. Контакты с соседними народами, в частности с согдийцами, и влияние согдийцев на хозяйственную, политическую и культурную жизнь в восточных Тюркских каганатах нисколько не умаляют значения самого факта появления тюркского рунического алфавита, его самобытности и степени оригинальности.

Нисколько не умаляет это и исторической роли тюркских народов в развитии мировой цивилизации. О том, насколько она велика, свидетельствуют весьма высокая оценка ее и огромный интерес, проявляемый со стороны ученых всего мира и, в частности, европейских ученых. На западе, как и на востоке, многие выдающиеся филологи посвятили всю свою жизнь или бóльшую часть ее изучению тюркских древностей. Такие личности, как В. Томсен, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, В. Банг и многие другие, оставили заметный след в изучении тюркской руники. В. Томсен приложил огромные усилия к тому, чтобы расшифровать рунический алфавит тюрок, В. В. Радлов многократно издавал почти все доступные ему орхонские и енисейские надписи. Интерес к тюркским древностям подпитывается чрезвычайно богатыми историческими событиями. Обилие религий, письменностей, многообразие судеб тюркских народов и многоликость их культур — вот та почва, на которой произрастает могучее древо тюрко-

логии, давно ставшей важнейшей составной частью мировой филологии.

Написание настоящей монографии потребовало нескольких лет, подготовка же к работе над ней практически растянулась на многие годы, охватила разные области рунологии и различные группы надписей, среди которых оказались наряду с собственно руническими и рунообразные тексты, в особенности те, которые были обнаружены на территории европейской части России. Продолжительное время собиралась и тщательно отбиралась специальная литература, изучались, издавались и переиздавались отдельные надписи, автор принимал непосредственное участие в сборе и доставке памятников рунической письменности бассейна Енисея в Кызыл, работал в музеях Минусинска и Ленинграда. В этой интенсивной и напряженной работе он постоянно ощущал поддержку и деловую помощь друзей и коллег, прежде всего Л. Р. Кызласова и И. Л. Кызласова. Хотя последние придерживаются диаметрально противоположных взглядов на происхождение и распространение рунического алфавита, не было ситуации острого противостояния. Напротив, аргументы друзей способствовали более строгой отработке контраргументов и, если представляемая книга не лишена достоинств, то все они результат и его собственных усилий, и, еще в большей мере, усилий его главных оппонентов. Автор выражает им свою сердечную благодарность. Он приносит слова искренней благодарности С. Г. Кляшторному, с которым связан почти полувековой совместной деятельностью в области тюркской рунологии. К сожалению, уже нельзя поблагодарить того, кто посеял семена возвышенного интереса к рунике, моего учителя Сергея Ефимовича Малова, но светлой памяти его посвящается эта книга.

Переходя к общей характеристике содержания работы, предварим данные о ее структуре замечанием, что и основной корпус ее, и приложения отражают результаты не только теоретических исследований автора, но и все то, что было добыто в ходе многолетних текстологических изысканий.

Автор не считал бы выполненной полностью поставленную задачу, если бы не выразил своего отношения к тем замеча-

ниям, которые были сделаны в ходе рецензирования монографии и ее обсуждения. Едва ли стоит останавливаться на частных замечаниях, тем более что в большинстве своем они учтены и приняты. Основное из принципиальных замечаний, скорее возражение, чем замечание, связано с подходом к енисейским надписям как к несколько более поздним по сравнению с орхонскими. В нашем распоряжении нет ни одного датированного енисейского текста, и, конечно, наши выводы не опираются на какие-либо точно установленные факты, а сделаны на основании анализа содержания текстов, их структуры, особенностей письма. Немаловажное обстоятельство — оценка ситуации: Восточный каганат явился центром тюркской государственности и колыбелью древнетюркской культуры. Именно на его территории были воздвигнуты стелы с крупнейшими текстами, уровень выполнения которых и степень кодификации графики отличаются полнотой и очевидным совершенством. Трудно представить себе возможность создания рунического алфавита где-нибудь за пределами Восточного каганата. Обнаруживается определенная преемственность: во время существования Первого Восточного каганата в согдоязычной Бугутской надписи нашли отражение события ранней тюркской истории и они же более широко и подробно отразились в надписи на памятнике в честь Кюль-тегина, о чем свидетельствует соответствующий фрагмент. "Когда вверху было создано голубое небо, а внизу бурая земля, между ними двумя были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев, они стали поддерживать племенной союз и установления тюркского народа. В четырех сторонах (*resp.* углах) все были враги. Выступая с войском, они покорили все народы, находившиеся в четырех сторонах, и принудили их к миру ..... Они расселили [свой народ] на восток вплоть до Кадырканской черни, на запад вплоть до Темир-капыга".[3] Таким образом, предпосылки возникновения рунического алфавита были

[3] См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 28–29 (в перевод тюркского текста внесены незначительные изменения автором монографии).

заложены еще в Первом Восточном каганате, тогда как реализация их имела место значительно позже, на той же территории, но никак не в бассейне Енисея, где таких предпосылок не было и не могло быть. Да и сам характер енисейских надписей, в основном эпитафийных, не свидетельствует в пользу их изначальности и особой значимости, якобы предопределившей фундаментальность надписей с Орхона.

Другое замечание вызвано принципиальным несогласием с утверждением автора, что эволюция рунического письма тюрок характеризуется не прогрессивным движением, не последовательной реализацией скрытых потенций и направленностью к достижению более или менее явной нормативности, а довольно быстрым регрессом, постепенной деградацией и исчезновением. Это не предположение и не досужий домысел автора, а констатация действительного положения вещей: нет памятников IX–X вв., которые хотя бы отдаленно напоминали "царские" тексты Монголии своими размерами, особенностями стиля, богатством содержания и качеством графического исполнения.

Монография состоит из введения, двух глав, заключения и трех приложений, включенных в нее с целью более подробного освещения наиболее сложных вопросов тюркской рунологии. В кратком послесловии намечены перспективы дальнейших исследований в области тюркской руники. В конце монографии помещены две таблицы: нормативная таблица знаков орхонского алфавита, составленная по спискам, изданным разными авторами, и сводная таблица енисейских рун, с многочисленными вариантами написания знаков,составленная самим автором и приложенная к одной из его ранних работ.[4]

Мы не даем термин *рунический* в кавычках, как это принято у авторов большинства специальных работ: условность его применения хорошо известна тюркологам и не является помехой правильному восприятию существа рассматриваемой проблемы. Никто не смешивает тюркские руны с германскими.

[4] См.: *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник 1970. М., 1970, с. 123–24.

Оригинальные написания приводятся только по мере необходимости. В других случаях, с целью достижения точности передачи текста, используется прием заключения графически не обозначенных гласных в скобки.

Библиография — в ссылках. Пользование ею не представляет трудностей благодаря наличию именного указателя. И поскольку ссылки делаются избирательно, главным образом на важные издания оригинальных источников, а также на работы, посвященные происхождению тюркской руники и установлению границ ее распространения, количество упомянутых в монографии специальных трудов является ограниченным.

Сокращения

Периодические издания и сборники

ВЯ — Вопросы языкознания, Москва.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
ЗВО ИРАО — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, Санкт-Петербург.
ИАН — Известия Академии наук, Санкт-Петербург–Ленинград.
НАА — Народы Азии и Африки, Москва.
РА — Российская археология, Москва.
СА — Советская археология, Москва.
СВ — Советское востоковедение, Москва–Ленинград.
СТ — Советская тюркология, Баку.
СЭ — Советская этнография, Москва.
ТОЭ — Труды Орхонской экспедиции, Санкт-Петербург.
ЭВ — Эпиграфика Востока, Москва–Ленинград.
AM — Asia Major, London.
ALH — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
AO — Archiv Orientálni, Praha.
AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
BOH — Bibliotheca Orientalis Hungarica, Budapest.

BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.
CAJ — Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
JA — Journal Asiatique, Paris.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London.
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
KCsA — Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest.
KSz — Keleti-Szemle, Budapest.
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
MSOS — Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, Leipzig-Berlin.
RO — Rocznik Orjentalistyczny, Lwów–Kraków.
TDAY — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Ankara.
TP — T'oung Pao, Leide.
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., Berlin.
UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig–Wiesbaden.

Наименования научных учреждений, организаций, обществ

АН — Академия наук.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИВ — Институт востоковедения.
МГУ — Московский государственный университет.
СО — Сибирское отделение.
PIAC — Permanent International Altaistic Conference.

Прочие сокращения

Зап. — Записки
Изв. — Известия
сер. — серия
Тр. — Труды
Уч. зап. — Ученые записки

Bd. — Band
Lfg. — Lieferung
NF — Neue Folge
Taf. — Tafel

Введение

К истории открытия и изучения тюркских рунических текстов

Данная глава содержит краткие сведения об открытии памятников рунической письменности тюрок и об их изучении. Эти сведения не носят характера обычного историографического очерка: у них строго определенное целевое назначение — дать справочную информацию и назвать основные издания, чтобы облегчить проверку примеров и восприятие всего изложенного в последующих двух главах. Важное значение придается изданиям текстов, факсимильным и наборным, тогда как переводы, чтения и уточнения значений отдельных фраз и слов, по существу, остаются без внимания: поскольку наша работа посвящена проблеме происхождения и распространения рунического письма, вопросам предметной и структурной характеристики его, нет необходимости обращаться к толкованию текстов. Следует при этом учитывать и то, что тема открытия и изучения, чтения и перевода надписей, толкования и всестороннего комментирования их подробно освещалась или основательно затрагивалась в большом количестве монографий и специальных статей, и достаточно эпизодических ссылок на главнейшие из них, чтобы получить всю нужную информацию. В последующем перечне исследований не будут упомянуты многие филологические труды: в любом случае обращение к той или иной работе предопределено не желанием сделать более полным библиографический список, а стремлением расширить и углубить материальную основу исследования.

Мы выделяем несколько групп рунических надписей тюрок, исходя главным образом из места их нахождения и учитывая размеры, формальную и содержательную значимость.

I. Надписи Монголии.
II. Надписи бассейна Енисея и Хакасии.
III. Надписи Восточного Туркестана.
IV. Таласские памятники древнетюркской письменности.

V. Надписи Алтая.

VI. Рунические, или рунообразные, надписи, найденные в различных районах европейской части России.

VII. Рунообразные надписи Венгрии.

VIII. Рунообразные надписи Румынии и Болгарии.

IX. Прочие надписи.

Перечисленные группы образуют многоярусную сферу, центральное место в которой занимают надписи Монголии, представляющие, как правило, графически упорядоченные, цельные по содержанию и принципиально значимые тексты. В них много эпизодов из истории Центральной Азии и Восточного Туркестана и, шире, среднеазиатской истории, из жизни крупнейших деятелей Восточного каганата, из области взаимоотношений каганата с соседними государствами. На периферии находятся надписи Алтая, которые нельзя отнести к собственно памятникам письменности, и не только по причине их плохой сохранности. Еще дальше на периферии находится все или почти все то, что может быть отнесено к памятникам рунической письменности тюрок условно. Здесь мы часто имеем дело, скорее, с писаницей, чем с письменностью, то есть с совокупностью знаков, одни из которых передают какие-то значения, а другие являются случайно объединенными группами знаков, не поддающимися осмысленному чтению.

I. Надписи Монголии[1]

Важную роль в изучении памятников рунической письменности Монголии сыграл В. В. Радлов, приступивший к изучению их задолго до дешифровки алфавита. Занятия рунических надписями сблизили В. В. Радлова с такими известными исследователями Сибири и собирателями сибирских древностей, как Д. А. Клеменц, Н. М. Ядринцев, А. В. Адрианов, Н. М. Мартьянов. Последние сами и с помощью других

[1] Подробно об изучении данной группы надписей см. раб.: *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. — В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 37-60.

лиц добывали ценнейшие сведения о вновь открытых памятниках, снимали с них эстампажи, делали рисунки, чертежи и все это посылали В. В. Радлову. Таким образом, в конце XIX века образовалось небольшое, но очень деятельное содружество людей, объединенных одной целью: разгадать тайны Южной Сибири.

Первые рунические тексты Монголии открыл в 1889 г. Н. М. Ядринцев в ходе обследования им урочища Кошо-Цайдам, примерно в 400 км западнее Улан-Батора. Ими оказались надписи на стелах, поставленных в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. В 1890 г. памятники обследовала финская экспедиция во главе с А. Гейкелем, а в 1891 г. — экспедиция В. В. Радлова, в составе которой был и Н. М. Ядринцев. Результаты обследования памятников Кошо-Цайдама опубликованы в виде предварительного отчета и атласа[2] и в виде атласа.[3] Будучи самыми значительными по количеству знаков и самыми совершенными по качеству исполнения, они постоянно находятся в центре внимания широкого круга специалистов и именно они, вместе с ограниченным числом других надписей, играют главную роль в формировании взглядов ученых на характер рунической письменности тюрок.[4] Из

[2] *Радлов В. В.* 1) Предварительный отчет о снаряженной ... Академией наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона. — ТОЭ, I. СПб., 1892, с. 1-12; 2) Атлас древностей Монголии, I-IV. СПб., 1892-1899. Подробнее об изучении В. В. Радловым тюркской руники см. в раб.: *Щербак А. М.* В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. — В кн.: Тюркологический сборник 1971. М., 1972, с. 54–63.

[3] Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.

[4] *Radloff W.* 1) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. SPb., 1894; 2) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1. Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Text, Transscription und Übersetzung.SPb., 1894; 2. Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Glossar, Index ... SPb., 1894; 3. Lfg.: Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei. SPb., 1895; 3) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei (nebst einer Abhandlung von W. Bartold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften). Neue Folge. SPb., 1897; *Радлов В. В., Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники

других памятников Монголии выделяются надпись Тоньюкука (которую иногда именуют по той местности, где она была найдена — Баин-Цокто),[5] обнаруженная в 1897 г. на небольшом расстоянии от Улан-Батора; Онгинская надпись,[6] заслуга в открытии которой принадлежит Н. М. Ядринцеву, обнаружившему ее в 1891 г. в 40 км от Кошо-Цайдама; надпись на

в Кошо-Цайдаме. — ТОЭ, IV. СПб., 1897; *Thomsen V.* 1) Inscriptions de l'Orkhon déchifrées par ... — MSFOu, 1896, V; 2) Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. — MSFOu, 1916, XXXVII; 3) Samlede Afhandlinger, III. Kopenhagen, 1922 (перевод с датского: Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. — ZDMG, 1924, 78); *Мелиоранский П. М.* 1) Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. — ЖМНП, 1898, июнь, CCCXVII, с. 263–292; 2) Памятник в честь Кюль-тегина. — ЗВО ИРАО, 1899, XII, вып. II-III, с. 1–144 (в конце четвертого выпуска — "Указатель орхоно-турецких слов и форм, разобранных в статье", с. 0171–0174); *Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları, I. Istanbul, 1936; II. 1939; *Малов С. Е.* 1) Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с.17-55 (памятник в честь Кюль-тегина); 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, с. 11–25 (памятник Бильге-кагану); *Tekin T.* Orhon yazıtları. Ankara, 1988.

[5] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. Die Inschrift des Tonjukuk. SPb., 1899, S. 1–122; *Ross E. D.* The Tonjukuk inscriptions. — BSO(A)S, 1930–1932, VI, p. 37–43; *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, I, s. 97–124; III, s. 218–234; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности, с. 54–73; *Aalto P.* Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. — JSFOu, 1958, LX, S. 3–61; *Giraud R.* L'inscription de Baïn Tsokto. Édition critique. Paris, 1961; *Clauson G.* Some notes on the inscription of Toñuquq. — In: Studia Turcica. Budapest, 1971, p. 125–132; *Sertkaya O. F.* The first line of the Tonyukuk monument. — In: Probleme der köktürkischen Geschichte. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları: 131, Seri: IV, Sayı: A.40. Ankara, 1995, S. 24–27 (к данной статье примыкает ряд других статей О. Ф. Серткая по тексту Тоньюкука, с. 29–58, с приложением прорисовки и фотокопии всего текста); *Tekin T.* Tunyukuk yazıtı. Ankara, 1994; *Rybatzki V.* Die Toñuquq–Inschrift. — Studia Uralo-Altaica, Szeged, 1997, 40.

[6] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lfg. SPb., 1895, S. 243–256; *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, I, s. 125–132; III, s. 216–217; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 7–11; *Clauson G.* The Ongin inscription. — JRAS, Oktober 1957, p. 177–192, plates V–VI.

стеле в честь Кули-чора,[7] найденная В. Котвичем в 1912 г. в местечке Ихе-Хушоту; Суджинская надпись, [8] найденная Г. И. Рамстедтом в 1909 г. в северной Монголии, и найденный им же памятник Моюн-чору.[9]

II. Надписи бассейна Енисея и Хакасии[10]

Открытие первых рунических надписей на территории Хакасии связано с именем Д. Г. Мессершмидта, объехавшего Сибирь в 1720–1727 гг. и обнаружившего в 1721–1722 гг. первый уйбатский памятник и, совместно с Ф. И. Страленбергом, третий памятник у р. Тубы (каменная фигура человека с надписью на спине).[11] В начале XIX в. территорию Хакасии обследовал Г. И. Спасский, опубликовавший результаты своего исследования в 1818 г.[12] В 1847 г. на р. Уйбат и в ряде других мест побывал М. А. Кастрен, который открыл пятый уйбатский памятник и стелу у д. Означенной. Несколько позднее

[7] См.: *Kotwicz W.* et *Samoïlovitch A.* Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale. — RO (1926), IV, 1928, p. 60–107; *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, I, s. 133–151; *Tekin T.* A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p. 257–258, 293–295; *Clauson G., Tryjarski E.* The inscription at Ikhe-Khushotu. — RO, 1971, XXXIV, 1, p. 7–33, plates I–VI.

[8] См.: *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei, I. Die Inschrift des Grabsteins am Sūdži. — JSFOu, 1913–1918, XXX_3, S. 3–9, plates I; *Малов С. Е.* Памятник из Суджи (Монголия). — В кн.: Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 76–79.

[9] *Ramstedt G. J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei, II. Die Inschrift des Grabsteins am Šine-Usu, S. 10–37, plates II.

[10] Подробнее об открытии и изучении енисейских надписей см. в раб.: *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник 1970. М., 1970, с. 111–134. См. также популярное изложение обстоятельств открытия и изучения надписей в кн.: *Кызласов И. Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. М., 1994, с. 7–22.

[11] См.: *Strahlenberg Ph.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, S. 409 ff.; *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1727, I, Berlin, 1962.

[12] *Спасский Г. И.* Древности Сибири (с приложением альбома). — Сибирский вестник, СПб., 1818, I, 1, с.5–14, табл. II, III.

Н. А. Костровым были найдены памятники с руническими письменами у устья р. Оя и около д. Очуры в Койбальской степи, и Е. Ф. Корчаковым — два памятника у оз. Алтын-кёль. В 1885 г. П. И. Кузнецов открыл второй, в 1886 г. Д. А. Клеменц — первый, а в 1888–1889 гг. финская экспедиция — четвертый памятник у р. Уйбат, памятники Туба I, Ташеба и другие. В разное время разными лицами были обнаружены надписи на скалах по берегам рек Туба, Ах-юс, Хара-юс, а также монеты и предметы хозяйственного назначения,[13] точные места находки которых нам неизвестны.

Значительно позднее были обнаружены рунические надписи на территории Тувы. Так, первая находка была сделана Г. Н. Потаниным в 1879 г. на левом берегу р. Каа-Хем. В 1881 г. А. В. Адрианов, путешествуя по верхнему течению Енисея и его притокам, открыл и скопировал надпись на скале Хая-Бажы (*resp.* Хая-Ужу). Копии этой надписи были посланы Н. М. Ядринцеву, который опубликовал их вместе с копиями других надписей из Минусинского музея в 1885 г.[14] В 1888 г. в верховьях Енисея побывала финская экспедиция во главе с И. Аспелином,[15] обследовавшая 17 рунических надписей (Уюк-Аржан, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кара-Суг, Элегес, Кули-Хем, Чаа-Холь, Оттук-Даш, Хая-Бажы).[16] В 1889 г. А. Гейкелем были найдены стелы Хемчик-Чиргакы и Чаа-Холь III, в 1891 г. Д. А. Клеменц открыл памятники у р. Барык.[17] Последующие находки — многочисленные, но в большинстве своем незначительные по размерам и плохо сохранившиеся. Количество их постоянно увеличивается.

В собирании памятников енисейской письменности важную роль сыграл Минусинский музей, ставший с конца XIX в.

[13] См.: *Donner O.* Wörterverzeichniss zu den Inscriptions de l'Iénisseï. — MSFOu, 1892, IV, S. 3, 65.

[14] См.: *Ядринцев Н. М.* Древние памятники и письмена в Сибири. — В кн.: Литературный сборник. СПб., 1885, с. 456–476.

[15] См.: *Aspelin J.* Über die Jenisei-Inschriften. — Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1889, XXI, S. 744–746.

[16] См.: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.–Л.,1952, с. 11, 13, 16, 20, 25, 34, 35–43, 44.

[17] См.: *Кызласов Л. Р.* Краткая история археологического изучения Тувы. — Вестник МГУ, 1965, №3, с. 56 сл.

основным местом их сосредоточения. Многие памятники Тувы были обследованы в 1961 г. на месте и затем свезены в г. Кызыл экспедицией, состоявшей из трех человек, включая автора данной работы.

Начало публикации енисейских надписей было положено изданием материалов финской экспедиции[18] и эстампажей и рисунков с объяснительной запиской Д. А. Клеменца.[19] В первой половине XX столетия они привлекли к себе внимание В. Томсена, Х. Н. Оркуна и С. Е. Малова. В. Томсен сделал поправки к чтению надписей с р. Барык, р. Элегес и наскальной надписи Хая-Бажы (Хая-Ужу).[20] Х. Н. Оркун опубликовал с несколько измененным чтением и переводом 15 надписей из Хакасии и 27 — из Тувы.[21] В издание С. Е. Малова помимо надписей, опубликованных Х. Н. Оркуном и С. В. Киселевым, вошли эпитафии Телээ, Элегес I, II, Кызыл-Чираа I, II и Кёжээлиг-Хову.[22] Изданию надписей посвящены также статьи и разделы в работах Ф. Р. Мартина, Э. Друэна, А. Н. Самойловича, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, Э. Р. Рыгдылона, Ю. Л. Аранчына, А. Н. Бернштама, Л. Базена, З. Б. Арагачы, А. М. Щербака, И. А. Батманова, А. К. Боровкова, Д. М. Насилова, Л. Р. Кызласова, И. Л. Кызласова и других тюркологов.[23] И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа издали три

[18] См.: Inscriptions de l'Iénisséï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.

[19] См.: *Радлов В. В.* Атлас древностей Монголии, II, СПб., 1893. См. также: *Радлов В. В.* Атлас древностей Монголии, III, СПБ., 1896.

[20] См.: *Thomsen V.* Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. — MSFOu, 1916, XXXVII, p. 38, 60, 65.

[21] См.:*Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, III. Istanbul, 1940.

[22] См.: *Малов С. Е.* 1) Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.–Л., 1952; 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 68–75.

[23] Подробные библиографические сведения приведены в раб.: *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения, с. 115–119. См. также: *Самойлович А. Н.* Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — Тр.Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. СПб., 1912, XV, 1, с. 55–80.

выпуска альбома рунических надписей Тувы.[24] Самое значительное, важное для дальнейших исследований и чрезвычайно ценное по объему содержащейся информации — издание енисейских надписей, подготовленное и осуществленное Д. Д. Васильевым.[25] Оно заслуживает высокой оценки не только профессионализмом выполнения технической работы в условиях полевых и стационарных исследований (в музеях и хранилищах), но и тщательной обработкой разнообразного иллюстративного материала и отличным воспроизведением его, систематизацией и документацией всех обнаруженных примерно до 1980 г. енисейских надписей, а также наличием их уточненной транслитерации.

Повторная публикация надписей бассейна Енисея, предпринятая с целью обновления их чтения и переводов, осуществлена И. В. Кормушиным.[26]

III. Надписи Восточного Туркестана

Данную группу составляют наскальные надписи из Турфана, тексты на бумаге из турфанских находок, начало публикации которых было положено А. Лекоком и В. Томсеном.[27] Наиболее полный перечень текстов из Турфана, хорошо документированных, с транслитерацией,транскрипцией, глоссарием и комментариями приведен в статье О. Ф. Сертkая.[28]

[24] *Батманов И. А., Кунаа А. Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы, I, II, Кызыл, 1963; III, Кызыл, 1965.

[25] См.: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. М., 1983.

[26] *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

[27] См.: *Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan. — SPAW, phil.-hist.Kl., 1909, XLI, S. 1047–1059, XII Taf.; *Thomsen V.* 1) Ein Blatt in turkischer "Runenschrift" aus Turfan. — SPAW, phil.-hist. Kl., 1910, XV, S. 296–306; 2) Fragment of a runic Turkish manuscript Kao. 0107 from Karakhoja. — *M. A. Stein.* Innermost Asia. Oxford, 1928, II, p. 1082–1083; III, plate CXXIV. См. также: *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, III, s. 207–214.

[28] *Sertkaya O. F.* 1) Fragmente in alttürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden. — In: Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden,1985, S. 133–164; 2) Fragmente in alttürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden. — In: Probleme der köktürkischen Geschichte. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları: 131, Seri: IV, Sayı: A. 40, Ankara, 1995, S. 225–226; 3) Kâğıda yazılı Göktürk metinleri ve kâğıda yazılı Göktürk alfabeleri, ibid., s. 277–302. О надписях Восточного Туркестана см. также в раб.: *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности. — В кн.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992, с. 326–369.

Среди восточнотуркестанских памятников рунической письменности размерами и характером исполнения выделяется текст "Irq Bitig" ("Гадательная книга"). Написанный на бумаге, он заметно отличается, особенно начертаниями рун, от орхонских и енисейских текстов. Памятник был обнаружен в начале нынешнего столетия в Дунь-хуане. Рукопись хранится в Британском Музее (Or. 8212). "Irq Bitig" многократно издавался.[29] Критические замечания к изданиям В. Томсена, Х. Н. Оркуна и С. Е. Малова были сделаны Дж. Клосоном.[30] Последнее по времени издание текста, транскрипции и перевода с комментариями, глоссарием, факсимиле и обширной библиографией было предпринято Т. Текином.[31]

В "Irq Bitig" наблюдается много случаев написания *a* в первом слоге и даже в начальной позиции. Руны, обозначающие группы из лабиализованных гласных и *q, k*, нередко выступают в сочетании с рунами, которые обозначают соответствующие гласные.[32] Имеются и другие особенности использования графических средств, перечисленные в только

[29] См.: *Radloff W.* Alttürkische Studien, III. Ein Fragment in türkischer Runenschrift. — ИАН, VI сер., СПб., 1910, № 13, с. 1025–1036; *Thomsen V.* Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish "Runic" script from Miran and Tun-Huang. — JRAS, 1912, January, p. 190–214; *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, II. Istanbul, 1939, s. 69–93; *Малов С. Е.* Гадательная книжка. — В кн.: Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 80–92.

[30] *Clauson G.* Notes on the "Irk Bitig". — UAJb, 1961, XXXIII, 3–4, Dezember, p. 218–225.

[31] См.: *Tekin T.* Irk Bitig. The book of omens. — Turcologica, Wiesbaden, 1993, 18.

[32] См.: *Tekin T.* Irk Bitig, p. 4.

что упомянутой монографии Т. Текина.[33] Есть также дополнительные знаки. Однако нет ни прямых, ни косвенных свидетельств того, что список был составлен ранее второй половины VIII века. Дж. Клосон, считавший более вероятной датировку "Irk Bitig" IX веком, решительно заявил о том, что в данном случае мы имеем дело не с оригинальным авторским текстом, а с копией.[34] М. Эрдал по существу высказал ту же мысль, но вместе с тем подчеркнул, что рукопись представляет собой копию текста, первоначально написанного уйгурскими буквами.[35]

IV. Таласские памятники древнетюркской письменности

История открытия и изучения таласских памятников изложена в статье М. Е. Массона.[36] Тексты надписей с переводами и комментариями издавались многими тюркологами, из которых здесь следует назвать прежде всего С. Е. Малова,[37] И. А. Батманова[38] и Ч. Джумагулова.[39] Изучением таласских памятников в последние годы своей жизни занимался также В. Томсен, оставивший небольшое письменное наследство в виде пяти страниц, фотокопии которых были изданы Ю. Неметом в 1972 г.[40] Отдельным надписям из Таласа посвящены работы Г. Гейкеля, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, Ю. Немета. Нет необходимости сообщать более подробные сведения о них, так как в "Приложении" есть специальный раздел, посвященный таласским памятникам.[41]

Тексты из Таласа обнаруживают существенные графические и орфографические особенности по сравнению с орхонскими и енисейскими текстами, тем не менее принципиальную связь их с последними отрицать невозможно.

Особое место среди таласских эпиграфических текстов занимает надпись на палочке из Ачик-таша, являющаяся предметом специального обсуждения в упомянутом выше "Приложении".

V. Надписи Алтая

Алтай — крайняя северная граница распространения той разновидности рунического алфавита тюрок, которую обычно называют енисейской, хотя своеобразие начертаний, уровень выполнения и содержание текстов ставят данную группу в несколько изолированное положение. Здесь мы имеем дело с руническим письмом Южной Сибири на "затухающей" стадии его существования. Находки надписей с рунами или руноподобными знаками на Алтае многочисленны, количество их достигло шестидесяти,[42] и все же говорить о широком практическом использовании руники в этом регионе было бы излиш-

[33] Ibid., p. 5.

[34] *Clauson G.* Notes on the "Irk Bitig", p. 218–219.

[35] *Erdal M.* Irk Bitig üzerine yeni notlar. — TDAY-Belleten, 1977, s. 106.

[36] См.: *Массон М. Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса, М.–Л., 1936, вып. 6–7, с. 5–15.

[37] См.: *Малов С. Е.* 1) Таласские эпиграфические памятники. — В кн.: Материалы Узкомстариса, М.–Л.,1936, вып. 6–7, с. 17–38; 2) Памятники Киргизии V–VIII вв. и XIII–XIV вв. — В кн.: Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 57–68.

[38] *Батманов И. А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

[39] *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии, I. Фрунзе, 1963; III. Фрунзе, 1971.

[40] *Thomsen V.* Zur Deutung der Talas-Inschriften (1927). — ALH, 1972, XXII, 3–4, S. 245–250.

[41] См.: ниже, с. **127—129.**

[42] См.: *Евтюхова Л. А.* и *Киселев С. В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. — Тр. ГИМ, 1941, XVI, с. 113 (надпись на серебряном сосуде); *Тенишев Э. Р.* 1) Руническая надпись на утесе р. Чарыша (Алтай). — ЭВ,1958, XII, с. 62–66; 2) Древнетюркская эпиграфика Алтая. — В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966, с. 262–265; *Сейдакматов К.* Древнетюркские надписи в Горном Алтае. — В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964,с. 95–101; *Наделяев В. М.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1981, № 11, вып. 3, с. 65–81; 2) Древнетюркские надписи Горного Алтая. — В кн.: Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 82–84; *Кубарев В. Д.* К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая. — В кн.: Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно–Алтайск, 1992, с. 68–73 (обзорная статья);*Кызласов И. Л.* 1)

ней смелостью. Абсолютное большинство надписей — ограниченных размеров с произвольным расположением и небрежно вырезанными знаками, что иногда затрудняет их идентификацию. Нет ни одной надписи, которая заключала бы в себе связный и более или менее законченный по содержанию текст. Следует отметить вместе с тем то, что надписи алтайского цикла характеризуются, как вполне обоснованно подчеркивает И. Л. Кызласов, "систематическим несоблюдением норм классической рунической орфографии": смешением знаков для велярных и палатальных согласных, отсутствием четкого разграничения графических средств, передающих гласные звуки.[43] Правда,"примеры рунической малограмотности" находят у И. Л. Кызласова оригинальное и совершенно неожиданное объяснение: они "оказываются редкими свидетельствами обширных знаний средневековых тюрков, владевших несколькими принципиально различавшимися системами буквенного письма". Однако не ясно, какие это были системы и обнаружены ли конкретные случаи их реализации.

VI. Рунические, или рунообразные, надписи европейской части России[44]

Рунические, или рунообразные, надписи на территории ев-

Руническое письмо в горах Алтая. — В кн.: Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992, с. 73–76; 2) Горно-алтайские рунические надписи на стелах. — В кн.: Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994, с. 81–88; 3) Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 53–54; 4) Три типа древнетюркской рунической орфографии. — В кн.: 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996, с. 126–129; 5)Стелы с руническими надписями на Алтае. (К выделению местных групп енисейских эпитафий). — Вопросы тюркской филологии, III. (Материалы Дмитриевских чтений). М., 1997, с. 40–69.

[43] См.: *Кызласов И. Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии, с. 126 сл.

[44] См.: Щербак А. М. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — СТ, 1971, № 4, с. 76-82; Tryjarski E. Die runenartigen Schriften Südosteuropas. — In: Runen, Tamgas, und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden, 1985, S. 1–15; Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей, с. 15-42, 241-279.

ропейской части России были обнаружены в разных местах: на камнях и стенах Маяцкого городища, недалеко от Воронежа (в начале нынешнего столетия);[45] на баклажках Новочеркасского музея (время, место и обстоятельства находки баклажек неизвестны, установлено лишь, что одна из них поступила в музей в мае 1942 г.);[46] на камнях Хумаринского городища, в 15 км к северу от г.Карачаевска на Северном Кавказе;[47] на обломках стены Каракентского городища, расположенного в 10 км к юго-западу от Хумаринского городища;[48] на черепе коровы из кургана в 30 км от Элисты.[49]

С тех пор как В. Томсену удалось найти ключ к чтению орхоно-енисейских надписей, прочно укоренилось мнение, что использование рунического письма в Сибири и в Средней Азии имело место строго в пределах регионов, населенных тюркскими племенами. И когда рунообразные надписи были обна-

[45] См.: *Макаренко Н. Е.*Археологические исследования 1907–1909 гг. — Известия Археологической Комиссии. СПб., 1911, 43, с. 22–27; *Кызласов И. Л.* Рунические надписи Маяцкого городища. — В кн.: Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990, с. 10–40.

[46] См.: *Артамонов М. И.* 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. — Изв. ГАИМК, Л., 1935, 131, с. 100–101, прим. 1; 2) Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — СА, 1954, XIX, с. 263–268; *Щербак А. М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА, 1954, XIX, с. 269–282; 2) Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 1959, № 75, с. 386 сл.; *Кляшторный С. Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА, 1971, № 1, с. 270–275.

[47] См.: *Кузнецов В. А.* Надписи Хумаринского городища. — СА, 1963, № 1, с. 298–305; *Ščerbak A. M.* Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs occidentaux. — AOH, 1962, XV, 1–3, p. 283–290; *Байчоров С. Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989.

[48] См.: *Хабичев М. А.* О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах. — СТ, 1970, № 2, с. 64–69.

[49] См.: *Kljaštornyj S. G.*,Vásáry I. A runic inscription on a bull-skull from the Volga region. — In: Between the Danube and the Caucasus. Oriental sources on the history of the peoples of South-Eastern and Central Europe. Budapest, 1987, p. 171–179.

ружены также в перечисленных выше местах на территории европейской части России, сразу же возникла мысль об их принадлежности тюркам. Это казалось вполне естественным в силу того, что распространение рунической письменности в Евразии хорошо увязывается с границами расселения определенных этнических и языковых групп, в данном случае — с границами расселения хазар, печенегов, булгар. Однако наряду с несколькими вариантами дешифровки вновь найденных надписей исходя из их тюркской принадлежности были предложены чтения, основывающиеся на интерпретации некоторых из них как древнечеркесских, древнеосетинских или древнерусских (глаголических) текстов. Таким образом, с самого начала в центре внимания оказалась проблема определения языка этой группы надписей, без предварительного решения которой любые попытки прочитать их, естественно, обречены на неудачу.

Обнаружение рунических надписей на территории европейской части России привлекло внимание многих археологов, историков и лингвистов. Надписи неоднократно издавались, комментировались, и, как только что подчеркивалось выше, предпринимались многочисленные попытки их дешифровки. К сожалению, ни одно из предложенных чтений не является обнадеживающим, все они представляют собой лишь предварительные опыты, строгая проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов. Но уже теперь можно с уверенностью сказать, что многие из данной группы надписей имеют мало общего с обычными памятниками письменности. Например, трудно представить себе, чтобы все надписи Хумаринского городища являлись содержательными текстами.

Наиболее ранними обитателями земель, примыкающих к верхнему течению Кубани, были кашаки[50] (в древнерусских летописях: касоги) и аланы (в древнерусских летописях: ясы, в грузинских — осы). Согласно показаниям арабских источников IX–X вв., кашаки (~касоги) жили к западу от аланов и их земли простирались от Кабохских гор до Понтийского

[50] См.: *Maçoudi.* Prairies d'or. Paris, 1863, p. 45–47.

моря (то есть до Черного моря).[51] Как свидетельствуют исторические источники, расселение тюркских племен на Северном Кавказе происходило начиная с V–VI вв. н.э. Так, в VI в., или несколько раньше, на Кубани и в Приазовье появляются бургары (булгары).[52] В этом отношении примечательно содержащееся в церковной хронике Иоанна Эфесского (VI в.) сообщение о заселении булгарами страны алан.[53] Рядом с аланами булгары упоминаются и в хронике Захария Ритора.[54] После ухода части булгар в середине VII в. за Дунай и Волгу на Кубани остались так называемые кубанские, или внутренние, булгары. Булгария на Кубани и являлась той страной, которую Константин Багрянородный называл Черной Булгарией[55] (у автора сочинения "Оборона летописи Нестора" — "Древняя Великая Булгария Кубано-Кавказская со времени ее покорения хазарами").[56] По свидетельству одного из армянских географов, на Кубани в указанный период находились племена купи-булгар, дучи-булгар, орхондор-блкар и чдар-болкар.[57]

В первой половине IX в. на территории между Доном и Кубанью (ср. у Константина Багрянородного: Λεβεδια),[58] на границе или вблизи границ Черной Булгарии, появляются мадьяры, бывшие до этого соседями волжско-камских булгар (в западных районах современной Башкирии). Константин Багрянородный не уточняет географическое положение Лебедии, описания же арабских и персидских историков недостаточ-

[51] См.: *D'Ohsson C.* Des peuples du Caucase. Paris, 1828, p. 25.

[52] См.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 29.

[53] Ibid., S. 15, 16.

[54] См.: *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941, с. 82, 85, 165.

[55] См.: *Латышев В. В., Малицкий Н. В.* Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. — Изв. ГАИМК, 1934, 91, с. 11.

[56] См.: *Ламбин Н.* О Тмутараканской Руси. — ЖМНП, 1874, январь, CLXXI, с. 62.

[57] См.: *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. — ЖМНП, 1883, март, CCXXVI, с. 24.

[58] См.: *Moravcsik G.* Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958, S. 177.

но ясны. Как указывает Гардизи, места расселения мадьяр на Северном Кавказе примыкали к Черному морю.[59] В сообщении же Джейхани отмечается, что мадьяры живут в соседстве с аланами и что они отделены от них только рекой.[60]

В VI–VII вв. и в более позднее время, по крайней мере до X в., Северный Кавказ почти полностью был включен во владения хазар, пришельцев из Центральной Азии, возможно входивших до этого в конфедерацию уйгурских племен. Во второй половине IX в. в южно-русские степи начинают проникать печенеги, основная часть которых осела на территории между Волгой и Дунаем. Ближе к Дону находились печенежские роды чур, калпей, талмат и чопон. Южная граница расселения печенегов проходила по Дону. Вместе с тем можно допустить, что часть их располагалась значительно южнее излучины Дона. Автор персидского сочинения "Худуд ал-'алам" (X в.) описывает границы расселения "хазарских печенегов" так: восточнее их — Хазарские горы, южнее — аланы, на запад — Гурджийское море, на север — Мирват (?).[61] В другом месте, при описании границы Алании, он указывает, что западнее аланов — Рум, севернее — "хазарские печенеги" и что эти области покрыты горами.[62]

Итак, в районах находки рунообразных надписей на территории европейской части России на протяжении четырехпяти столетий (VI–X вв.) осели или пребывали временно хазары, аланы, касоги, бургары (булгары), мадьяры (?), "хазарские печенеги" и, возможно, славянские племена. Одни из них пребывали на указанной территории в течение небольшого периода времени и затем навсегда покинули ее (мадьяры), другие находились здесь продолжительное время и затем бесследно исчезли (хазары). Что касается "хазарских печенегов" и булгар, то их дальнейшая судьба неизвестна, хотя есть некоторые основания думать, что они участвовали в образовании

[59] См.: *Бартольд В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894 гг. — Зап. АН, VIII сер., I, 1897, № 4, с. 98 (122).

[60] См.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 161–164.

[61] Ḥudūd al-'Ālam. Trad. and expl. by V. Minorsky. London, 1937, p. 160.

[62] Ibid., p. 160, 443.

этнического субстрата ряда тюркских народностей Северного Кавказа.

Как следует из всего сказанного выше, из народов, живших в Прикубанье, Приазовье и в районах, примыкающих к Дону и Волге, рунами могли пользоваться булгары, печенеги, хазары, "хазарские печенеги" и мадьяры.

Булгары рано появились на Кавказе, и это делает маловероятным предположение о них как о "носителях" рунической письменности в рассматриваемом регионе: создание руни-ческого алфавита относится к довольно позднему времени (первая половина VIII в.), то есть к тому периоду, когда булгары уже полностью утратили связь с центрально-азиатской прародиной.

То же самое следует сказать о хазарах, которые в языковом отношении, по-видимому, были близки к булгарам. Ср. у Ибн Хаукаля: "Булгары говорят на том же языке, что и хазары", хотя в другом месте: "Язык хазар в целом отличается и от тюркского, и от персидского. Он не обнаруживает близости ни к одному другому языку".[63] У хазар, как сообщает Фахр ад-дин Мубаракшах (конец XII в.), пользующийся неизвестными нам источниками, письмо происходит от русского письма. "Хазары ... пишут слева направо, и буквы не соединяются между собой. У них 21 буква ... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудейство".[64] В данном случае имеется в виду, скорее всего, кириллица или глаголица. Далее Фахр ад-дин Мубаракшах отмечает наличие письменности у других тюрок, подчеркивая, что она двоякого рода: одна — согдийская, другая — токуз-огузская. Надобности в идентификации согдийской письменности нет, что же касается токуз-огузской, то Фахр ад-дин Мубаракшах мог иметь в виду, пожалуй, только руническое письмо (ср.: "двадцать восемь букв, пишут справа налево, буквы не связаны между собой").[65]

Возможность использования рунического алфавита мадья-

[63] См.: *D'Ohsson C.* Des peuples du Caucase, p. 25.

[64] См.: Ta'rikh-i Fakhru'd-din Mubarakshah. Ed. by E. D. Ross (James G. Forlong Fund). London, 1927, p. 46.

[65] Ibid., p. 44.

рами весьма велика, но она могла быть реализована только при условии тесных контактов с какими-то тюркскими племенами. Уместно отметить при этом, что рунообразные тексты были обнаружены и на территории Венгрии и что, по мнению большинства специалистов, все они — тюркского происхождения.

Маловероятно использование рунического алфавита аланами, касогами и славянами, если не считать его в высшей степени сомнительным.[66]

Больше всего оснований говорить о принадлежности донских и кубанских надписей той части печенегов, которая появилась на европейской территории России сравнительно поздно и до этого находилась в Средней Азии. Во всяком случае, речь может идти о принадлежности их только тюркским племенам, даже если предположение об особой роли печенегов окажется спорным. Важным аргументом, подкрепляющим этот вывод, является сама традиция использования рунической письменности. На территории России, за исключением единичных находок скандинавского происхождения, прослеживаются только тюркские рунические надписи, появление которых было эпизодическим фактом в истории тюркской культуры, но находилось в тесной связи с общим процессом ее формирования и развития и представляло собой одно из важнейших проявлений тюркского ренессанса.

VII. Рунические и рунообразные надписи Венгрии

В этой группе две небольшие надписи, изданные в пятидесятые годы в Венгрии[67] и в СССР,[68] а также надписи из Надь-Сент-Миклоша (в настоящее время территория Румынии) и

[66] Здесь уместно упомянуть о сенсационной находке небольшого рунического текста на датированном еврейском документе. См.: *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982, p. 41–43.

[67] *Csallány D.* Rovásírásos gyűrűk Magyarorszagon. — Archaeologiai Értesítő Kötet, 82, I Szám, Budapest, 1955, o. 85 (с резюме на русском языке).

[68] *Эрдейи И.* Новая руническая надпись из Венгрии. — ЭВ, 1958, XII, с. 59–61.

Сарваша. Надписи из Надь-Сент-Миклоша, обнаруженные в 1799 г., длительное время были предметом острых дискуссий. В. Томсен решительно высказался против установления прямой связи между ними и древнетюркскими руническими надписями, полагая, что они восходят к одной основе, но формировались разными путями.[69] Попутно заметим, что В. Томсен датировал надь-сент-миклошские надписи предположительно последней третью IX в.[70] Происхождение и датировка надписей неоднократно привлекали внимание и Ю. Немета, считавшего их печенежскими и, насколько нам известно, относившего их составление к тому же времени, что и В.Томсен.[71] Надпись на костяном игольнике из Сарваша,[72] пожалуй, — одна из самых ценных находок последнего времени, имевших место в Юго-Восточной Европе. Предмет с надписью был обнаружен в захоронении, которое рассматривается как часть аварского кладбища, датируемая первой половиной VIII в.[73] По времени составления надпись из Сарваша, возможно, находится в одном ряду с надписью из Надь-Сент-Миклоша. А.Рона-Таш, сопоставляя знаки надписей, высказал убеждение в том, что мы имеем дело с одним алфавитом и что язык обеих надписей должен быть идентичным.Предложив свою расшифровку вновь найденной надписи,[74] он затем на той же

[69] *Thomsen V.* Une unscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós. — In: Samlede Afhandlinger, III, p. 334.

[70] Ibid., p. 353.

[71] См.: *Németh J.* 1) Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. — BOH, 1932, II, S. 17–44; 2) The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe. — ALH, 1971, XXI, p. 1–52. См. также: *Jelić L.* Die Inschrift auf der Buila-Schale von Nagy-Szent-Miklós. — In: Studien zur Kunst des Ostens. Vienne, 1923, S. 147–158; *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, II, s. 185–207; *Altheim F.* Hunnische Runen. — In: Hallische Monographien, 1, Halle, 1948, S. 8–11.

[72] См.: *Róna-Tas A.* Die Inschrift des Nadelbehälters von Szarvas (Ungarn). — UAJb, NF, 1990, 9, S. 1–30, Taf. 1–4. Статья А. Рона-Таша содержит обширную библиографию по Восточно-Европейской рунической эпиграфике (S. 27–30).

[73] См.: *Juhász I.* Ein awarenzeitlicher Nadelbehälter mit Kerbschrift aus Szarvas. — AAH, 1983, 35, S. 373–377.

[74] *Róna-Tas A.* Die Inschrift des Nadelbehälters von Szarvas, S. 15–24.

основе дал новое чтение и толкование надписи из Надь-Сент-Миклоша.[75]

Мы не касаемся здесь секлерских, или секельских, рун, хотя высказывались предположения о том, что и они восходят к древнетюркским рунам. Все же появление их обычно относят к позднему времени.[76] Проблема происхождения секельских рун будет затронута во второй главе.

VIII. Рунообразные надписи Румынии и Болгарии[77]

Имеются в виду надписи на стенах церкви, обнаруженной в 1957 г. в меловом карьере в Северной Добрудже у Басараби, в 15 км западнее Констанцы (Румыния), на погребальной урне-горшке из Силистрии, на розетке из музея в Шумене, надписи на стенах Плиски и Преславы (Болгария).[78] О близости их к каким-либо упомянутым выше памятникам рунической письменности тюрок говорить пока преждевременно. Между тем В. Бешевлиев был убежден, что алфавит рунообразных надписей из Басараби (Мурфатлар) имеет много об-

[75] Ibid., S.24–27.

[76] См.: *Babinger F.* Ein schriftgeschichtliches Rätsel. — KSz, 1913/14, XIV, S. 4–19; *Munkácsi B.* Zum Problem der Székler Runenschrift. — Idem., S. 225–239.

[77] Подробная информация, копии и фотографии надписей из Румынии и Болгарии были в свое время с благодарностью получены от Д. П. Богдана, Ст. Станчева и Ж. Н. Выпсаровой.

[78] См.: *Bogdan D. P.* Grafitele de la Basarabi. — Analele Universitaţii C. I. Parhon, ser. ştiinţe sociale, istorie 16, anul IX. Bucureşti, 1961, p. 31–49; *Beševliev V.* Beobachtungen über die protobulgarischen Runeninschriften bei Basarabi (Murfatlar). — Bulletin du Musée National de Varna, 1977, XIII (XXVIII), S. 49–52, Taf. I–IX; *Vaklinov S.* Ein Denkmal runischen Schrifttums Pliskas. — In: Studia in HonoremVeselini Beševliev. Sofia, 1978, S. 245–254; *Tryjarski E.* 1) Nieznany alfabet. — Problemy. Miesięcznik popularnonaukowy. Warszawa, 1980, marzec, № 3 (408), s. 2–9; 2) État actuel des recherches sur l'alphabet de Murfatlar et de Pliska. — JA, 1981, CCLXIX, 1–2, p. 361–372; 3) Alte und neue Probleme der runenartigen Inschriften Europas. Ein Versuch der Entzifferung der Texte aus Murfatlar und Pliska. — In: Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa.Wiesbaden, 1985, S. 53–80; *Parzymiecs A.* Une autre lecture de l'inscription de Pliska. — JA, 1991, CCLXXXIX, 3–4, p. 227–232.

щего с так называемыми протобулгарскими знаками и является древнетюркским.

IX. Прочие надписи

В последнюю группу включены несколько статей, которые посвящены надписям и отдельным знакам из мест, не относящихся к регионам с интенсивным использованием руницеского письма.[79]

[79] См.: *Váry H.* Alttürkische Felszeichnungen in Nordost-Anatolien. — UAJb, 1968, XL, 1–2, S. 50–77; *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, с. 306–315; *Тенишев Э. Р.* 1) Камень с рунической надписью из Юрьева. — В кн.: Лингвистический сборник В. В. Решетову ... Ташкент, 1971, с. 21–23; 2) Руническая надпись из Кувы (Фергана). — В кн.: Восточная филология, III. Тбилиси, 1973, с. 263–265; *Róna-Tas A.* A runic inscription in the Kujbyšev region. — AOH, 1976, XXX, 3, p. 267–271; *Kurbatov H.* Idil-Çulman (Volga-Kama) boylarında ele geçen runic kitabeler. — Türk dünyası araştırmaları. Istanbul, 1994, 88, Şubat, s. 104–113.

Глава I

О происхождении и структуре рунического алфавита тюрок

Общие замечания

Основные положения этой главы были изложены в докладе, прочитанном во Франции на 37-й конференции PIAC, тема которой была сформулирована так: "Алтайский мир и запад: культурные, исторические, языковые контакты".

Я с большим интересом обратился к проблеме, которая, как мне казалось тогда и в чем убежден сейчас, может быть решена лишь с учетом существовавших издавна связей Востока с Западом, нашедших отражение в разного рода письменных источниках. При этом не было никаких сомнений относительно ранней взаимозависимости различных культур. Напротив, сложилось четкое, ясное понимание того, что важнейшие линии развития общественных институтов и культурного достояния народов часто смыкались или перекрещивались, дополняя и обогащая друг друга, и что развертывание их в условиях полной или относительно полной изоляции скорее — исключение, чем правило. Надо сказать, что еще В. В. Бартольд стал пересматривать давно сложившееся представление о некой изолированности процесса развития культуры древних тюрок от влияний со стороны Запада и вполне определенно выразил свое отношение к этому вопросу. "До последнего времени, — пишет он, — существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры ... Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у турок в VIII в., так и у монголов в XIII в., алфавитов переднеазиатского происхождения".[1]

[1] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Сочинения. М., 1968, V, с. 24–25.

О происхождении тюркских рун

Известны два принципиально значимых решения проблемы происхождения рунического алфавита тюрок, прямо противоположных по исходным позициям. Одно из них выносится в пользу семитического происхождения алфавита и обобщенно может быть изложено следующими словами: рунический алфавит в своей основной части восходит к арамейскому через одного или нескольких иранских посредников. Это решение, впервые предложенное В. Томсеном,[2] поддержали В. Радлов[3] и многие другие исследователи. Альтернативным решением подчеркивается независимое происхождение его, самобытность. Согласно последнему решению, рунический алфавит развился из идеограмм, тамг или примитивных знаков. В ряде случаев тезис о независимом возникновении его подменяется положением о местном происхождении, без учета того, что местное происхождение не исключает возможности посторонних влияний.

Едва ли необходимо подробно говорить о вариантах этих двух решений и о том, что побуждало специалистов принимать то или иное решение, и все же некоторые моменты, предопределившие разграничение позиций и взглядов, заслуживают быть особо выделенными.

В. Томсен, сразу же после дешифровки рунической письменности обративший внимание на связь тюркских рун со знаками арамейского алфавита, придавал большое значение внешним сходствам при передаче одних и тех же звуков и направлению письма.[4] Вместе с тем он счел необходимым отметить идеографичность ряда знаков, полагая, однако, что о точном соотнесении их с определенными объектами не может

[2] *Thomsen V.* 1) Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisséi. Copenhague, 1894, p. 47; 2) Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées ... — MSFOu, 1896, V, p. 47–48.

[3] *Radloff W.* Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben. — ИАН, VI сер., СПб., 1908, II, S. 836.

[4] *Thomsen V.* Samlede Afhandlinger III ("Remarques sur l'origine de l'alphabet"). København, 1922, p. 73 etc.

быть и речи.[5] Кстати сказать, и Е. Д. Поливанов, подчеркивавший идеографическое происхождение некоторых рун, воздерживался от далеко идущих выводов, дабы не вступать "на заведомо скользкий, лишенный критерия достоверности путь".[6] О. Доннер, предпринявший попытку сблизить тюркскую руническую письменность с разновидностью арамейского письма, зафиксированной на аршакидских монетах, в общем, обосновывал свою позицию теми же соображениями, что и В. Томсен.[7]

А. Дж. Эмре, имевший точку зрения, по существу прямо противоположную той, которой придерживался В. Томсен, абсолютизировал идеографические мотивы.[8] Заметим, что в последнее время прилагают усилия обосновать создание тюркского рунического письма "на основе имевшегося фонда рисуночных средств" и другие тюркологи, в частности В. Г. Гузев и С. Г. Кляшторный.[9]

Предположение о происхождении древнетюркских рун из тамг было высказано в статьях Н. А. Аристова[10] и Н. Маллицкого,[11] появившихся почти одновременно с работами В. Томсена и О. Доннера. Впоследствии оно преобразовалось в гипотезу о тамгово-пиктографическом этапе развития тюркской рунической письменности.[12] Так, исследуя этнический состав тюркских племен и народностей и занимаясь в связи с этим тамгами как родовыми знаками, Н. А. Аристов пришел к выводу, что они "были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания".[13] Точка зрения Н. А. Аристова вызвала стремление искать в тюркских тамгах пиктографические моменты и связывать с развитием тамг развитие тюркской рунической письменности. Эта тенденция в одном из крайних проявлений "яфетической" теории вылилась в утверждение о существовании тамгового этапа развития письменности и о тамговом происхождении всех существующих алфавитов. В некотором смысле компромиссной явилась точка зрения Д. Н. Соколова, поддержавшего гипотезу В. Томсена и О. Доннера и вместе с тем отметившего роль формы тамг в "национализации" букв арамейского алфавита.[14] Особый интерес к гипотезе о тамговом происхождении орхоно-енисейской руники эпизодически проявляют современные турецкие исследователи. Обращается внимание на сходство большинства знаков со старыми тюркскими тамгами и "знаками каменотесов" ("*taşçı işaretleri*"), и высказывается предположение, что рунический алфавит был создан "графиками-изобразителями" ("*bitikçi*"), исходя из потребности в "эстетических ценностях".[15]

[5] Ibid., S. 78–79.

[6] *Поливанов Е. Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита.— Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1925, № 9, с. 178. См. также: *Gabain A.* Alttürkisches Schrifttum. — Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, phil.-hist. Kl. Jg. 1948, Nr. III. Berlin, 1950, S. 11.

[7] *Donner O.* Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. — JSFOu, 1896, XIV, p. 5, 44 etc.

[8] *Emre A. C.* Sur l'origine de l'alphabet vieux-turc (dit alphabet runique de Sibérie).Istanbul, 1938.

[9] См.: *Гузев В. Г., Кляшторный С. Г.* 1) Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма. (К столетию дешифровки). — Вестник СПбУ, сер. 2: "история, языкознание, литературоведение", 1993, вып. 4, с. 60; 2) *Guzev V. G., Kljashtornyj S. G.* The Turkic runic script: Is the hypothesis of its indigenous origin no more viable? — RO, 1994, XLIX, 2, p. 90.

[10] *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов ... — Живая старина, СПб., 1894, III–IV, с.418-421.

[11] *Маллицкий Н.* О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. — Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год третий, 1897–1898, с. 43–46.

[12] См.: *Соколов А.* От камня к печатному станку. — Культура и письменность Востока. Баку, 1928, II, с. 116, 118.

[13] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина, СПб., 1896, III–IV, с. 285.

[14] *Соколов Д. Н.* О башкирских тамгах. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904, XIII, с. 85.

[15] См.: *Gülensoy T.* Orhun'dan Anadolu'ya Türk damgaları. Istanbul, 1989; *Gülensoy B.* Köktürk (Orhun ve Yenisey) alfabesinin grafik açıdan değerlendirilmesi.— "Yesevi", Istanbul, 1994, 1, s. 31–33.

Тамги[16] или подобные им знаки встречаются у разных народов, в частности в некоторых районах России ("пятна", "знамена", "метки", "клейма"[17] и т.д.) и Западной Европы, где их называют домóвыми или дворóвыми знаками ("Hausmarken", "Hofmarken") и где они составляли наследственную принадлежность рода.[18] Как и у многих других народов, в России знаки собственности могли иметь индивидуальные наименования, например: *крест, сорочья лапа, воронья лапа, рубеж, покой.*[19] Знаки, имевшие распространение в виде родовых клейм, так называемые "связанные руны", ("Binderunen"), известны и в Скандинавии. Для древних тюрок представление о тамге было одним из определяющих факторов не только юридического (знак собственности), но и этнического порядка. Например, Махмуд Кашгари в диване тюркских языков (XI в.) и Абу-л-Гази в сочинении "Родословная туркмен" (XVII в.) приводят длинные перечни тамг огузских племен (~родов?). Вообще, историко-этнографическое значение тамг и тамгообразных знаков отмечалось еще в середине XIX столетия.[20]

[16] Согласно широко распространенному мнению, слово *тамза (tamγa)* происходит от тюркского глагола *таз-*, или *так-*, приставлять, прикреплять и в нынешнем своем виде не обнаруживает прозрачной этимологической связи с ним вследствие имевшей место в далеком прошлом метатезы (зм>мз). О слове *тамза* см.: *Самойлович А. Н.* О "пайза" — "байса" в Джучиевом улусе. — ИАН СССР, VI сер., 1926, XX, № 12, 1111 сл. См. также: *Müller F. W. K.* Uigurische Glossen. — In: Festschrift für F. Hirth zu seinem 75. Geburtstag. Ostasiatische Zeitschrift, Berlin, 1920, 8, S. 323–324.

[17] См.: *Котляревский А. А.* Заметка к статье К. П. Тышкевича: "О свинцовых оттисках, найденных в реке Буге у Дрогичина". — Древности. Тр. Московского археологического общества, 1865–1867, I, с. 242–248; *Щербак А. М.* Знаки на керамике из Саркела. — ЭВ, 1958, XII, с. 52–58.

[18] См.: *Лучицкий И. В.* По поводу "Дрогичских древностей". — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, Киев, 1892, кн. 6, с. 82 сл.

[19] См.: *Ефименко П.* Юридические знаки. — ЖМНП, 1874, октябрь, CLXXV, с. 57.

[20] См.: *Шифнер А.* Об этнографической важности знаков собственности. — Уч. зап. АН по 1-му и 3-му отделениям, СПб., 1855, III, 5, с. 601–608. См. также: *Соловьева Е. Т.* О необходимости изучения

Заслуживают упоминания и многочисленные денежные знаки. Однако последние, при значительном сходстве их со знаками собственности, образуют обособленную ветвь ("фамильные знаки") и становятся монополией ограниченного круга лиц, обладающих правом чекана. Особое положение занимают также сословные знаки и знаки, высеченные на намогильных плитах.[21]

Абсолютизация идеографических мотивов и возведение рун к тамгам получили всестороннюю критическую оценку и едва ли станут когда-нибудь предметом серьезных научных дискуссий. Поэтому нет необходимости в пространном изложении контраргументов. Можно лишь подчеркнуть невероятность возведения рун к тамгам хотя бы по одному весьма серьезному обстоятельству: будучи знаками юридического или этнического характера, одни и те же тамги ставились на разных предметах, и, наоборот, одни и те же предметы помечались разными тамгами. В разграничении собственности и родовой принадлежности — сущность тамг, и без этой функции не было бы никакой необходимости в самом использовании их. Вместе с тем нельзя не отметить очевидность и бесспорность факта обратной направленности: широкое использование знаков письменности в качестве тамг,[22] возможность которого, естественно, становится реальной в довольно поздний период времени.

Иначе обстоит дело с поисками мотивов рисуночного письма. Развитие его от пиктографического к слоговому типу и, далее, к алфавитному является, по-видимому, обычным путем. Именно так представляет его себе В. Георгиев, касаясь

знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию. — В кн.: Тр. V русского археологического съезда в Тифлисе, М., 1887, с. 108–114.

[21] Этой группе знаков посвящена раб.: *Рыгдылон Э. Р.* О знаках на плитах с руническими надписями. — ЭВ, 1954, IX, с. 65-72. См. также: *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник 1970. М., 1970, с. 120.

[22] См.: *Rintchen Bi.* Les signes de propriété chez les mongols. — AO, 1954, XXII, 2–3, p. 468 etc.; *Ахмеров Р. Б.* Наскальные знаки и этнонимы башкир. Уфа, 1994, с. 57, 62.

проблемы происхождения наиболее распространенных систем письма: латиницы, кириллицы, арабицы: минойское пиктографическое письмо, развившееся под влиянием египетской письменности > минойское слоговое письмо > финикийское консонантное письмо > греческий алфавит.[23] Например, в минойском, — пишет В. Георгиев, — было слово **alĕwā* 'убежище, хижина, палатка'. "Минойский знак, — продолжает он, —заимствован финикийцами вместе с его минойским названием. Минойское слово было связано по народной этимологии с финикийским словом *alef* 'рогатый скот, вол'".[24] Однако трудно представить себе возможность постепенного, долговременного развития какого-либо вида слогового или алфавитного письма при параллельном использовании другой разновидности, заимствованной у одного из соседних народов.

Завершая краткий обзор мнений о происхождении тюркской руники, следует подчеркнуть, что автор не собирается выдвигать оригинальные гипотезы и не имеет намерений касаться частных вопросов, возникающих по поводу споров о происхождении отдельных знаков.Гипотеза, учитывающая различные обстоятельства появления письменности у тюрок и в наибольшей мере соответствующая действительному положению вещей, давно выдвинута и тюркологами, и иранистами. Наш долг рассмотреть ее с учетом относящихся к этой проблеме новейших фактов, с опорой на структурную и предметную характеристику рунического алфавита. Несколько слов о поисках прототипов тюркских рун. Поиски их производились многократно, однако возможность установить надежные материальные соответствия руники какому-либо другому алфавиту сомнительна. О причине такого пессимистического прогноза будет сказано несколько ниже.

Все, что предлагается нами, — не более как попытка нового подхода к решению проблемы в целом. Понятно, берущий на себя труд обсуждать ее и вести поиски приемлемых решений должен, в полном согласии с замечанием Дж. Клосона, ответить на следующие вопросы: почему, когда и кем был создан

[23] *Георгиев В.* Происхождение алфавита. — ВЯ, 1952, № 6, с. 79.
[24] Там же, с. 51.

рунический алфавит тюрок? Каждый из этих вопросов очень важен, и они тесно связаны между собой, охватывают все поле ведущихся исследований, но, как бы мы ни относились к ним и какими бы ни были наши ответы на них, все равно не обойтись без выяснения того, что представляет собой система рунического письма. В этом — непременное условие любого серьезного рассмотрения проблемы, от выполнения которого в значительной мере зависит возможность достижения ощутимых результатов.

Прежде чем перейти к структурной и предметной характеристике рунического алфавита, необходимо выразить свое отношение к широко распространенным взглядам на степень его соответствия звуковой системе древнетюркского языка, на его назначение и место среди других алфавитов, которыми пользовались древние тюрки. Одни из них стали своеобразными мифами, искаженно отражающими действительное положение вещей, другие, будучи достаточно острыми и проницательными, проложили путь к дальнейшим поискам, третьи — продолжили их с использованием дополнительных аргументов и подвели вплотную к обнадеживающим выводам.

А. Рунический алфавит тюрок вполне удовлетворительно отражает звуковую систему древнетюркского языка. Он несравненно более удобен, чем любой другой из употреблявшихся тюрками. Пожалуй, только так можно интерпретировать одно из высказываний в популярной монографии И. Л. Кызласова: "Классические древнетюркские рунические алфавиты — орхонский и енисейский (таласский изучен менее) — оказались необыкновенно, удивительно, чрезвычайно удобными для записи тюркской речи. Они передают ее особенности точнее всех перечисленных письменностей, в том числе и применяемых сегодня латиницы, кириллицы или арабского письма".[25] Хотя в другом месте тот же автор, присоединяясь к мнению С. Е. Малова о ребусовидности рунических надписей, в особенности тех, которые содержат небольшое количество знаков, пишет, что "не отступая от норм тюркской речи,

[25] См.: *Кызласов И. Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. М., 1994, с. 33.

всегда можно предложить несколько вариантов прочтения одной и той же надписи, если она коротка".[26]

Взгляд на тюркские руны как на самую совершенную систему графической передачи тюркских звуков получил широкое распространение даже среди специалистов-тюркологов. Для определенного же круга представителей интеллигенции ряда национальных республик он послужил опорой для предложения заменить кириллицу рунами. Однако собственно научные результаты анализа тюркской руники не дают оснований для высказываний о ее необыкновенном совершенстве. Впервые коснувшийся этого вопроса В. В. Радлов отнесся к нему со всей серьезностью и дал на него, по существу, исчерпывающий ответ. Главнейшая трудность при создании письменности для тюркских языков из какого-либо семитского алфавита, по его мнению, заключалась в том, что семитские алфавиты очень бедны знаками для гласных, в то время как тюркские языки располагали по меньшей мере восемью гласными.[27] Бедность, предельную ограниченность количества знаков для гласных трудно совместить с возможностью удовлетворительного отражения звуковой системы древнетюркского языка. Хотя частотность употребления гласных в тюркских языках весьма высока и лишь немного ниже частотности употребления согласных, состав знаков для них и особенности графической передачи находятся примерно на уровне уйгурского, манихейского и арабского алфавитов. Например, слова *qol* и *qul*, *kön* и *kün*, *az-* и *ez-*, *aš* и *eš* в графической передаче рунами не различаются. Между тем противопоставление широких и узких лабиализованных гласных, а также противопоставление нелабиализованных гласных заднего и переднего рядов в фонологической системе древнетюркского языка играло первостепенную роль. Попытка О. Прицака представить эту систему в количественно ограниченном составе (пять гласных: *i*, *u*, *ü*, *a*, *ä*) не подкреплена убедительными доказательствами.[28]

[26] Там же, с. 36–37.

[27] См.: *Radloff W.* Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, S. 836.

[28] См.: *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages: The system of the Old Turkic runic script. — Journal of Turkish Studies. Harvard University, 1980, 4, p. 93.

Б. Рунический алфавит тюрок — обычная система письма, широко использовавшаяся для разных целей. Для подобного взгляда нет достаточных оснований. Рунический алфавит — необычная графическая система. Обязанностью его творца, как справедливо заметил Дж. Клосон,[29] было изобрести недоступную для понимания других народов письменность, приблизить ее к тайнописи. Первоначально она была элитарной, предназначенной для удовлетворения потребностей крупнейших деятелей Восточного каганата в изложении его истории, политических и социальных конфликтов и событий собственной жизни. Однако с течением времени границы использования рун раздвинулись, хотя значительно сузилась "тематика" текстов и стали предельно ограниченными их размеры.

Попутно заметим, что рунам, в особенности германским, нередко приписывается особая культовая или мировоззренческая значимость[30] и, вероятно, это делается не без оснований,так как во всех известных случаях руника дублирует обычное алфавитное письмо.

В. Тюркские руны — письменность, имевшая длительную многоступенчатую историю становления, находившаяся в процессе последовательных изменений и прошедшая несколько этапов совершенствования. Так, А. Рона-Таш допускает возможность реконструкции по крайней мере четырех ступеней развития орхоно-енисейского (*resp.* восточно-тюркского) рунического письма:[31]

I.	A, $\dot{I}$, W,	b, d, g, y, l, n, r, t, k^1, k^2, s^1, s^2, $\check{c}$, p, m	
II.	$\ddot{W}$	b^2, d^2, g^1, y^1, l^2, n^2, r^2, t^1, η, $\tilde{n}$, k^3, k^4, k^5,	
III.		$\check{s}$, z	$\underset{\frown}{ld}$, $\underset{\frown}{nd}$, $\underset{\frown}{n\check{c}}$
IV.	$\dot{e}$	s^{1-2}	

Длительность существования рунического письма у тюрок не подтверждается ни одним фактом. Опираясь на име-

[29] *Clauson G.* The origin of the Turkish "runic" alphabet. — Acta Orientalia Havniae, 1970, XXXII, p. 57, 60.

[30] Ср.: *Arntz H.* Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944, S. IX, 276.

[31] См.: *Róna-Tas A.* On the development and origin of the East Turkic "Runic" script. — AOH, 1987, XLI, 1, p. 11.

ющиеся в нашем распоряжении данные, мы вправе утверждать, что период активного, целевого применения рунического алфавита у тюрок в Восточном каганате длился с начала VIII в. до начала IX в., то есть охватывал примерно одно столетие. Все памятники, выделяющиеся значительными размерами, излагающие важные события в каганате и являющиеся целенаправленно составленными содержательными текстами, такие как Онгинская, Селенгинская, Суджинская надписи, надписи Бильге-кагана, Кюль-тегина, Тоньюкука, Карабалгасунская надпись и некоторые другие относятся как раз к этому периоду. Это не значит, что в середине IX в. или в начале X в. рунический алфавит полностью прекратил свое существование. Принципиально изменились его функции, он утратил первоначальное назначение. Прекратив существование в орхонском регионе Восточного каганата, он продолжал использоваться в бассейне Енисея, на Алтае, в Восточном Туркестане, в Средней Азии и других местах, причем преимущественно для написания стандартизованных эпитафий, надписей мемориального характера, для нанесения собственнических и других меток. Написание отдельных рунических знаков или их групп стало, кроме того, своеобразным способом орнаментации бытовых предметов. Не являясь связным, осмысленным текстом, такие группы знаков не поддаются дешифровке, и попытки чтения их, естественно, обречены на неудачу. То, что имеется в нашем распоряжении, свидетельствует в пользу предположения Дж. Клосона о создании рунического письма как единовременном акте. Аналогичное предложение с развернутым обоснованием было сделано В. А. Лившицем. "Представляется вероятным, — пишет он, — что руника возникла в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной стихийной трансформации".[32] В самом деле, создание такой графической системы, какой является тюркское руническое письмо основной группы текстов из Монголии, немыслимо путем долговременного непроизвольного формирования. И прежде всего потому, что, выделяясь четкой отработанностью, устойчивостью, наличием относительно строгих орфографических норм, она вместе с тем содержит явно нарочитые, не продиктованные принципиальными соображениями эпизодические отступления от норм, издержки. Безусловно, руническая письменность изменялась, но не в направлении упорядочения и совершенствования, как считал П. М. Мелиоранский,[33] а в сторону деградации и полного исчезновения, так как не была обычной графической системой и не была, вообще, единственной системой письма у древних тюрок. Хорошо известно, что параллельно использовались согдийский алфавит и несколько преобразованный на его основе уйгурский, а также манихейское письмо и деванагари. Руника была обречена на полное исчезновение, в частности, и потому, что структурные особенности ее знаков являлись непреодолимым барьером на пути преобразования в курсивное письмо.

Можно, следуя за А. Рона-Ташем, реконструировать четыре ступени развития древнетюркской руники, можно реконструировать и значительно большее количество их, но подобные реконструкции будут не более чем умозрительными экспериментами, не имеющими никакой практической значимости, поскольку нет текстов, подтверждающих существование выделяемых ступеней. Конечно, есть определенные различия в составе знаков и их начертаниях между некоторыми надписями, которые не поддаются систематизации и, по-видимому, обусловлены региональными или местными особенностями использования единой графической системы. В свое время приписывался особый статус Онгинской надписи, и она рассматривалась как памятник, отражающий начальный этап развития рунического письма. Определенную роль в этом сыграли замечания В. В. Радлова по поводу необычного, своеобразного начертания в ней ряда рун.[34] Сравнивая их с рунами

[32] См.: *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности. — СТ, 1978, № 4, с. 93.

[33] *Мелиоранский П. [М.]* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. — ЖМНП, 1898, июнь, CCCXVII, с. 278.

[34] *Radloff W.* 1) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg.: Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler in Flussgebiete des Jenissei. SPb., 1895, S. 245; 2)

на памятниках Кошо-Цайдама, а также указывая на отсутствие у составителя надписи четкого представления о разграничении парных знаков (для твердорядных и мягкорядных согласных) и использование им как равноценных рун 𐰴 и 𐰺, 𐰍 и 𐰖, В. В. Радлов полагал, что знаки Онгинской надписи наиболее древние и что они образуют переходную ступень от енисейских рун к орхонским. Вместе с тем он подчеркивал значительные различия между орхонским и енисейским алфавитами и, принимая во внимание отсутствие на территории между рекой Хануй и хребтом Танну-Ола следов рунических надписей, делал вывод об их независимом друг от друга развитии.[35]

Действительно, в Онгинской надписи есть случаи нечеткого разграничения парных знаков (для твердорядных и мягкорядных согласных), однако сами по себе парные знаки различаются. Не различает их, или путает, составитель надписи, и это следствие его индивидуальных особенностей, а не нечто, обусловленное своеобразием графической системы. К сказанному добавим, что исследованием Онгинской надписи занимался и Дж. Клосон, резко выступивший против тенденции считать ее наиболее ранним руническим текстом[36] и датировавший составление надписи промежутком времени между 732 г. и концом 734 г.[37]

Известна также попытка установить нижнюю границу использования руники где-то на рубеже V–IV вв. до н.э. путем отнесения к древнетюркским памятникам надписей на серебряной чашечке из долины реки Или и на костяной бляхе из долины реки Иртыша, "символа небесного оленя-солнца".[38] Наибольшую активность в раннем датировании формирования тюркского рунического алфавита ("не позже середины

Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte. — ИАН, VI сер., СПб., 1911, № 5, с. 315.

[35] См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., S. 301.

[36] См.: *Clauson G.* The Ongin inscription. — JRAS, Oktober, 1957, p. 179.

[37] Ibid., p. 192.

[38] См.: *Аманжолов А. С.* К генезису тюркских рун. — ВЯ, 1978, № 2, с. 76.

I тысячелетия до н.э.") проявляет А. С. Аманжолов, легко отвергающий точки зрения всех предшественников и в категорической форме, без каких-либо доказательств, приписывающий надежность и непогрешимость своим расшифровкам указанных выше надписей.[39] Можно с уверенностью сказать, что надпись на бляхе не просматривается ни с какой стороны, а надпись на серебряной чашечке в ее фактическом (не стилизованном) виде не воспринимается как обычный рунический текст. Что касается заявления А. С. Аманжолова о том, что тюркский рунический алфавит восходит непосредственно, по-видимому, к какому-то раннему логографическому или алфавитному письму III–II тысячелетий до н.э.,[40] то оно не имеет под собой никакой почвы, является откровенно спекулятивным.

Г. Возникновение рунической письменности у тюрок не было одноместным. Она появилась одновременно или почти одновременно в разных местах, и таким образом различные региональные виды ее нельзя возвести к одному прототипу. С предельной четкостью этот взгляд выражен в монографии И. Л. Кызласова, содержащей полную и обстоятельно изложенную характеристику всех выделенных им рунических и руноподобных алфавитов тюрок. "В книге, — пишет он, — выдвигаются две взаимосвязанные концепции. Первая состоит в признании множественности рунических письменностей степной зоны Евразии. Вторая — в признании того, что за каждым из алфавитов стоит определенное раннесредневековое государство".[41] В другой монографии, содержащей популярное изложение сведений об открытии и изучении памятников рунической письменности тюрок, а также о структуре письма, его происхождении и распространении, И. Л. Кызласов ре-

[39] Там же, с. 83.

[40] Там же, с. 85

[41] См.: *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 11. В этой же монографии названо количество выделенных алфавитов и приведены конкретные данные по составу знаков в каждом из них. См.: с. 68, табл. XXIII.

шительно подчеркивает наличие у тюрок восьми различных рунических алфавитов.[42]

Становление государственных образований имело важное значение для создания письменности, хотя одного этого фактора было недостаточно. Едва ли следует напоминать о том, каким мощным государственным образованием был Первый тюркский каганат, просуществовавший с 552 г. до 630 г. н.э. и охватывавший огромную территорию Центральной Азии. И все же нет ничего, что могло бы свидетельствовать в пользу гипотезы о создании рунического алфавита тюрок в период существования Первого тюркского каганата. Правда, имеется одна значительная по размерам и содержанию надпись, относящаяся к этому времени и, более того, отражающая события указанного периода, однако язык ее не тюркский, а согдийский.

Появление письменности и, в особенности, совершенно нового алфавита предопределено существенными изменениями в жизни народа, крупными преобразованиями, в первую очередь, социального и политического характера. Обычно письменность становилась важнейшей исторической вехой, "служила цементом, которым пользовались основатели и строители великих империй ..." и нередко рассматривалась как "божественный" дар.[43] Возникновение тюркской государственности в Центральной Азии подготовило благоприятные условия для ее появления, другие же факторы предопределили своеобразие путей и способов становления письменности. Как раз в это время тюрки проявляют повышенный интерес к различным религиозным концепциям (христианству, буддизму, манихейству), а также к государственному устройству и культуре соседних народов. На древнетюркский язык переводятся манихейские и буддийские тексты, упорядочиваются и надлежащим образом, четко и последовательно, разграничиваются титулы и должности государственных мужей и их ближайшего окружения, причем последние, пожалуй, без исключений

[42] См.: *Кызласов И. Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. М., 1994, с. 33.

[43] См.: *Добльхофер Э.* Знаки и чудеса. Пер. с нем. М., 1963, с. 21–22.

являются заимствованными словами, ср.: *qaγan, jabγu, šad, tegin, qatun, qunčuj, tutuɳ, beg.*

Из сказанного следует, что появление письменности — событие эпохального значения, связанное с фундаментальными изменениями в жизни народа, и невозможно даже предположить, что процесс создания тюркской руники мог быть множественным, разноместным. Маловероятен и параллелизм, одновременное использование рунической письменности в различных регионах. Итак, непреложной истиной является то, что только важные, чрезвычайно важные и благоприятные для формирующегося государства обстоятельства, внутренние и внешние, создавали почву, интенсивно питающую ростки бурно развивающейся культуры и обеспечивающую многообразие ее проявлений. Будучи высочайшим достижением культуры, руническая письменность явилась следствием сложного взаимодействия нескольких факторов, особенных по своей природе, степени устойчивости, общественной и государственной значимости. В условиях кочевого или полукочевого хозяйственного уклада, продолжительных и многократных миграций распространение ее, после утраты элитарного характера и частичной деградации, не представляло больших трудностей, и появление руники в нескольких регионах создавало иллюзию разноместного самобытного возникновения ее.[44]

Д. Большинство или часть рун являются знаками других письменностей, выступая в существенно преобразованном или частично измененном виде. Впервые обративший внимание на сходства знаков рунического алфавита тюрок и согдийской письменности Р. Готьо высказал предположение, что для создания руники использовались знаки раннего варианта согдийского алфавита, известного по так называемым "Старым письмам", и что знаки подвергались различным преобразованиям.[45] При этом Р. Готьо,[46] как и В. Томсена, смущало

[44] См. ниже, с. 84, 87 сл.

[45] *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne. Première partie: Phonétique. Paris, 1914-1923, p. 5 etc.

[46] *Ross E. D.* et *Gauthiot R.* L'alphabet sogdien d'après un témoignage du XIIIe siècle. — JA, 1913 (Mai-Juin), p. 525–526.

то обстоятельство, что между временем функционирования согдийской письменности "старого" типа и временем возникновения тюркской руники — слишком большая дистанция.[47] Новые данные позволили Р. Готьо сделать вывод, что в эпоху, когда Согдиана находилась под тюркским господством, еще обращались к согдийской письменности "старого" типа и что алфавит, именовавшийся согдийским, охватывал все арамейские знаки. "Поэтому, — подчеркивает он, — естественно допустить, что рунический алфавит ведет свое начало не от "старого" согдийского письма и не от того небольшого количества знаков, которое имелось в нем, а от разновидности его с двадцатью пятью знаками, из которых двадцать два — арамейские и три — дополнительные".[48] В. Томсен, в отличие от Р. Готьо, допускал возможность существования в Согдиане наряду с курсивным типом согдийского письма подобного ему некурсивного типа ("d'un caractère plus raide et plus monumental").[49] Хотя О. Доннер в основном разделял точку зрения В. Томсена на происхождение тюркских рун, он предпринял попытку построить собственную концепцию, предварительно собрав и сопоставив все доступные ему материалы. Соображения О. Доннера, изложенные в большой и содержательной статье, уместно изложить подробнее. Тюркские руны — арамейского происхождения. Одним из ближайших прототипов он называет разновидность арамейского письма, которая прослеживается на аршакидских монетах. Однако руника формировалась не непосредственно на ее основе, непосредственной основой была широко распространенная в Туркестане в первые века нашей эры разновидность. Конец империи парфянских аршакидов — первая половина III в. н.э. Исходя, очевидно, из этого и учитывая другие обстоятельства, О. Доннер относит формирование тюркской руники к сравнительно

[47] Эту дистанцию сократил В. Б. Хеннинг, посчитавший возможным отнести составление "Старых писем" к началу IV в. См.: *Henning W. B.* The date of the Sogdian ancient letters. — BSO(A)S, 1948, XII, 3–4, p. 614–615.

[48] *Ross E. D.* et *Gauthiot R.* L'alphabet sogdien ..., p. 526.

[49] *Thomsen V.* Samlede Afhandlinger, p. 76, n. 1.

отдаленному периоду времени.[50] По мнению Дж. Клосона, основу орхоно-енисейского рунического алфавита составляли знаки, смоделированные со старых иранских прототипов (большинство их соответствует старым согдийским написаниям), часть знаков — греческого происхождения.[51] В. А. Лившиц придерживается той точки зрения, что "согдийские графемы служили для творцов руники лишь исходными прототипами, формы которых были существенно изменены, причем основные изменения были продиктованы задачей создания лапидарного письма".[52] Как полагает А. Рона-Таш,[53] древние тюрки позаимствовали ту разновидность арамейского алфавита, которая близка к согдийскому или армазскому,[54] но не идентична им. Мнение О. Прицака таково, что тюркское рунические письмо является производным от какого-то пока неизвестного западного семитского слогового письма, через один или большее количество иранских и/или, возможно, алтайских посредников.[55]

Поскольку руны были не обычной, а элитарной системой письма, по крайней мере в начальный период их использования, и в определенной мере тайнописью, попытки обнаружить для каждого знака конкретный и точный материальный прототип, вероятно, обречены на неудачу. И Дж. Клосон, и В. А. Лившиц, и А. Рона-Таш правы в том смысле, что создатель рунического алфавита широко пользовался знаками других письменностей, но не копировал их: была поставлена цель создать нечто совершенно отличное от других систем письма, недоступное для свободного чтения, и творческое начало сводилось к достижению этой цели. Именно по-

[50] См.: *Donner O.* Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. — JSFOu, 1896, XIV, p. 67.

[51] *Clauson G.* The origin of the Turkish "runic" alphabet, p. 59–60, 66.

[52] *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности, с. 93.

[53] *Róna-Tas A.* On the development and origin of the East Turkic "Runic" script, p. 11.

[54] См.: *Церетели Г. В.* Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита, I. — ЭВ, 1948, II, с. 100.

[55] *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages: The system of the Old Turkic runic script, p. 84.

этому поиски прототипов рунических знаков в определенной мере беспредметны, хотя сам факт полного или частичного совпадения отдельных из них со знаками алфавитов, восходящих к арамейскому,[56] не вызывает сомнений. Добавим, что творческие возможности создателя алфавита не ограничивались преобразованием знаков других письменностей, часть рун была создана заново и, в первую очередь, те, которые с бóльшими или меньшими основаниями могут быть отнесены к числу пиктограмм. Очевидно, собственное творческое начало создателя алфавита активно проявилось и при разграничении графическими средствами значительной группы согласных по признаку твердости/мягкости, а также при создании лигатур. Именно это дало основание В. Готьо, не сомневавшемуся в согдийских (*resp.* арамейских) истоках рунической письменности тюрок, рассматривать ее как продукт тонкого и искусного творческого акта, как настоящую переделку, а не как результат простого использования чужого алфавита.[57] Подводя итог сказанному выше, сделаем следующее замечание. Прозрачная материальная близость к согдийскому алфавиту категорически исключалась и целевым заданием, и характером используемого материала, и тем, что согдийский алфавит являлся или, по крайней мере, становился общеупотребительной системой письма древних тюрок, хотя и в несколько преобразованном виде. Однако этим замечанием нисколько не умаляется его роль в создании руники. Ориентация на согдийский алфавит — естественное выражение тех интенсивных культурных связей, которые древние тюрки постоянно поддерживали с согдийцами и которые, как известно, сыграли важную роль в появлении у тюрок манихейского алфавита. Согдийцы с довольно раннего времени активно "обживали" территорию Восточного Туркестана, продвигались далеко на Восток, вплоть до Китая, и создавали в разных местах свои колонии. Влияние иранской цивилизации вооб-

[56] См.: *Lerch P.* Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudahs ... — Tiré du Vol. II des Travaux de la 3e session du Congrès international des Orientalistes, Leide, 1878, p. 13; *Церетели Г. В.* Армазское письмо ..., с. 100.

[57] *Ross E. D.* et *Gauthiot R.* L'alphabet sogdien d'après un témoignage du XIIIe siècle, p. 526.

ще и согдийской в частности прослеживается во многих областях.[58] Нет необходимости доказывать, что согдийский язык длительное время был "орудием передовой культуры и международным языком всей Центральной Азии".[59] Вместе с тем не исключена возможность использования рунического алфавита и самими согдийцами: сохранились пять среднеиранских фрагментов Турфана, написанных рунами.[60]

Е. "Можно предположить, что приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку началось очень рано, возможно, в период обитания племени ашина (*тюрк*) в Гаочане и других оазисах Восточного Туркестана, колонизованных согдийцами (V в.)".[61] В данном случае имеется в виду приспособление старого согдийского алфавита в целях формирования рунической письменности.

Однако сам автор считает, что выдвинутая им гипотеза "может быть доказана только открытием в Восточном Туркестане рунических памятников, ранняя дата которых не будет вызывать сомнений".[62] Есть определенные основания говорить о довольно раннем приспособлении согдийского алфавита для передачи тюркских текстов, но не в виде рунической письменности, а как такового, без существенных изменений. Иными словами, можно допустить, что первоначально тюрки пользовались согдийским алфавитом: в Турфанском фонде в Берлине хранятся фрагменты согдографичных тюркских текстов. Правда, возможно они и не относятся к дорунического периоду.[63]

[58] См.: *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées ..., p. 51 etc.; *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne, p. I–XVIII (Introduction). См. также: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники, с. 78–101 (раздел: "согдийцы и тюрки").

[59] См.: *Huart C.* L'Iran antique. Élam et Perse et la civilisation iranienne. Paris, 1943, p. 28.

[60] См.: *Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan. — SPAW, phil.-hist. Kl., 1909, XLI, S. 1054-1055; *Sertkaya O. F.* Kâğıda yazılı Göktürk metinleri. (III. Sovyet-Türk kollokyumu. 8–15 Haziran 1990, Alma-Ata, Kazakistan SSR). Istanbul, 1990, s. 10–11.

[61] См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники, с. 49.

[62] Там же, с. 49.

[63] См.: *Le Coq A.* Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde. —

Само собой разумеется, что использование тюрками согдийского алфавита обеспечивало четкое и ясное представление о его составе и его внутренней структуре, которое поддерживалось впоследствии широким распространением уйгурской письменности, явившейся модифицированной и более курсивной формой согдийского алфавита. Итак, в полном согласии с предположениями, высказанными Р. Готьо и В. А. Лившицем, мы рассматриваем согдийский алфавит как исходную позицию в создании рунического письма. В основу были положены предопределившие его структуру идеи или, как выразился Л. Базен, он стал интеллектуальной моделью рунического алфавита, тогда как материализация этих идей путем образования составляющих законченную систему знаков является собственно тюркской. Попутно заметим, что, по мнению В. А. Лившица, непосредственной основой для руники послужил довольно поздний вариант согдийского курсивного письма, то есть тот вариант, который идентичен уйгурскому письму.

Ж. Тюрки могли пользоваться двумя алфавитами — руническим и уйгурским,[64] одновременно.

Параллельное существование двух систем письма объясняется тем, что у них были разные функции, о чем уже говорилось выше. Функциональные различия обусловили и выбор материала, хотя он не был строго лимитированным. Руническое письмо специально предназначалось для камня, позднее его использовали и для нанесения надписей на изделия из металла и дерева, и даже на бумагу. Поэтому в нем преобладают геометрические формы, как наиболее удобные для вырезывания или выбивания. Материалом же для уйгурских текстов, представляющих религиозные трактаты, юридические и хо-

MSOS, 1919, XXII, S. 93 ff.; *Gabain A.* Alt-türkische Texte in sogdischer Schrift. — In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh. Budapest, 1976, S. 69–77; *Fedakâr D.* Das Alttürkische in sogdischer Schrift. Textmaterial und Orthographie (Teil I). — UAJb, 1991, NF 10, S. 85–98.

[64] О раннем использовании уйгурского алфавита см.: *Drouin E.* Sur quelques monnaies turco-chinoises des VIe, VIIe et VIIIe siècles. — "Revue Numismatique", 4e série. Paris, 1891, IX, p. 472.

зийственные записи, служила бумага. И это естественно: уйгурский алфавит — разновидность курсивного письма. Невероятно, чтобы эти две графические системы не были связаны между собой. На бесспорную связь указывает прежде всего то, что гласные в них обозначены сходным способом: (*a*, *e*), (*o*, *u*), (*ï*, *i*), (*ö*, *ü*).[65] Уместно особо выделить последний рунический знак, который В. Томсен был склонен рассматривать как сочетание двух рун, и , устанавливая таким образом его полное структурное сходство с соответствующим уйгурским знаком.[66] Подобное совпадение не может быть случайным. Обе системы обозначения гласных не выходят за пределы общеизвестного семитского типа. Избегая излишней категоричности, следует говорить даже о некоторой материальной близости сопоставляемых знаков. Несомненно, упомянутая в предыдущем разделе попытка О. Прицака[67] количественно ограничить состав древнетюркских гласных путем приведения его в соответствие с графическими средствами руники, не содержит в себе ничего позитивного. С таким же успехом и при изучении поздних арабографичных текстов можно было бы ограничиться выделением 3 или 5 тюркских гласных.

Структурная и предметная характеристика рунического алфавита

Почти все тюркологи, в той или иной форме проявляющие интерес к рунике, отмечают наличие сложившихся в последние годы благоприятных условий для решения проблемы происхождения тюркского рунического алфавита и справедливо подчеркивают, что надежный, продуктивный путь решения указанной проблемы — в тщательном и глубоко продуманном изучении его структуры и графической системы в целом.

[65] См.: *Ščerbak A. M.* À propos de l'origine de l'alphabet turc prétendument "runique". — "Études mongoles et sibériennes, 1996, 27. Actes de la 37e P.I.A.C. Conférence internationale permanente des études altaïques. Chantilly, 20–24 juin 1994". Paris, 1997, p. 82.

[66] См.: *Thomsen V.* Samlede Afhandlinger, p. 78.

[67] См. выше, с. 40.

В. Томсен, выдающийся ученый и знаток особенностей рунической графики, считал тюркские руны, скорее, буквенной системой письма, чем слоговой. Большинство тюркологов придерживались раньше и придерживаются в настоящее время этой точки зрения. В отличие от В. Томсена, О. Прицак убежден, что тюркское руническое письмо должно рассматриваться как слоговое.[68] Обе точки зрения хорошо известны, и, по-видимому, нет большой необходимости подробно излагать их. Специально проблемой передачи гласных в тюркских рунических надписях занималась И. Р. Мейер, выводы которой изложены в виде обобщающей констатации всех случаев обозначения или, напротив, необозначения гласных.[69] Утверждая, как и О. Прицак, что руническое письмо является слоговым, И. Р. Мейер приходит к заключению о регрессивном употреблении слогового знака, имплицирующем 1) (в первом слоге) отсутствие гласного или качество, придаваемое предшествующему гласному; 2) (в непервых слогах) отсутствие гласного или гласный, заданный качеством гласного предшествующего слога. Если качество гласного не может быть установлено через предшествующий слог, обозначение его становится обязательным. Действительно, "имплицируется" не последующий, а предыдущий гласный, однако своеобразие системы рунической письменности тюрок не в импликации гласных.

Для Д. Дирингера тюркская руническая письменность — смешанная силлабо-алфавитная система.[70] Не ясно, на чем основывается этот вывод, так как использование нескольких знаков для сочетаний *q, k* с разными гласными, причем во многих отношениях непоследовательное, никак не свидетельствует о смешанности принципов построения рунического письма.

[68] *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages: The system of the Old Turkic runic script, p. 93. См. также: *Johanson L.* Graphie und Phonologie im Türkischen: Probleme der Lautharmonie. — In: Probleme der Graphie. Tübingen, 1994, S. 84, 93.

[69] *Meyer I. R.* Bemerkungen über Vokal- und Schriftsystem des Runentürkischen. — Acta Orientalia, Copenhagen, 1965, XXIX, 1–2, p. 199–201. О распределении рун, обозначающих гласные, см. также: *Giraud R.* L'inscription de Baïn Tsokto. Édition critique. Paris, 1961, p. 31 etc.

[70] *Diringer D.* The alphabet. A key to the history of mankind. London, 1949, p. 315.

Чтобы не впасть в заблуждение, следует отметить, что у гласных в тюркском руническом письме есть своя автономная система графических средств, хотя она ограниченная и частотность употребления соответствующих знаков уступает аналогичным показателям для согласных. Фактически знаков — три, так как на графическом уровне различаются только три типа гласных: *a(e), o(ö)/u(ü), ï(i)*. Знак 𐰴 является, так сказать, избыточным: он используется как дополнительное средство передачи переднерядного огубленного гласного. Знак же 𐰺 выступает лишь в енисейских надписях, и его оригинальную фонетическую значимость создает дополнительный дифференциальный признак — степень раствора (*ê*).

Далее, обращает на себя внимание то, что количество знаков для гласных и согласных в основной группе письменных памятников — чуть более 30, точнее 31. Когда называется другая цифра — 38 или 39, — то имеются в виду также дополнительные, избыточные знаки, которые дублируют графические средства передачи ряда консонантических сочетаний и сочетаний согласных *q, k* с гласными, дублируют, но не обозначают какие-либо особые звукосочетания. Для слоговой системы письма такого количества графических средств явно недостаточно. Конечно, есть графические системы, располагающие предельно ограниченным количеством слоговых знаков (50), например японские катакана и хирагана. Но, за единичными исключениями, в названных системах знаки передают открытые слоги. И так как для японского языка характерен именно такой структурный тип, наличие небольшого количества знаков является вполне естественным. Больше того, теоретически допустимы слоговые системы письма с еще меньшим количеством знаков, разумеется, при условии наличия соответствующих структурных особенностей. Тюркские же слоги структурно многообразны, представлены разные типы, исключено лишь стечение согласных в начальной позиции: Г, ГС, ГСС, СГ, СГС, СГСС. Их невозможно передать, основы-

ваясь на принципах слогового письма, ни 31 знаком, ни 38 (39), ни даже 100 знаками.

Руническое письмо несколько напоминает слоговое частичным отсутствием обозначения гласных, однако не имеет ничего общего с ним: знаки для гласных отсутствуют в определенных условиях, которые не очень строго детерминированы, но, тем не менее, довольно четко очерчены и в основных чертах поддаются описанию. Так, гласный первого слога может быть передан отсутствием знака, фонетическая значимость которого устанавливается с помощью графики последующих слогов, подобно тому как фонетическая значимость непереданных графически второго и третьего слогов, исключая конечную позицию в слове, выявляется посредством графики первого слога.

Полное отсутствие знаков для гласных является способом обозначения: 1) *a, e* — в любом слоге, или 2) *a, e* — в первом слоге и *u, ü, i, ı* — во втором. Следует подчеркнуть, что иное чтение стоящих рядом знаков для согласных в первом слоге полностью исключено, так как в древнетюркском языке стечения согласных в подобных позиционных условиях недопустимы. Таким образом, в первом слоге обозначены все гласные, кроме *a, e*; в конце слова — все гласные, включая *a, e*. Примеры:[71] *toquz* '9', *qurïγ(a)ru* 'назад, на запад', *(e)dgüti* 'хорошо', *bod(u)n* 'народ' (КТм$_2$), *qïrq(ï)z* — этноним (КТб$_4$), *qubr(a)tm(ï)š* 'собрал' (КТб$_{12}$), *j(a)bl(a)q* 'плохой' (КТб$_{51}$), *(a)ltun* 'золото', *küm(ü)š* 'серебро', *(a)γï* 'дар' (КТб$_{52}$); *b(e)n* 'я' (Тон$_1$), *j(e)ti* '7' (Тон$_4$), *(e)ki* '2' (Тон$_{10}$), *idi* 'хозяин, повелитель' (Тон$_{11}$), *q(a)lur* 'остается' (Тон$_{19}$), *jorï-s(a)r* 'если идти' (Тон$_{23}$), *(a)lp* 'герой' (Тон$_{29}$), *t(a)bγ(a)č* — этноним, *b(a)r* 'есть' (Тон$_{30}$), *q(a)tun* 'жена', *sü b(a)ši* 'предводитель войска' (Тон$_{31}$), *q(a)γ(a)nγ(a)ru* 'кагану' (Тон$_{33}$); *bod(u)n(u)na* 'моему народу' (Кызыл-Чираа I$_1$), *sü(ü)g birle* 'копьем' (Кызыл-Чираа I$_4$), *qïrq* '40' (Кызыл-Чираа II$_2$); *t(a)t(a)r* — этноним, *ot(u)z* '30' (Усть-Элегест$_4$).

[71] Предлагается небольшое количество примеров, так как в большинстве случаев способы передачи гласных одинаковы. По мере необходимости примеры документированы ссылками на строки надписей, преимущественно по изданиям В. В. Радлова и С. Е. Малова, с непременной проверкой по другим изданиям, перечисленным во введении. Гласные, не имеющие автономного графического обозначения, здесь и ниже даны в скобках.

Прослеживаемые в орхонских и енисейских надписях правила передачи гласных могут быть сформулированы более конкретно. Основная особенность этих правил — экономия графических средств, с преобладающей ориентацией на безусловную необходимость обращения к ним для обеспечения понимаемости текста. Однако соблюдение их не абсолютно обязательное. Как будет показано ниже, велико количество случаев, когда передача гласных графическими средствами является избыточной, то есть, иначе говоря, является сплошной.

Знак ⌠ встречается в конечной позиции. Примеры: *(a)nta k(e)sre* 'после этого, затем' (КЧ$_{19}$), *t(a)pa* 'на, против' (КЧ$_{20}$); *t(e)ŋride* 'на небе, небесный' (КТм$_1$), *bu s(a)b(ï)mda* 'в этих моих словах' (КТм$_{10}$); *j(e)me* 'также' (КТб$_3$), *bod(u)nqa* 'народу' (КТб$_7$), *q(a)γ(a)nqa* 'кагану' (КТб$_{16}$), *k(e)če* 'перейдя' (КТб$_{39}$), *j(a)r(a)t(ï)γma* 'сделанный, созданный' (КТб$_{53}$); *b(a)ŋa* 'мне' (Тон$_{31}$). Случаи употребления ⌠ в первом слоге единичны: *arq(a)da* 'сзади, позади' (Тон$_5$), *at(ï)γ* 'имя' (в вин. пад.) (КЧ$_1$), *anča* 'столько' (КЧ$_{20}$), *ačs(ï)q* 'голод' (КТм$_8$); *jaš(ï)mta* 'когда мне было ... лет' (Кёжээлиг-Хову$_2$), *taš* 'вне, внешний' (Кёжээлиг-Хову$_4$), *azd(ï)m* 'я сбился с пути' (Кёжээлиг-Хову$_5$).

Знаки ⌠ ⌡, передающие узкие и полуширокие лабиализованные гласные, соответственно заднего и переднего ряда, в первом слоге в абсолютном большинстве случаев обязательны, тогда как в последующих слогах, исключая конец слова, выступают реже. Ср.: *(a)ju ol(u)rtï* 'назвал, установил' (КЧ$_{14}$), *toŋ(u)z* 'свинья' (КЧ$_{18}$), *joγl(a)dï* 'хоронили, участвовали в погребении' (КЧ$_{27}$); *bod(u)n* 'народ' (КТм$_7$), *üčün* 'из-за' (КТм$_9$), *j(a)r(a)turt(u)m* 'я поручил создать', *toqïtd(ï)m* 'я установил, воздвигнул' (КТм$_{12}$); *toq(u)z(u)nč* 'девятый' (КТб$_{53}$); *öz(ü)m* 'я сам', *türk* — этноним (Тон$_1$), *üč(ü)n* 'для, из-за' (Тон$_3$), *toq(u)z oγ(u)z* — этноним (Тон$_9$), *künt(ü)z* 'днем' (Тон$_{12}$), *t(e)-gürt(ü)m* 'я довел' (Тон$_{19}$), *bu jol(u)n* 'этой дорогой' (Тон$_{23}$), *ol(u)r(u)ŋ* 'оседайте, размещайтесь' (Тон$_{31}$); *türk bod(u)n* 'тюрк-

ский народ' (Онг$_3$). При употреблении знаков во втором слоге наличие их в первом становится необязательным, ср.: *(ö)güm* 'моя мать' (Усть-Элегест$_9$); *(ü)čün* 'для, из-за' (Телээ$_2$).

Знак Ꞁ, используемый для передачи узких нелабиализованных гласных, распределен примерно так же, как и знаки > Ꞁ, но с меньшей степенью обязательности в непервых слогах, исключая конец слова: *išb(a)ra* — титул (КЧ$_2$), *b(a)r(i)p* 'отправившись' (КЧ$_{20}$), *k(e)lti* 'прибыл' (КЧ$_{26}$), *bitid(i)m* 'я написал' (КЧ$_{28}$); *(e)šidg(i)l* 'слушай' (КТм$_1$), *q(a)t(i)γdï* 'крепко' (КТм$_2$), *kič(i)g* 'немного' (КТм$_3$); *idi* 'хозяин, повелитель' (Тон$_{11}$), *(e)š(i)d(i)p* 'услышав' (Тон$_{22}$), *Ïn(a)l q(a)γ(a)n* — Иналкаган (Тон$_{31}$), *qïj(i)n* 'наказание, кара', 'мучение' (Тон$_{32}$).

Знак ꝺ, встречающийся только в енисейских надписях, выступает в первом слоге: *êl(i)m* 'мой племенной союз' (Усть-Элегест$_4$); *kêj(i)k* 'зверь' (Кызыл-Чираа II$_5$); *bêš* '5' (Кёжээлиг-Хову$_2$), *jêr(i)m* 'моя земля' (Кёжээлиг-Хову$_6$), *êlig* '50' (Кёжээлиг-Хову$_7$). За пределами первого слога он возможен лишь в порядке исключения: *t(e)bêm* 'мой верблюд' (Телээ$_3$).

Понятно, что при наличии изложенных выше правил все односложные слова с узкими нелабиализованными и узкими, и широкими лабиализованными гласными переднего и заднего ряда, а также некоторые слова с полуширокими нелабиализованными гласными переднего ряда выписаны полностью, и одного этого факта достаточно, чтобы подтвердить полную несостоятельность отнесения рунического алфавита тюрок к типу слоговых систем письма. Сплошная графическая передача гласных в соответствующих односложных словах, по существу, не знает исключений, и поэтому необходимость в ссылках на источники отпадает. Ср.: *el (il)* 'племенной союз', *beš* '5', *bïŋ* '1000', *bir* '1', *biz* 'мы', *bod* 'тело', 'туловище', *bol* 'будь!', *boz* 'серый', *bu* 'этот', *buŋ* 'печаль, скорбь', *čor* — титул (?), *čub* — этническое подразделение, *ič* 'внутренняя часть', *jer* 'земля', *jïl* 'год', *jïš* 'чернь (горный лес)', *jol* 'дорога', *joq* 'нет', 'отсутствие', *jüz* '100', *kök* 'небо', 'голубой', *köl* 'озеро', *kü* 'слух, молва, слава', *küč* 'сила', *Kül* — имя собств., *kün* 'день', 'солнце', *küŋ* 'служанка', 'рабыня', *ol* 'он', 'тот', *on* '10', *oŋ* — чин, должность, *oq* 'стрела', *ot* 'огонь', *ot* 'трава', *öd* 'время', *ög* 'мать', *öŋ* 'перед', *ört* 'огонь', *öz* 'сам', *qïrq* '40', *qïz* 'девочка', *qoj* 'овца', *qop* 'все', *qum* 'песок', *qul* 'раб', *qut* 'счастье, блаженство', *siz* 'вы', *söz* 'слово', *sub* 'вода', *sü* 'войско', *tïl* '"язык"', 'лазутчик', *ton* 'одежда', *toq* 'сытый', *tört* '4', *tün* 'ночь', *türk* — этноним, *tüz* 'ровный', *uč* 'конец, край', 'крыло (войска)', *unč* 'возможный', *üč* '3'.

Напротив, в односложных словах с широкими нелабиализованными гласными заднего и отчасти переднего ряда гласные не выписаны, то есть они обозначены отсутствием специальных графических средств: *(a)j* 'луна', 'месяц', *(a)lp* 'герой', *(a)q* 'белый', *(a)t* 'лошадь', *(a)z* 'мало', *(a)z* — этноним, *(e)b* 'дом', *(e)ŋ* 'самый' (превосход. ст.), *(e)r* 'муж, мужчина', *(e)š* 'друг', *b(a)j* 'богатый', *b(a)r* 'есть', 'наличие', *b(a)rs* 'барс', *b(a)š* 'голова', *B(a)z* имя собств., *b(e)g* 'бек', *b(e)n* 'я', *č(a)b* 'слава, молва', *Č(a)ŋ* имя собств., *j(a)š* 'год', 'возраст', *j(a)š* 'слеза', *j(a)z* 'весна', *q(a)č* 'сколько', *q(a)n* 'правитель', *q(a)n* 'кровь', *q(a)ŋ* 'отец', *q(a)r* 'снег', *q(a)š* 'бровь', *s(e)n* 'ты', *š(a)d* — титул, *š(e)g* 'падаль' (?), *t(a)γ* 'гора', *t(a)ŋ* 'заря, рассвет', *t(a)p* 'служи!', *t(a)š* 'камень', *t(a)š* 'внешняя часть', *t(a)t* 'чужеземец, иноплеменник', *t(e)g* 'подобный', *t(e)r* 'пот'.

К сказанному следует добавить, что и в значительном количестве многосложных слов за пределами первого слога имеет место передача всех гласных графическими средствами или отсутствием их для *a* и *e*. При этом одни из них выступают как словоизменительные или словообразовательные формы односложных слов с лабиализованными или узкими нелабиализованными гласными. Некоторые же выписаны полностью, чтобы избежать смешения с другими словами. Наконец, есть слова с полным обозначением гласных, которые оказались таковыми, очевидно, случайно. Примеры: *bunča* 'столько', *išbara* — титул, *jïlqïγ* 'его табуны' (вин. пад.), *kisisin* 'его женщин' (вин. пад.), *oγlïn* 'его детей' (вин. пад.), *süsi* 'его войско', *uluγ* 'великий', *üčün* 'из-за' 'для' (КЧ); *bir jülqa beš jolï* 'в один год пять раз', *boltï* 'стал', *buni* 'это' (вин. пад.), *költe* 'на озере', *ölti* 'умер', *törüg* 'законы, установления' (вин. пад.) (БК); *berür* 'дает', *bičin* 'обезьяна', *bilge* 'мудрый', *birle* 'с', *böri* 'волк', *ilgerü* 'вперед', *joγčï* '"плакальщик"', *kesre* 'после, за-

тем', *kirü* 'входя', *kiši oγlï* 'сын человеческий', *körti* 'видел', *ölü* 'умирая', *subï* 'его во́ды', *süčig* 'сладкий', *süŋük* 'копье', *süsi* 'его войско', *toquz* '9', *tölis* — этноним, *tuta* 'держа', *tutdï* 'держал', *urtï* 'ударил', *üze* 'над' (КТб); *uluγ* 'старший' (МЧ); *uγγur* — этноним, *kentü* 'сам', *Orqun* — геогр. наим., *sü jorïdï* 'отправился в поход', *ït[t]ï* 'послал', *öŋre* 'вперед', *bïŋa* 'тысяче', *kirti* 'вошел', *kеče* 'ночь', *burγuda* 'в Бургу' ("достиг Бургу") (Su); *idi* 'хозяин, повелитель', *bu jolun* 'этой дорогой', *ötrü* 'затем, после', *qodï* 'вниз (по течению)', *sïdï* 'сломал, разрушил' (Тон).

Не меньше примеров сплошной передачи графическими средствами гласных в енисейских надписях, однако этот цикл рунических памятников нуждается в специальных комментариях. Уровень исполнения многих енисейских надписей ниже соответствующего уровня орхонских: в енисейских надписях правила графической передачи гласных часто не соблюдаются с достаточной степенью строгости и время составления большинства их должно быть отнесено к периоду частичной деградации рунического письма. Нередко наблюдается отсутствие обозначения гласных в случаях, когда оно совершенно необходимо, иногда же гласные выписываются без значительных ограничений, например в тексте Кёжээлиг-Хову: *êl* 'племенной союз', *êlig* '50', *bêš* '5', *bïŋ* '1000', *bir* '1', *bodunum* 'мой народ', *boltum* 'я стал', *bolup* 'став', *Čubuč* — имя собств., *Jam* — географ. наим. (?), *jêgirmi* '20', *jêtmiš* '70', *jïl* 'год', *jüz* '100', *kök* 'голубой', *Kümül* — имя собств. (?), *künge* 'солнцу', *men* 'я', *otuz* '30', *öge* — должность, чин, *ögsüz* 'без матери', *qïrq* '40', *qujda* 'в покоях', *qunčujum* 'моя госпожа', *siz* 'вы', *subum* 'мои во́ды', *taš* 'внешний', *toquz* '9', *tutdum* 'я держал, управлял', *üküš* 'много', *ürüŋüm* 'мое белое'.

О так называемых дополнительных знаках

Хотя данная тема тесно связана с содержанием предыдущего раздела, ее целесообразно выделить в самостоятельный раздел. Завершая структурную и предметную характеристику рунического алфавита, необходимо особо подчеркнуть те специфические моменты его структуры, которые вызывают повышенный интерес к себе у исследователей алфавита.

Сначала о знаках, которые традиционно относятся к силлабическому типу: 𐰴 oq, uq ~ qo, qu, 𐰆𐰋 ök, ük ~ kö, kü, 𐰇 ïq ~ qï. Несомненно, они являются дополнительными, более того, избыточными и, конечно, не имеющими очевидных прототипов в согдийском или каком-либо другом алфавите. Вместе с тем было бы большой смелостью предположить, что творец рунического письма, создавая дополнительные знаки, ставил себе цель "разбавить" его алфавитный тип силлабическим. Дополнительные знаки вводились, скорее всего, для усложнения письма, для увеличения в нем элементов тайнописи. Напомним, что они не обязательно обозначают слоги: нередко в начале, середине и конце слова выступают в сочетании с графическими средствами, передающими соответствующие гласные. Достаточно привести несколько примеров из двух текстов, надписей на памятниках в честь Кюль-тегина и Тоньюкука, чтобы получить представление об обычности использования их в качестве собственно консонантических знаков: 𐰴𐰍𐰃𐰚𐰍𐰴 *qurïγ(a)ru* 'назад, к западу', 𐰚𐰴 *qop* 'все' (КТм$_2$), 𐰴𐰍𐰓𐰘 *B(a)j(ï)rqu* — этноним (КТм$_4$), 𐰇𐰾𐰢𐰚𐰇 *qïdm(a)z* 'не сбивающийся, не отклоняющийся' (КТм$_6$), 𐰾𐰺𐰴 *qut(u)m* 'мое счастье' (КТм$_9$), 𐰉𐰑𐰚𐰲 *türk* — этноним (КТм$_7$); 𐰲𐰍𐰚𐰇 *qïrq* '40' (КТм$_{15}$), 𐰇𐰚𐰇 *qïz* 'девочка' (КТб$_{24}$), 𐰘𐰴 *qoj* 'овца' (КТб$_{53}$); 𐰾𐰽𐰃𐰚𐰇 *qïl(ï)nt(ï)m* 'я сделался, подвергся', 𐰚𐰲𐰑𐰑𐰑𐰆 *kör(ü)r (e)rti* 'подчинился' (Тон$_1$), 𐰚𐰢𐰴 *qod(u)p* 'оставив' (Тон$_{2,3}$). Важен также сам факт свободной замены, нередко в пределах одного и того же текста, указанных знаков, выступающих в сочетании с графическими средствами передачи гласных, обычными консонантическими знаками, ср.: 𐰚𐰴 (КТм$_2$) и 𐰚𐰃 (КТб$_2$) *qop* 'все', 𐰇𐰴𐰺 (КТм$_{2,3}$; КТб$_{14}$) и 𐰇𐰃𐰺 (Тон$_9$) *toq(u)z* '9', 𐰇𐰃𐰍𐰚𐰇 (КТб$_4$) и 𐰇𐰃𐰍𐰚𐰃 (КТб$_{20}$, МЧ$_{23}$) *qïrq(ï)z* — этноним, 𐰘𐰺𐰚𐰇 (Тон$_{11}$) и 𐰘𐰺𐰚𐰃 (Тон$_7$) *qït(a)j* — этноним, 𐰇𐰇𐰣𐰑𐰆 (Тон$_{52}$) и 𐰇𐰇𐰣𐰑𐰖 (Тон$_{12}$) *künt(ü)z* 'днем', 𐰣𐰑𐰆 (Тон$_{27,46}$) и 𐰣𐰑𐰖 (КТ[72]; МЧ$_{31}$) *kün* 'день'. Становится очевидным, что введение специальных знаков для сочетаний согласн-

[72] Все примеры, кроме последнего, — по изданию С. Е. Малова, последний, из памятника в честь Кюль-тегина, — по изданию: *Tekin T.* Orhon yazıtları. Ankara, 1988, s. 24.

ных *q, k* с разными гласными предопределено не какими-либо фонографическими, а совершенно иными обстоятельствами, и эти знаки следует рассматривать не как силлабические, а как псевдосиллабические.

Теперь о знаках, которые передают сочетания согласных *nt, lt, nč, rt* и которые обычно называют лигатурами, так как принято думать, что отдельные фрагменты их восходят к рунам, обозначающим входящие в такого рода сочетания согласные или гласные. Они также являются избыточными, так как *n* и *t*, *l* и *t*, *n* и *č*, *r* и *t* параллельно могут обозначаться порознь. Само наличие рассматриваемой группы знаков стало важным стимулом в попытках придать тюркскому руническому алфавиту несколько иной первоначальный вид: увеличить количество знаков до 66, то есть практически ввести в него знаки для любых допустимых в тюркских языках консонантических сочетаний. Так, продолжительное время исследующий рунику и посвятивший описанию результатов ее исследования ряд интересных и ценных работ О. Ф. Серткая полагает, что имеющимися в нашем распоряжении знаками для передачи сочетаний согласных далеко не исчерпывается инвентарь подобных графических средств. Он склоняется к мысли и даже убежден, что будут обнаружены тексты с "недостающими" 14 лигатурами для передачи сочетаний согласных *lč, lq, lk, nq, nk, np, rč, rq, rk, rp, rs, st, št, jt*,[73] однако существование таких знаков кажется, вообще, маловероятным. По крайней мере до сих пор не обнаружено ни одного текста, свидетельствующего в пользу предположения о "недостающих" лигатурах.

Обсуждению проблемы лигатур было посвящено выступление О. Н. Туна на советско-турецком симпозиуме в Алма-Ате. О. Н. Туна подразделяет выделяемые им лигатуры на три группы: А) обладающие самостоятельной структурой консонантические или смешанные лигатуры (4 знака для передачи *dem, eg* ~ *ge, ič* ~ *či, uš*); В) имеющие общую с другими знаками структуру консонантические или смешанные лигатуры (7 знаков для передачи *alp, rt, nč, ng, nj, lt, nt*); С) вокалические лигатуры (1 знак для *ö, ü*).[74]

[73] *Sertkaya O. F.* Kâğıda yazılı Göktürk metinleri ve kâğıda yazılı Göktürk alfabeleri. — TDAY-B (1990), 1994, s. 181.

Бóльшая часть приведенных О. Н. Туна знаков является составной частью кодифицированного орхоно-енисейского алфавита: *lt*, *rt* (?), *j (nj)*, *nt*, *e*, *nč*, *ö, ü*.

Другие знаки, также рассматриваемые как лигатуры, отнесены к таковым произвольно. Тщательная проверка иллюстрирующих их примеров показывает, что, во-первых, использование их носит случайный характер (в одной надписи — два раза, в одной надписи — один раз, в восьми надписях — по одному разу, в трех надписях — пять раз); во-вторых, эти надписи практически не поддаются осмысленному чтению и толкованию из-за лакун или по причине несовершенства исполнения.[75] Если бы О. Н. Туна расширил круг своих источников за счет привлечения всех перечисленных им же групп рунических текстов, включая надписи Алтая, Прибайкалья и Средней Азии, то количество "лигатур" увеличилось бы в несколько раз. Следует повторить: упорядоченное, кодифицированное руническое письмо существовало на ограниченной территории (преимущественно в пределах Восточного и Уйгурского каганатов) и лишь в пределах небольшого исторического периода (50–100 лет). Многое из того, что выходит за обозначенные пространственные и временные границы, можно квалифицировать как суррогат неупорядоченных графических упражнений, не содержащих ни исторической, ни бытовой информации и не дающих ничего позитивного для ответа на вопрос о происхождении рунического письма. Можно сколько угодно, с любой степенью категоричности оспаривать этот вывод, но невозможно привести хотя бы один убедительный факт, серьезно подвергающий его сомнению.

Здесь же, очевидно, следует выразить свое отношение к такому примечательному явлению, как распределение рун для согласных по признаку велярности-палатальности, хотя зна-

[74] *Tuna O. N.* Eski Doğu Türk yazısında kullanılan ligatürler ve bununla ilgili bazı meseleler hakkında. (III. Sovyet-Türk kollokyumu. 8–15 Haziran 1990, Alma-Ata). Malatya, 1990, s. 2–11.

[75] См.: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 29, 30, 36 сл.

ки, обозначающие палатальные варианты согласных, едва ли могут быть отнесены к числу дополнительных. И это, кажется, не требует пространных доказательств и объяснений. Практически нельзя было бы избежать смысловых трудностей без обозначения палатальных вариантов, так как руны ᛇ и ᛚ передают гласные и заднего, и переднего ряда. Таким образом есть основания утверждать, что распределение рун для обозначения согласных по принадлежности их к тому или иному ряду было изначальным, то есть осуществлялось в процессе создания рунического алфавита. Остается ответить на вопрос, который обходят нередко молчанием, но который иногда вызывает недоумение у специалистов. Почему распределение рун по принципу передачи велярности-палатальности согласных оказалось избирательным, не охватывающим все согласные? Не удивительно, если в этом проявилась тенденция к максимально допустимому усложнению использования графических средств. Во всяком случае, наивно было бы думать, что создатель рунического алфавита различал *j* велярный и *j* палатальный, *n* велярный и *n* палатальный и т.д., но что ему неведомо было такое же различие для согласных *j*, *m*, *p*, *ŋ*, *z*, *č*, *š*.

К вопросу о фонетической интерпретации знаков тюркской рунической письменности

В этом разделе речь пойдет о степени обоснованности альтернативного восприятия отдельных рунических знаков, не имеющего для нас важного значения или, напротив, принципиально влияющего на реконструкцию фонетической системы древнетюркского языка.

Начнем со знака ᛚ. О. Прицак считает, что пришло время отбросить миф о наличии в древнетюркском языке узкого нелабиализованновго заднерядного гласного (*ï*).[76] Действительно, есть факты, которые как будто подтверждают правильность высказывания О. Прицака, и они многократно

[76] См.: *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages, p. 89.

приводились в специальной литературе. Впервые на них обратили внимание В. Томсен и В. В. Радлов. Однако В. В. Радлов, например, ограничился замечанием по поводу неподверженности качественным вариациям узкого нелабиализованного гласного лишь в одной форме. "Так как здесь ᛇ, — пишет он, — выступает во всех основах с аффиксом принадлежности 3-го лица независимо от того, содержит ли основа твердые или мягкие гласные, то мы вынуждены предположить, что гласный *i* аффикса принадлежности не подчинялся вокализму основы и что древние тюрки произносили *qaγani, qïzi, sači, subi*, тогда как формы винительного падежа этих слов звучали следующим образом: *qaγanin, qïzin, sačin, subin*".[77] Имела ли место нейтрализация противопоставления *i-ï* в древнетюркском языке, или нет, сказать трудно, опираясь на только что приведенное высказывание и отмеченные в нем факты. В самой передаче гласных *ï* и *i* одним руническим знаком не содержится никаких признаков утраты различий между ними: передача их одним знаком — специфическая особенность той графической системы, которая явилась прототипом, моделью для тюркского рунического алфавита. Ведь *a* и *ä(e)* также передаются одним руническим знаком. Между тем, пожалуй, никто не сомневается в том, что это неразличение ограничивается графическим уровнем. Пока отсутствуют очевидные доказательства "за" и "против" возможности нейтрализации противопоставления *ï//i* в древнетюркском языке. Иными словами, у нас нет убедительных аргументов в пользу той или иной точки зрения. Отметим лишь, что во всех современных тюркских языках, кроме уйгурского, противопоставление *ï//i* в рамках палатально-велярной гармонии гласных сохраняется.

Относительно качественной характеристики переднерядного гласного, передаваемого в орхонских надписях либо знаком ᛚ, либо отсутствием обозначения, а в енисейских надпи-

[77] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lfg., S. 185. См. также: *Räsänen M.* Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie. — JSFOu, 1932, XLV$_3$, S. 3; *Németh J.* Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens. Sofia, 1956, S. 25, 26, 59; *Giraud R.* L'inscription de Baïn Tsokto, p. 45.

сях — знаком 𐰴, подробно говорится в одной из наших монографий, где приведены различные точки зрения и собрана довольно обширная библиография.[78]

Для восприятия рун 𐰋 и 𐰇 как обозначающих межзубной согласный δ есть достаточные основания. В древнетюркском языке в собственно тюркских словах не было согласного *d*, и даже в условиях интервокального положения появление *d* как варианта *t*, по-видимому, не имело места. Характерно, что в арабской графике, располагавшей средствами различения *d* и δ, выступает только межзубной согласный, ср.: *aδaq* 'нога', *aδaš* 'друг, приятель', *aδγïr* 'жеребец', *aδïγ* 'медведь', *aδïn* 'другой', *aδruq* 'другой', *aδut* 'горсть', *eδ* 'вещь', 'имущество', *eδer* 'седло', *eδgü* 'хороший', *eδiz* 'высокий', *eδle-* 'оказывать внимание, заботиться' (МК).[79]

Очень своеобразны обозначения свистящего и шипящего согласных, затрудняющие недвусмысленную фонетическую характеристику ряда рунических знаков. В орхонских и енисейских текстах, и это было вполне обоснованно подчеркнуто Т. Текином, строго различаются 𐰽 $š^1$ и 𐰾 (𐰾) s^1,[80] кроме того, в орхонских текстах выступает также 𐰾 s^1, который обычно обозначает в тех и других s^2 и в орхонских текстах $š^2$. Для енисейских надписей обязательным для $š^{1,2}$ следует считать знак ∧, факультативным — 𐰾 (𐰾). На первый взгляд допускается невообразимая путаница, которую никак нельзя объяснить различием литературного и народного (диалектного) произношения.[81] Все же различение твердорядных *š* и *s*, несмотря на эпизодическое смешение обозначающих их рун, побуждает отрицательно отнестись к предлагаемым аналогиям со смешением *š* и *s* в некоторых современных тюркских

[78] См.: *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 28–30.

[79] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969 (По материалам дивана Махмуда Кашгари в сравнении с материалами рунических текстов).

[80] См.: *Tekin T.* Bir "runic" harfin fonetik değeri hakkında. — In: Reşid Rahmeti Arat için. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları: 19, Seri: A 2. Ankara, 1966, s. 412.

[81] См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 126.

языках. Широкий диапазон фонетических характеристик для 𐰾, наблюдаемый преимущественно в орхонских текстах (s^1, s^2, $š^2$), — особенность алфавита, которая не поддается объяснению, но не создает особых трудностей для распознавания звуков в силу того, что параллельно употребляются другие, различающиеся, знаки для s^1 и s^2.

О невероятности реконструкции подсистемы гласных древнетюркского языка в составе пяти фонем, предлагаемой О. Прицаком, мы уже говорили выше, в предыдущем разделе. К этому необходимо добавить критическую оценку постулируемого также О. Прицаком первоначального обозначения рунами 𐰀 и 𐰆 дифтонгов *au* и *äü*. Отсутствуют факты, прямо или косвенно свидетельствующие о допустимости подобного восприятия 𐰀 и 𐰆. И та реконструкция, которую предлагает он, не кажется убедительной: як. *küök* < **küäk* < **käuäk*, чув. *kăvak* < **käuäk* 'голубой'.[82] Чувашское *kăvak* 'синий, голубой' — не первичная, а вторичная форма. "Не вероятнее ли, — писал в связи с этим П. М. Мелиоранский, — что как раз у чувашей, которые в течение столетий были отделены от других тюрок, первоначальные долгие гласные стали дифтонгами, что как раз у них различными способами развились вторичные звуки".[83]

Вопрос о фонетической интерпретации знаков древнетюркского рунического письма рассматривается Л. Юхансоном исходя из предположения о "склонности тюркских языков к консолидации фонетического слога, к внутрислоговой палатальной гармонии". В связи с этим делается вывод о существовании в древнетюркском языке палатально-велярной гармонии слогов, а не звуков, гласных или согласных, ср.: *kül* 'зола'//*qul* 'раб',[84] якобы подтверждаемой слоговым характером рунического письма. Действительно, степень смягчения *l* в словах

[82] См.: *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages, p. 91.

[83] *Melioranskij P.* [Рец. на: Grønbech V. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902]. — Aus Göttingischen gelehrten Anzeigen, 1904, № 6, S. 492.

[84] *Johanson L.* Graphie und Phonologie im Türkischen: Probleme der Lautharmonie. — In: Probleme der Graphie. Tübingen, 1994, S. 84.

переднего ряда такова, что есть определенные основания говорить о палатальности слога в целом. Однако подверженность палатализации всех других согласных прослеживается лишь в единичных тюркских языках и безусловно является фактом позднейшего периода времени.[85] Понятно, что и ссылка на слоговой характер древнетюркского рунического письма не убедительна.

Ранние тюркско-согдийские отношения[86] в связи с проблемой происхождения рунического алфавита тюрок

Считая вполне реальной возможность раннего проникновения согдийцев в Восточный Туркестан, Внутреннюю Монголию и Китай, мы, естественно, затрудняемся установить границы их расселения в период, предшествовавший появлению в Средней Азии тюрок. В относительно позднее время, например у Махмуда Кашгари (МК I 471), Согд описывается как тюркизированный улус, находящийся между Баласагуном, с одной стороны, и Бухарой и Самаркандом — с другой. Однако в данном случае речь идет о местах компактного расселения согдийцев в форме собственно государственного образования. Согдийцы же, оседавшие в более раннее время в виде небольших или крупных колоний за пределами среднеазиатской Согдианы, в частности среди токуз-огузов,[87] во внимание Махмудом Кашгари не принимаются.

[85] Ср.: *Якобсон Р.* К характеристике евразийского языкового союза. — In: Selected writings, I. 's-Gravenhage, 1962, p. 174. См. также: *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 83–84.

[86] Рассмотрению этой проблемы с точки зрения учета политических, торговых и военных связей между согдийцами и тюрками посвящена глава III в монографии С. Г. Кляшторного: Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 78–135. Она содержит подробный обзор сведений о расселении согдийцев в Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае, а также о тюркско-согдийских отношениях как в Восточном, так и в Западном тюркских каганатах. См.также: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, с. 257–259.

[87] См.: *Minorsky V.* Ḥudūd al-'Ālam. London, 1937, p. 94–95.

Э. Пуллиблэнк, проявлявший особый интерес к проблеме согдийской колонизации Внутренней Монголии и высказывавший оригинальное мнение по вопросам согдийского проникновения на территорию Восточного Туркестана, был склонен думать, что встречающиеся в надписи на памятнике в честь Кюль-тегина слова *altï čub soγdaq* имеют прямое отношение к области "шести округов ху", которая существовала на территории Ордоса между 679–786 гг.[88] Дж. Р. Гамильтон, имея в виду приблизительно тот же самый период, отмечает сосредоточение согдийцев на р. Орхон.[89]

Количество согдийских колоний в Китае, входивших составной частью в китайские города или образовавших обособленные поселения, было чрезвычайно велико.[90] Именно они играли важную роль в поддержании торговых связей Китая с Восточным Туркестаном и Средней Азией и в распространении буддизма и манихейства среди тюрок. Вообще, В. Б. Хеннинг приписывал согдийцам ведущую роль в распространении манихейства в Центральной Азии.[91] Итак, связи тюрок с согдийцами имеют давнюю историю и затрагивают различные стороны их жизни, в частности религию и культуру.

Нас интересуют главным образом вопросы тюркско-согдийских отношений в области языка и письменности. Очевидно, наряду с письменностью тюркское население более или менее широко использовало и язык согдийцев, являвшийся важным средством поддержания культурных и торговых связей. К со-

[88] *Pulleyblank E.* A Sogdian colony in Inner Mongolia. — TP, 1952, 41, p. 318–323. Об идентификации ху см. также: *Pelliot P.* 1) La théorie des quatre fils du ciel. — TP, 1923, XXII, p. 109, n. 2; 2) Notes sur quelques artistes des six dynasties et des T'ang. — TP, 1923, XXII, p. 246, n. 4, p. 261, n. 3; *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). — "Göttinger Asiatische Forschungen", 10, II. Buch. Wiesbaden, 1958, S. 490–491, n. 22; S. 600–601, n. 858.

[89] *Hamilton J. R.* Les Ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, p. 6.

[90] См.: *Henning W. B.* The date of the Sogdian ancient letters, p. 601–615.

[91] *Henning W. B.* Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus. Selected papers, I. — Acta Iranica. Deuxième série. Leiden, 1977, S. 391–393. См. также: *Bazin L.* Turcs et Sogdiens. — In: Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. Collection linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris. Louvain, 1975, p. 37–45.

жалению, наши сведения о роли согдийского языка в Восточном и Западном каганатах тюрок могут быть изложены, скорее, как предположения, чем документированные свидетельства источников. Есть надежные факты, есть многочисленные, хотя и плохо сохранившиеся, тексты, свидетельствующие о весьма пространных границах его распространения. Как известно, на территории Монголии была обнаружена Бугутская надпись, повествующая на согдийском языке о событиях в Первом Восточном каганате тюрок.[92] Обнаружение согдийских документов на горе Муг (Таджикистан) стало первым свидетельством использования согдийского письма в области самаркандского Согда.[93] Большое количество согдийских текстов было обнаружено в одной из пещер Дунь-хуана.[94] Согдийские легенды на монетах тюргешского кагана позволяют говорить об использовании уйгурского письма в Семиречье.[95] Таким образом, согдийские колонии создавались на огромной территории, в пределах тюркских каганатов и за пределами их, и безусловно согдийской колонизации сопутствовало распространение рунической письменности.

Возвращаясь к вопросу о роли согдийской письменности в создании тюркского рунического алфавита, обратим внимание на некоторые структурные расхождения между ними. В. А. Лившиц говорит о принципиальных различиях в способах обозначения гласных.[96] Действительно, различия существуют. Например, краткий *a* в начале слова передается посредством элифа: *'nγz* = **anzáž-* 'подниматься', *'βr* = **aβár-* 'приносить'.[97] Но в целом дело обстоит несколько иначе: нет оснований абсолютизировать различия. В рунических надписях Орхона и Енисея, как неоднократно отмечалось выше,

[92] См.: *Kljaštornyj S.* and *Livšic V. A.* The Sogdian inscription of Bugut revised. — AOH, 1972, XXVI, 1, p. 69–102.

[93] См.: *Лившиц В. А.* Согдийский посол в Чаче. — СЭ, 1960, № 2, с. 90–109 (Документ А-14 с горы Муг).

[94] См.: *Henning W. B.* The date of the Sogdian ancient letters, p. 601 etc.

[95] Подробнее о легендах на тюргешских монетах из Семиречья см. в Приложении I.

[96] *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности, с. 98.

[97] См.: *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne, I, p. 57–59.

обозначение широких нелабиализованных гласных заднего и переднего ряда практически полностью отсутствует. Но и в согдийских текстах гласные нередко не выписываются. "Согдийское письмо, — заметил Р. Готье, — собственно семитское: в сущности, оно не передает гласных, и довольствуется тем, что обозначает долгие и дифтонги посредством *y*, *w* и *'* или комбинацией этих трех знаков, как например: *'y*, *'w*, *''*,[98] ср.: *pnčm* = **pančum* 'пятый', *'prtum* = **frátum* 'первый', *čtβ'rm* = **čatβarum* 'четвертый', *pntr* = **pántar* 'близкий', *č'aδr* = **čăδar* 'под', *srt* = **sárt* 'холодный'. Часто отсутствует обозначение *i* (внутри слова), а также *u*.[99] Кстати сказать, Р. Готье подробно описал различные случаи отсутствия графической передачи гласных в согдийских текстах, отметив при этом обязательность обозначения долгих и дифтонгов. Опирающийся в первую очередь на работы Р. Готье Д. Дирингер называет согдийское письмо, как и северную разновидность семитского письма, чисто консонантным, в котором гласные *a*, *i*, *u*, будучи часто не обозначенными, иногда передавались знаками для согласных.[100] Особенно примечательно отсутствие обозначения широких нелабиализованных гласных заднего и переднего ряда в древнетюркских текстах, записанных согдийским алфавитом. Соответствующие материалы содержатся в статьях Д. Федакяра. Примеры: *ad(a)r*, *ad(ï)n*, *bir(e)r*, *b(i)tig*, *q(a)čan*, *k(e)riš*, *q(ï)lïnč*, *t(a)puγ*, *s(e)vük*, *t(a)šdïn*, *t(e)gzinč*, *t(e)ŋri*, *t(e)rs*, *j(a)lŋuq*, *j(a)rl(ï)γ*, *q(a)muγ* ~ *qam(a)γ* и др.;[101] *j(a)rl(ï)qanču* .... , *j(e)me*, *b(e)lgülüg*.[102]

Руническое письмо, как бы мы ни относились к вопросу о его происхождении, нельзя назвать собственно семитским, если исходить из принципов обозначения гласных, тем не ме-

[98] *Gauthiot R.* De l'alphabet sogdien. Documents de l'Asie Centrale. (Mission Pelliot). — JA, 1911, p. 84.

[99] См.: *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne, p. 34, 57 etc.

[100] *Diringer D.* The alphabet, p. 312.

[101] *Fedakâr D.* Das Alttürkische in sogdischer Schrift, S. 96.

[102] *Fedakâr D.* Alttürkische Vimalakirtinirdeśa-Fragmente in sogdischer Schrift. — In: Memoriae Munusculum. Gedenkband für Annemarie v. Gabain. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Wiesbaden, 1994, Bd. 39, Taf. III–IV.

нее оно построено на основе семитской модели, которая была переработана таким образом, что отсутствие графического обозначения гласных используется как своеобразный прием передачи их, довольно точный и вместе с тем экономный: отсутствие специального графического обозначения, по крайней мере, в пределах первого слога почти всегда несет одну определенную нагрузку, а именно передает широкий нелабиализованный гласный. Переработка семитской модели могла быть обусловлена разными обстоятельствами, главнейшее же из них — нейтрализация количественной оппозиции, противопоставления кратких и долгих гласных, восстанавливаемого в тюркском праязыке и сохранившегося в ряде современных тюркских языков. Понятно, что в таком аспекте воспроизведение семитской модели на тюркской почве полностью исключалось.

Опыт воспроизведения основных этапов создания тюркской рунической письменности

Из сказанного выше ясно, что имеются в виду не какие-то продолжительные исторические периоды, о которых нередко говорят тюркологи, занятые проблемой происхождения руники, а этапы единовременного акта. Длилось ли создание рунического письма месяц, несколько месяцев, год или два — сказать трудно, и едва ли в этом есть необходимость. Оно создавалось, попросту говоря, специальным заданием для разового использования, которое, естественно, не могло охватить большой промежуток времени: примерно 50 лет чрезвычайно продуктивного и около 50 лет не очень продуктивного, но, тем не менее, интенсивного применения. Весь последующий период употребления тюркского рунического письма, в определении границ которого наблюдается большой разброс — от одного до двух столетий, — характеризуется постепенной деградацией его и полным исчезновением.

Ни о каком развитии рунического алфавита не может быть и речи. Развитие предполагает ту или иную форму совершенствования. Для руники возможность совершенствования

полностью исключалась не только тем обстоятельством, что ее создавали для "разового" применения, но и структурной спецификой всей системы, не поддающейся преобразованию в полукурсивное или курсивное письмо. Таким образом, ей изначально было предначертано недолгое существование, тем более что в распоряжении тюрок уже было и полукурсивное, и курсивное письмо.

Нет никаких оснований и для серьезных разговоров о рунической палеографии. Есть варианты написания рун, которые в значительной мере обусловлены характером используемого материала. Можно отметить также немногочисленные случаи замены одних знаков другими и случаи появления дополнительных знаков. Установить же последовательность в формировании внешнего облика рунического алфавита путем соотнесения различных вариантов написания рун, на наш взгляд, возможно лишь в очень ограниченных размерах.

Развитие письменности от пиктографической ее разновидности через ряд промежуточных ступеней к алфавитному типу является одной из магистральных линий. В ходе длительного процесса письменные изображения предметов и действий, никак не связанные со звуками, преобразуются в знаки, обозначающие те или иные звуки. Происходит так называемая "фонетизация письменности".[103] Вместе с тем нельзя забывать, что некоторые виды письма, составляющие эту линию, стали основой для осуществления "индивидуальных" проектов. Так, тибетец Пагба-лама, знавший много систем письма, во второй половине XIII в., в годы правления Хубилая и по его заданию создал так называемое монгольское квадратное письмо, просуществовавшее немногим более столетия.[104] Значительно позднее, в XVII в., аналогичную попытку пред-

[103] См.: *Добльхофер Э.* Знаки и чудеса, с. 41.

[104] См.: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 22–23; *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.–Л., 1941, с. 10–15; *Poppe N.* The Mongolian monuments in hP'hags-pa script. Wiesbaden, 1957.

принял Зая-Пандита, создавший на монгольской основе новый ойратский алфавит.[105]

Пока трудно даже предположить, кто был творцом тюркского рунического алфавита. Ни в одном из текстов нет определенных данных, проливающих свет на время, место и имя его создателя. Все, чем мы располагаем, ограничивается сведениями о мастерах-резчиках и составителях некоторых надписей: "Я доставил мастеров-резчиков от кагана табгачей и поручил им сделать резы" (КТм$_{11}$); "Имя писавшего эту надпись — Йоллыг т(егин)" (КТм$_{13}$); "В качестве создателя рез-соорудителя камня с надписью прибыл племянник кагана табгачей Чанг-сенгюн" (КТб$_{53}$). Когда-нибудь, возможно, будут обнаружены тексты, содержащие более или менее подробные сведения об истории рунического письма у тюрок, но и не имея этих сведений, можно все же восстановить ее в самых общих, приблизительных чертах.

Алфавитное письмо — закрытая система, не допускающая произвольных структурных изменений. Если не принимать во внимание те случаи, когда прослеживается его последовательное восхождение к пиктографическому письму, оно приобретает пригодную для употребления форму в результате целенаправленной деятельности одного лица или нескольких лиц, действующих в тесном взаимодействии и вполне согласованно (ср., например, кириллицу, в создании которой была проявлена инициативность и изобретательность Константином-Кириллом и его учениками), так как только индивидуум или небольшая группа взаимодействующих индивидуумов способны соотнести элементы закрытой графической системы между собой и установить их распределительную связь с фонетическими единицами. Безусловно, творец тюркского рунического алфавита был гениальной личностью. Не важно, кем он являлся с этнической точки зрения, тюрком или согдийцем. Важно то, что он был большим знатоком и языка тюрок, и языка согдийцев как в устной форме, так и в его графическом воплощении. Более того, подобно Пагба-ламе, он знал многие системы письма и, таким образом, хорошо представлял себе

[105] См.: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика ..., с. 25–26.

допустимые пути реализации идей, заложенных в разных графических системах на тюркском материале, не имевшем более или менее значительных соответствий ни в одной из этих систем.

Мы уже выразили свое отношение к проблеме происхождения тюркской руники, и остается лишь сделать попытку воспроизвести основные этапы ее создания. Главенствующая мыслительная идея ("le modèle intellectuel", по выражению Л. Базена) была заложена в согдийском алфавите, реализация же ее явилась оригинальной, самобытной. То, что представляет идеальную сторону, относится в первую очередь к структуре алфавита (соотнесение графических средств обозначения гласных и согласных) и линейному распределению знаков, используемых для передачи гласных. Как было отмечено выше, в структурном отношении согдийский и рунический алфавиты в определенном смысле идентичны: в них одинаковое количество знаков для гласных; для обеих систем характерны полные и неполные написания, не выписываются чаще всего *a* и *e* (*ê*).[106]

Естественно, что первой и важнейшей задачей для создателя рунического алфавита была разработка системы графических средств передачи тюркских гласных. Эта задача — чрезвычайной сложности, и она не была посильной для того, кому предстояло ее решать, независимо от степени его гениальности. Был использован упрощенный, наиболее доступный путь решения: воспроизведены в оригинальном графическом изображении согдийские средства передачи гласных — "*ālif*", "*vāv*", "*yā*" и сочетание "*vāv*"а с "*yā*".

Все дополнительные знаки, слоговые и лигатуры, за исключением сочетания "*vāv*"а с "*yā*", вводились в рунический алфавит на самом последнем, завершающем этапе формиро-

[106] См., например, *Thomsen V.* 1) Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish "runic" script from Miran and Tun-Huang. — In: Samlede Afhandlinger, III, p. 217–267; 2) Ein Blatt in türkischer "Runenschrift" aus Turfan. — In: Samlede Afhandlinger, III, S. 201–216; *Gauthiot R.* 1) De l'alphabet sogdien. Documents de l'Asie Centrale. (Mission Pelliot). — JA, 1911, p. 84; 2) Essai de grammaire sogdienne. Première partie: Phonétique, p. 34 etc.; *Fedakâr D.* Das Alttürkische in sogdischer Schrift, S. 85–98.

вания, и, следовательно, его базисную часть составляют 30 или 31 знак. Большинство их подбиралось или создавалось по принципу точного или приблизительного соответствия фонетической значимости букв согдийского алфавита, и, поскольку таким соответствием не обеспечивалась понимаемость тюркского текста, в рунику было внесено новшество, резко отличающее его от согдийского алфавита: оригинальный прием разграничения графических средств по признаку велярности/палатальности передаваемых ими согласных. Это новшество, которое не воспроизводилось ни в уйгурской, ни в манихейской письменности тюрок, возвело рунический алфавит в ранг уникального самобытного творения. Вопрос, почти постоянно возникающий в связи с графическим разграничением велярных и палатальных согласных, относится к выяснению причин неполноты разграничения: оно не охватывает такие звуки, как *p, č, m, z, j, ŋ, š*. Не охвачены им также сочетания согласных *nt, lt, nč, rt*, обозначаемые так называемыми лигатурами. Можно согласиться с нередко высказываемым предположением, что почти все перечисленные выше звуки и сочетания согласных не допускались в анлауте и, следовательно, возможности возникновения затруднительных ситуаций из-за отсутствия разграничения у них велярных и палатальных вариантов были минимальными. Однако нельзя не отметить достаточно высокую степень употребительности большинства перечисленных выше звуков и сочетаний согласных в других позициях, и поэтому пока нет окончательного ответа на упомянутый выше вопрос.

Итак, неизбежен вывод о том, что на первом этапе был создан 21 рунический знак:

$\text{𐰀} - a,\ e(\hat{e}),\ \text{𐰃} - o,\ u,\ \text{𐰄} - ö,\ ü,\ \text{𐰇} - ï,\ i,\ \text{𐰉} - b,\ \text{𐰋} - t,\ \text{𐰍} - k(q),\ \text{𐰏} - s,\ \text{𐰑} - j,\ \text{𐰓} - d,\ \text{𐰔} - n,\ \text{𐰖} - g\ (\gamma),\ \text{𐰗} - l,\ \text{𐰚} - r,\ \text{𐰞} - p,\ \text{𐰠} - m,\ \text{𐰢} - ŋ,\ \text{𐰣} - z,\ \text{𐰤} - š,\ \text{𐰦} - č,\ \text{𐰩} - j.$

Примечательно, что ни один из этих знаков, включая 𐰑, нельзя безоговорочно отнести к числу пиктограмм. Не ставя перед собой специально цель сблизить приведенные знаки с буквами раннего согдийского письма и других алфавитов, мы, тем не менее, не можем не обратить внимания на присутствие

в отдельных случаях внешних сходств. Ограничимся указанием на высказывание, сделанное по этому поводу Р. Готье, и на ряд работ, снабженных подробными таблицами,[107] и, кроме того, отметим бесспорный, на наш взгляд, факт материальной близости средств обозначения гласных в раннем согдийском алфавите и в руническом письме. Безусловно, определенный интерес вызывают варианты рун в надписях на бумаге из Турфана, относящихся, по мнению А. Лекока, к первой половине VIII в.[108] Кстати сказать, вариативность, как полагал А. Лекок, может оказаться полезной при решении вопроса о происхождении тюркских рун,[109] хотя, строго говоря, считать эти варианты изначальными нет оснований. Скорее следует говорить о модификации исходных типов, характеризуемой появлением элементов курсивности, что могло быть обусловлено характером используемого материала.

Второй этап, которым, по существу, завершилось формирование базисной части алфавита, заключался в дополнении его знаками для палатального ряда согласных:

$\text{𐰉} - b^2,\ \text{𐰋} - t^2,\ \text{𐰍} - k^2,\ \text{𐰏} - s^2,\ \text{𐰑} - j^2,\ \text{𐰓} - d^2,\ \text{𐰢} - n^2,\ \text{𐰖} - g^2,\ \text{𐰗} - l^2,\ \text{𐰚} - r^2.$

Третий этап, не имеющий принципиального значения, был ознаменован введением четырех лигатурных знаков и трех знаков для сочетаний *q, k* с гласными *o, ö; u, ü; i*. Можно высказывать какие-угодно предположения о причине появления последней группы рун, но не требующим особых доказательств является то, что практической надобности в этих знаках не было: последние дублируют руны базисной части, которая в том виде, как она отразилась в орхонских надписях, состоит из 31 знака. И если бы даже количество подобных дублирующих знаков доходило до нескольких десятков, структурная характеристика системы письма все равно не из-

[107] См.: *Gauthiot R.* De l'alphabet sogdien. Documents de l'Asie Centrale. (Mission Pelliot), p. 82; *Róna-Tas A.* On the development and origin of the East Turkic "Runic" script, p. 14, Table II; *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности, с. 94–95.

[108] *Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan, S. 1059.

[109] Ibid., S. 1048.

менилась бы. Продолжала бы восприниматься как очевидный факт ее принадлежность к алфавитному типу.

Завершая первую главу, еще раз обратим внимание на несоответствие тюркского рунического алфавита фонетической системе древнетюркского языка в тех размерах, какие обычно отмечаются большинством тюркологов. Недостаточность средств передачи гласных с непоследовательным разграничением знаков для заднерядных и переднерядных звуков, неполнота разделения знаков для велярного и палатального рядов согласных и некоторые другие особенности, упомянутые выше, — основные показатели этого несоответствия.

Следует также обратить внимание на собственно техническую сторону тюркской рунической графики. Создатель, или создатели, алфавита широко использовали прием перевертывания и элементарного усложнения знаков, ср.: 𐰉,𐰊,𐰋,𐰌, 𐰍, 𐰀, 𐰁, 𐰂, 𐰃, 𐰄, 𐰅, 𐰆, который, с одной стороны, вносил упрощение в формирование графической системы, с другой — облегчал возможности ее применения.

И последнее, что не может быть не отмечено, — ограниченное присутствие в "царских" надписях из Монголии вариантов написания рун. Их графика отличается большой нормативностью, и это обстоятельство в совокупности с другими, уже упоминавшимися выше, свидетельствует в пользу вывода о единовременном и одноместном создании рунического алфавита, который в последующем многоместном использовании постепенно утрачивал и свое целевое назначение, и нормативность, и свой первоначальный графический облик. Руны были необходимы как нечто обусловленное обстоятельствами, связанными с возникновением тюркской государственности. Первый Восточный каганат, ознаменовавший, как подчеркивает мудрый Тоньюкук, выход тюрок из подчинения государству Табгач, стал импульсом для проявления тенденции к созданию собственных институтов власти во главе с каганом и иерархическим рядом высших должностных лиц. Однако кратковременное существование Первого каганата, с постоянным преодолением трудностей объединения тюркских племен и становления племенного союза, с изнурительной борьбой

внутри каганата и за пределами его, не благоприятствовало широкомасштабному формированию атрибутов нарождающейся цивилизации. Лишь возникновение Второго Восточного каганата, несмотря на продолжение активной военной деятельности и благодаря установлению тесных связей с соседними народами, прежде всего с согдийцами, явилось действенной опорой для интенсивного культурного развития и, в частности, для создания особого рода письменности и фундаментальных надписей, которые иногда называют "царскими". Конец существования Восточного каганата предопределил и конец использования рунического письма в том виде, в каком оно функционировало в период его наибольшего могущества и расцвета.

Глава II

Границы распространения тюркской рунической письменности

Когда речь идет о том, в каких границах могла использоваться тюркская руническая письменность, возникают в основном два вопроса: 1) где первоначально она появилась и как хронологически соотносятся между собой ее азиатские разновидности, перечисленные в вводной части работы; 2) какого рода связь между азиатской и европейской разновидностями рунического алфавита тюрок.

I

Ответ на первый вопрос был дан в первой главе. Тщательное сопоставление фактов, относящихся к использованию письменностей в Центральной Азии и, шире, к событиям культурной жизни этого региона, позволяет считать местом возникновения тюркской рунической письменности Восточный каганат, точнее центральную часть Северной Монголии. Руническое письмо создавалось на берегах Орхона, Селенги и Толы, затем использовалось в Восточном Туркестане и в верховьях Енисея, и позднее — на Алтае, в Средней Азии. Из-за распространения на большой территории оно подверглось многократным изменениям, утратив при этом в разной степени строгость соблюдения правил "орфографии", хотя основополагающие принципы построения графической системы принципиально не изменились.

Несмотря на уже сделанный вывод, вопрос о месте первоначального использования тюркской рунической письменности требует некоторого освещения, так как есть разные, подчас несовместимые точки зрения, и обзор их не бесполезен для устранения имеющихся трудностей в решении вопроса.

Существует мнение, что енисейские руны древнее орхонских и что тюркский рунический алфавит возник на Енисее, а на Орхоне достиг своего совершенства. Трудно сказать,

кем оно было высказано впервые, да в этом, вероятно, и нет большой необходимости. Важен сам факт предпочтительного отношения ряда тюркологов к енисейским рунам при обсуждении возможных путей рассмотрения проблемы. Однако небесполезно заметить, что к числу тюркологов, усматривавших в енисейских надписях форму более архаичную, чем в орхонских, относились П. М. Мелиоранский и О. Доннер. Более архаичная форма знаков, как полагал П. М. Мелиоранский, является свидетельством того, что руническое письмо в бассейне Енисея "было известно раньше, чем на Орхоне, и что, следовательно, шло оно с запада на восток".[1] Приблизительно такой же вывод сделал О. Доннер.[2] В. В. Радлов занимал иную позицию. Подчеркивая значительные различия между енисейским и орхонским алфавитами и принимая во внимание отсутствие на территории между р. Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов существования рунических надписей, он высказал предположение о параллельном и независимом друг от друга развитии двух упомянутых разновидностей. Местом, где произошло разветвление некогда единого алфавита, была, как он считал, территория, примыкающая к Черному Иртышу, от которой сравнительно недалеко до р. Хемчик и из которой вместе с тем нетрудно было пройти в бассейн р. Орхон.[3] Продолжительное время интенсивно занимающийся изучением рунических надписей И. Л. Кызласов излагает свою точку зрения на пути развития тюркской руники, в основном совпадающую с мнением многих предшественников, но вместе с тем содержащую и нечто оригинальное. "Орхонское письмо второго Восточнотюркского каганата, — подчеркивает он, — представляет не самую раннюю форму древнетюркской рунической письменности. Оно является реформированным верхнеенисейским письмом".[4] Эта точка зре-

[1] *Мелиоранский П. [М.]* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. — ЖМНП, 1898, Июнь, CCCXVII, с. 278.

[2] *Donner O.* Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. — JSFOu, 1896, XIV, p. 7, 8 etc., 43, 69.

[3] *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lfg., S. 301.

[4] См.: *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности. — РА, 1998, № 1, с. 78.

ния излагается в контексте суждений о рунической письменности тюрок вообще, с опорой на фактический материал, и она будет рассмотрена несколько ниже. П. М. Мелиоранский, о чем только что говорилось выше, считал енисейские надписи более древними, чем орхонские. При этом в ходе дальнейшего изучения им тюркской руники первоначальные выводы были расширены и уточнены. Так, обратив внимание на особенности начертаний рунических знаков в одной из семиреченских надписей, он отметил их бóльшую близость "к енисейским, чем к собственно орхонским".[5] Подобный или близкий к нему взгляд отразился в более поздних гипотезах о путях распространения тюркской руники. С. В. Киселев разделял точку зрения В. В. Радлова в той ее части, которая касалась параллелизма в развитии енисейских и орхонских рун, но, учитывая, что на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше надписей нет, считал колыбелью рунической письменности и исходным пунктом ее распространения Семиречье, то есть в известном смысле поддержал высказывание П. М. Мелиоранского. Заметим также, что, по мнению С. В. Киселева, енисейские руны палеографически близки к таласским и, будучи более древними, чем орхонские, "отражают ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм".[6] Несколько иной ориентации придерживалась А. Габен, поставившая на первое место орхонские, енисейские и таласские надписи, не устанавливая определенной последовательности распространения рунической письменности.[7] Особое значение Семиречью как месту первоначального использования руники придавал О. Прицак, назвавший палочку из Ачик-таша древнейшим памятником тюркского рунического письма.[8]

[5] *Мелиоранский П. М.* По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде. — ЗВО ИРАО, 1899, XI, с. 271–272.

[6] См.: *Киселев С. В.* 1) Краткий очерк древнейшей истории хакасов. Абакан, 1951, с. 70–73; 2) Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 607–610.

[7] *Gabain A.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 9.

[8] *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages: The system of the Old Turkic runic script. — Journal of Turkish Studies, 1980, 4, p. 85.

Высказывания о параллельном возникновении рунической письменности на Орхоне и Енисее нередко дополняются предположениями о возможности ее параллельного развития в других местах, в частности на территории Восточной Европы. Связь надписей, обнаруженных на берегах Кубани и Дона, в окрестностях Элисты, с орхоно-енисейскими текстами не должна вызывать принципиальных возражений, тем не менее она не ясна. И, в общем, справедливо утверждение, что орхоно-енисейский алфавит не может быть надежной опорой при чтении восточноевропейских рунических или рунообразных надписей.[9] Действительно, предпринятые в этом направлении многочисленные попытки не дают оснований для большого оптимизма и едва ли принесут положительные результаты в будущем. Между тем мы не допускаем возможности возникновения тюркского рунического письма одновременно в нескольких местах, независимо и совершенно изолированно.[10] В этой связи можно привести несколько аргументов. Во-первых, очевидно наличие объединяющих разные группы надписей знаков. Во-вторых, есть надписи, занимающие промежуточное положение. Одна из них — на палочке из Ачик-таша (Талас). Она — промежуточная в двояком смысле: по характеру рунических знаков и по месту находки. Несомненно, географическое положение Таласа — совершенно особое, и в распространении рунического алфавита оно имело чрезвычайно важное значение. Путь, по которому тюркские руны перемещались с Востока на Запад, вероятнее всего, проходил

[9] См.: *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Восточной Европы. (Новые аспекты изучения). — В кн.: Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989, с. 259. Ср.: *Tryjarski E.* Has a key been found to decipher the eurasian script of the runic type? — In: Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. Beiträge des Internationalen Symposiums. Berlin, 7–10. Juli 1992. Wiesbaden, 1995, S. 191, n. 13, 14; S. 194, n. 30.

[10] См.: *Tryjarski E.* The unity or multiplicity of runic scripts. An account of the attempt to isolate a south Yenisei alphabet. — In: Historical and linguistic interaction between Inner-Asia and Europe. Proceedings of the 39th Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Szeged, Hungary: June 16–21, 1996. Szeged, 1997, p. 365–374.

через Семиречье, так как другого места компактного расположения рунических надписей на указанном пути не обнаружено. Понятно, что случайные находки не следует принимать во внимание. Таким образом, Таласская надпись является в определенном смысле ключевой, и было бы большой ошибкой обходить ее молчанием или по меньшей мере не замечать ее уникальности как с точки зрения места находки, так и в отношении содержащихся в ней знаков.

Обилие вариантов тюркского рунического письма нельзя рассматривать как следствие их разноместного автономного развития. Единожды созданная система, будучи величайшим достижением эпохи, в ходе ее разноместного и разновременного использования воспринималась как модель, и составляющие модель компоненты подвергались многократным заменам, являвшимся уже не актом целеустремленных творческих исканий, а выражением индивидуальных потребностей и склонностей. В сущности, только надписи Орхона, Енисея и, отчасти, Восточного Туркестана и Семиречья представляют тюркское руническое письмо как таковое, тогда как почти все остальные — образцы лапидарных текстов, отразившие разные ступени и разную степень его постепенного исчезновения.

Несколько слов по поводу четкой смоделированности орхонского алфавита и единообразной нормативности написаний, используемых часто в качестве аргумента для доказательства длительности процесса его развития и преобразования. Руны, считает, например, Ф. Альтхейм, должны были пройти длительную эволюцию, чтобы достигнуть той степени совершенства, которая им свойственна в надписях на памятниках в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана.[11] И содержание орхонских текстов, и особенности исторического процесса, и своеобразие культурных связей, существовавших на определенной территории и в определенный период времени, — все это подтверждает сделанный выше вывод о возникновении тюркской рунической письменности в центральной части Северной Монголии. Именно на этой территории обнаружены са-

[11] См.: *Altheim F.* Hunnische Runen. — In: Hallische Monographien, 1. Halle, 1948, S. 6.

мые крупные тексты, отражающие события политической и культурной жизни Восточного каганата, именно здесь наряду с руническим письмом получило распространение уйгурское письмо, причем была обнаружена надпись, по содержанию и стилю не отличающаяся от енисейских текстов.

С. Г. Кляшторный по-своему прав, когда говорит, что "руническая письменность в Монголии не является локальным для какой-либо части страны явлением, а распространена во всех районах обитания древнетюркских племен, вплоть до Южной Гоби".[12] Однако имеются в виду не компактные группы текстов, а единичные находки, далеко не всегда обозначающие истинные границы распространения рунического алфавита. Едва ли находка одного бронзового зеркала с рунической надписью достаточна для отнесения Верхнего Прииртышья к местам распространения древнетюркской письменности?![13] Необходимо возразить С. Г. Кляшторному и по поводу его суждения о нижней хронологической границе использования тюркского рунического алфавита. Находка в Гоби побудила его пересмотреть ставшую почти традиционной точку зрения на время его создания. Он опирается при этом на особенности формы тамг и той среды, в которой алфавит создавался. "Анализ обеих тамг, — отмечает С. Г. Кляшторный, — показал, что надпись относится к эпохе Второго тюркского каганата (682–744) и принадлежит вождю из племени ашидэ".[14] Скажем сразу, форма тамг не является настолько информативной, чтобы категорически определить по ней дату составления надписи. Что касается племени ашидэ, то, до уточнения некоторых обстоятельств, имеет смысл ограничиться общим замечанием. Невероятно, чтобы главенствующее пле-

[12] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, с. 262. См. также: *Кляшторный С. Г.* Руническая надпись из Восточной Гоби. — В кн.: Studia Turcica. Budapest, 1971, с. 249–258.

[13] См.: *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, с. 306–315.

[14] *Кляшторный С. Г.* Руническая надпись из Восточной Гоби, с. 255.

мя, вожди которого "стали инициаторами освободительного восстания тюрков (679–682)", ни разу не было упомянуто в орхоно-енисейских рунических текстах. Более того, нет ничего подобного и в таком важнейшем генеалогическом источнике, каким является уйгурский вариант Огуз-наме, в котором иносказательно названы все "главнейшие" тюркские племена и объединения племен: огуз, уйгур, кыпчак, каладж, курыкан, карлук, канглы, тюрк. Примечательно упоминание во второй строке Кутлуг-кагана, обычно выступающего в рунических надписях под именем Ильтериш-кагана. Возглавив в конце VII в. освободительную борьбу тюркских племен против китайцев, став собирателем племен и племенных объединений (*il-teriš*), он в конечном итоге восстановил тюркскую государственность. Тем самым было положено начало Второму Восточному каганату. Ильтериш-каган умер в 691 г. Возможно, это обстоятельство, наряду с упомянутыми выше, сыграло определенную роль в стремлении С. Г. Кляшторного уточнить время создания рунического алфавита тюрок и подвергнуть пересмотру общепринятую дату. "Чойрэнская надпись, установленная на южной границе Хангая еще при жизни Эльтериша, — пишет он, — относится, следовательно, к периоду 688–691 гг. и может считаться самой ранней *датируемой* (выделено мною. — *А. Щ.*) древнетюркской надписью, первым письменным памятником Второго тюркского каганата".[15] Разумеется, никакой датировки, ни явной, ни скрытой, Чойрэнской надписи нет, можно только догадываться, что составление ее относится к первой половине VIII в. По степени тщательности выполнения и внешним особенностям она примыкает к Онгинской надписи, которую не без оснований иногда, хотя и предположительно, рассматривают как специально посвященную Ильтериш-кагану.[16] Роль последнего в воссоздании тюркской государственности в Центральной Азии очевидна. Он — отец Бильге-кагана, и его имя многократно упоминается в надписях на памятниках Бильге-кагану и Кюль-тегину, а также Тоньюкуку, являвшемуся его ближайшим сподвижником и советником. Он многократно упомянут и в Онгинской надписи. Можно не сомневаться в том, что по своей исторической значимости Ильтериш-каган занимает место в одном ряду с основателями Первого тюркского каганата Бумын-каганом и Истеми-каганом. Как раз поэтому невероятно, чтобы активная вооруженная борьба с могущественными противниками совмещалась с интенсивными поисками форм хозяйственного и культурного объединения.

[15] Там же, с. 257. См. также: *Sertkaya O. F.* Die Runen-Inschrift von Čoir. — In: Bahşı Ögdisi. Klaus Röhrborn armağanı. Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi: 21. Freiburg-Istanbul, 1998, S. 349–361. В статье приведен полный перечень работ, посвященных указанному памятнику и надписи на нем (s. 351–352).

Определенные трудности возникают при ответе на вопрос о том, каким образом почти одновременно памятники рунического письма появлялись в разных местах, весьма удаленных друг от друга. Эти трудности кажущиеся. Содержание текстов создает довольно ясную картину жизни тюркских племен, наполненную походами, сражениями, миграционными процессами, протекавшими в предельно сжатые промежутки времени. И не случайно, что возникали новые регионы использования руники и в разных местах, и даже в условиях походной жизни, создавались единичные надписи, которые не идут ни в какое сравнение с орхонскими текстами, изготовленными специальными мастерами-резчиками.

Итак, сказанное выше можно резюмировать следующим образом. Центральная часть Северной Монголии, бассейны рек Орхона и Селенги — место нахождения крупнейших рунических текстов, с четко отработанной графикой и нормативными орфографическими приемами, а первая половина VIII в. — главнейший период появления этих текстов. Таковы фактические данные, документально подтвержденные и не опровергаемые никакими суждениями о многоместности возникновения, необычайно широкой распространенности тюркской руники и долговременности ее использования как необходи-

[16] См.: *Мелиоранский П. [М.]* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, с. 269.

мом условии представленного в рунических текстах Монголии графического совершенства.

Возвращаясь к вопросу о возможности первоначального появления рунического алфавита тюрок где-либо в другом месте, на Енисее или Таласе, обратим внимание на следующее обстоятельство. Первичные формы тюркской государственности складывались не только в Центральной Азии (Восточные каганаты, Уйгурский каганат), но и в Южной Сибири (Древнехакасское государство), а также в среднеазиатском регионе (Тюргешский каганат). Тем не менее важнейшим политическим, хозяйственным и культурным центром была территория Восточных каганатов.

Распространение рунического алфавита в Южной Сибири, в Туве и Хакассии, — особая тема рунологических исследований, к проведению которых большие усилия были приложены Л. Р. Кызласовым и И. Л. Кызласовым. Создана целая библиотека специальной литературы, в которой на первом плане находятся вопросы датировки памятников енисейской письменности. Естественно, что с датировкой тесно связан взгляд на то, как распространялся рунический алфавит: от Енисея к Орхону, или от Орхона к Енисею. Л. Р. Кызласов был первым, кто обоснованно, с привлечением большого фактического материала, приступил к пересмотру традиционной точки зрения на датировку енисейских текстов.[17] Делая ставку на археологическую датировку енисейских текстов как единственно возможную, по его мнению, и опираясь на форму тамг, он пришел к выводу о весьма позднем появлении рунической письменности на Енисее, точнее, более позднем, чем предполагалось ранее (VI–VII вв.).[18] Л. Р. Кызласов отнесся критически к высказываниям В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского,

[17] См.: *Кызласов Л. Р.* 1) Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 3, с. 93–120; 2) О датировке памятников енисейской письменности. — СА, 1965, № 3, с. 38–49; 3) Когда исчезла енисейская руническая письменность южносибирских тюрков. — Вестник МГУ, VIII сер., "История", М., 1992, № 6, с. 29–36.

[18] См.: *Кызласов Л. Р.* Тува в период тюркского каганата (VI–VIII вв.). — Вестник МГУ, IX сер., "Исторические науки", М., 1960, № 1, с. 69.

С. Е. Малова и некоторых других тюркологов,[19] длительное время служившим опорой для суждений о том, что "енисейские памятники отражают более архаичную разновидность букв, а орхонские (более поздние) характеризуются отработанным их изображением, эволюционировавшим около двухсот лет" и что они "могут послужить в качестве своеобразного эталона при описании мертвых и живых языков, а также при восстановлении их истории".[20] Окончательный вывод его таков, что твердо датируемая серия охватывает период с VIII по XII вв.[21] Не только соображения здравого смысла, но и тщательное сопоставление енисейской руники с орхонской, учет всех обстоятельств появления и бытования рунического письма, в общем, подтверждают дату, установленную Л. Р. Кызласовым, и направленность распространения руники. Трудно, однако, согласиться с тем, что имеющиеся материалы "позволяют считать установленным, что наиболее ранние памятники енисейской письменности (из числа ныне известных) относятся к VII в.".[22] Такие материалы нам неизвестны, и, судя по тексту статьи, неизвестны они и Л. Р. Кызласову. Еще менее приемлемо предположение о появлении письменности на Енисее в VI в., в связи с формированием государственности у древних хакасов. Правда, в этом случае и сам автор признает отсутствие достоверных данных для подобного предположения.[23]

Коснемся специально тамгообразных знаков, также играющих определенную роль в датировках енисейских текстов Л. Р. Кызласовым.[24] Тамги на стелах с эпитафиями и в на-

[19] *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности, с. 94–95.

[20] *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 5, 16.

[21] См.: *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII–начало XV в.). — РА, 1994, № 1, с. 33.

[22] *Кызласов Л. Р.* Новая датировка ..., с. 96.

[23] Там же, с. 96.

[24] Там же, с. 106–107.

скальных надписях[25] издавались Э. Р. Рыгдылоном,[26] Л. Р. Кызласовым и А. М. Щербаком, причем Л. Р. Кызласовым предпринималась попытка установить по тамговым знакам и расположению памятников генеалогию "древнехакасских" правителей и границы их феодальных уделов. Охарактеризовав тамги как наследственные родовые знаки, Л. Р. Кызласов затем делает вывод, что усложнение каждого элементарного типа является свидетельством перехода от одного поколения к другому по нисходящей линии.[27] Вывод Л. Р. Кызласова нуждается в тщательной проверке, с учетом всех имеющихся данных, хотя они очень скудны. Нет твердой уверенности в том, что тамги, подобно "знакам Рюриковичей", содержат основную часть, указывающую на предшественника, и "отпятныш", служащий средством выделения последующего лица. Варианты тамг могли создаваться параллельно, независимо от наличия родственных связей между теми лицами, которым были поставлены памятники. Занимаясь изучением енисейских надписей на местах их первоначального нахождения и регистрируя встречающиеся тамги,[28] мы не осмелились извлечь какую-либо информацию из построения классификационной схемы с опорой на их внешнюю форму.

Заметим в связи с рассмотрением данной проблемы, что Л. Р. Кызласов и И. Л. Кызласов, продолжая интенсивную собирательскую и исследовательскую деятельность, выдвинули гипотезу о существовании енисейского рунического письма в период монгольского господства в Южной Сибири, а именно в конце XIII–XV вв.[29]

Несколько слов по поводу выделения И. Л. Кызласовым

[25] В разрозненном виде тамги подобного рода могут быть прослежены по иллюстративному материалу в раб.: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 59–126.

[26] См.: *Рыгдылон Э. Р.* О знаках на плитах с руническими надписями. — ЭВ, 1954, IX, с. 63–72.

[27] См.: *Кызласов Л. Р.* Новая датировка ..., с. 105–107.

[28] См.: *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник 1970, М., 1970, с. 119–120.

[29] См.: *Кызласов Л Р., Кызласов И. Л.* Новый этап развития енисейской письменности, с. 33, 45–46.

южноенисейского алфавита. Мои возражения заключаются прежде всего в том, что "палеографический взгляд" на совершенно различные, с его точки зрения, алфавиты не может привести к каким-либо кардинальным решениям. Можно заниматься палеографическим исследованием письменности, имеющей более или менее длительную традицию и представленную некоторым количеством принципиально единообразных в графическом отношении текстов, например палеографическим исследованием памятников уйгурской письменности, которое предполагает прослеживание пространственной и временной эволюции буквенных знаков или системы письма в целом, скажем, от устава до курсива. Сопоставление же знаков, в большинстве своем составляющих надписи предельно ограниченных размеров, нередко не поддающихся убедительному толкованию и часто произвольно объединенных в многочисленные классификационные группы, не имеет никакого отношения к палеографическому исследованию.

Возражения вызывает и сам тезис о существовании южноенисейской письменности, противопоставляемой другим видам енисейского письма. Специальный раздел, посвященный ей, как особой системе руники, является частью монографии, изданной в 1990 г.[30] На стр. 81 этой монографии приведены данные о размещении южноенисейских надписей, общее число которых не превышает двадцати. К ним отнесены сулекские надписи, надписи на пряслице Минусинского музея и на дне серебряного сосуда из Уйбатского чаатаса, Шаболинская писаница (Хакасия), надписи на скале в долине Саргола, на накладках лука из могильника Аймырлыг I, эдегейские надписи, надписи из Турана, с левого берега р. Чинге.

Ареал распространения южноенисейского письма, по мнению И. Л. Кызласова, — Хакасская и Тувинская котловины и, возможно, Горный Алтай. Южноенисейской письменностью пользовалась "этно-социальная группа", "менее могущественная в сравнении с носителями енисейского алфавита".[31] Да-

[30] См.: *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. (Опыт палеографического анализа). М., 1990, с. 80–128.

[31] Там же, с. 125.

же предположить, что на этой основе, путем усложнения и реформирования ее, возникла особая разновидность рунического письма, невероятно трудно по следующим соображениям: надписи не составляют единообразной графической системы, некоторые из них памятниками письменности могут быть названы лишь условно, значительная часть так называемых южноенисейских надписей является ничего не значащим графическим оформлением рисуночных изображений лошадей, верблюдов и других животных.

Прежде чем перейти к рассмотрению второго вопроса, остановимся на разборе тех аргументов, которые И. Л. Кызласов приводит в поддержку своей точки зрения на древнейшую форму рунического алфавита. Остановиться на разборе его аргументов тем более важно, что в них фигурирует ранее никем не использованное понятие верхнеенисейской письменности.

И. Л. Кызласов сводит многообразие им же выделенных семи-восьми самостоятельных рунических алфавитов тюрок к двум "совершенно разным письменным системам". Донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты отнесены к евроазиатской группе "степного рунического письма", орхонский, енисейский, таласский — к азиатской группе.[32] Он глубоко убежден, что разработка строгого палеографического взгляда на памятники рунического письма в корне подрывает традиционную концепцию единовременного и единоместного создания рунического алфавита. Таким образом, орхонские надписи оказываются не самыми ранними, а довольно поздними по происхождению. В них И. Л. Кызласов видит результат реформирования верхнеенисейского письма, которое не только не упоминалось в работах его предшественников, но и не занимало специально отведенной ему позиции в предыдущих схемах самого автора. Попутно заметим, что нам неизвестны попытки рассматривать ру-

[32] *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности. 2. О древнейшей форме рунического алфавита. — РА, 1998, № 1, с. 75.

нику Восточной Европы как архаичную форму, "изменением которой была получена орхонская письменность".

Выше уже неоднократно подчеркивалось наше негативное отношение к поискам "проторунических" текстов в Туве, Хакасии и на Алтае. Мы рассматриваем их как естественное следствие деградации орхоно-енисейской письменности, сам факт существования которой в виде своеобразной формы элитарного письма во Втором Восточном каганате тюрок стал мощным импульсом для разнохарактерного и разноуровневого подражательства в его периферийных регионах.

В заключительной части данного раздела вернемся к вопросу о времени составления енисейских надписей в целом, точнее о нижнем временном пределе составления. Пока важнейшей опорой в датировке их являются отразившиеся в надписях следы распространения манихейского вероучения и существования манихейских общин в Южной Сибири.[33] Если учесть, что широкомасштабное принятие тюрками манихейства относится ко второй половине VIII в., то наиболее вероятная датировка ранних рунических надписей на Енисее должна быть отнесена к началу IX в. Определение верхнего временного предела использования руники на Енисее принципиального значения не имеет, так как по существу, и в этом И. Л. Кызласов безусловно прав, единообразная система рунического письма, подобная орхонской, здесь не сложилась и не могла сложиться в силу указанных выше обстоятельств. Итак, нижняя ступень в использовании рунического письма на Енисее, с учетом времени распространения манихейского вероучения, может быть установлена более или менее определенно.

[33] См.: *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. — Вестник МГУ, 8-я сер., "история", 1998, № 3, с. 8–35. См. также: *Ramstedt G. J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — JSFOu, 1913–1918, XXX_3, S. 8–9; *Maenchen-Helfen O.* Manichaens in Siberia. — Semitic and oriental studies. University of California publications in Semitic philology, 1951, XI, p. 311–326; *Кляшторный С. Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи. — Проблемы востоковедения, 1959, № 5, с. 165–166.

Для датировки енисейских текстов следует также воспользоваться нумизматическими материалами. Известны несколько монет с руническими надписями, выступающими иногда параллельно с надписями на китайском языке. Ни одна из монет не помечена временем ее изготовления, тем не менее опора для датировки есть, и ею является китайская легенда.

И. Л. Кызласов, собравший нумизматический материал рунического цикла воедино и обобщивший результаты его исследования, приводит сведения о семи монетах.[34] Из них выделена и стала предметом особого внимания та, которая была обнаружена в Минусинском музее в 1889 г. и затем опубликована Э. Друэном, В. В. Радловым и О. Доннером.[35] Выпуск монет данного типа большинством специалистов датировался 841 г. Ссылаясь на статью М. В. Воробьева,[36] И. Л. Кызласов придерживается несколько иного взгляда и отмечает, что по "размерам ... и раннему облику литых знаков легенды данный экземпляр близок к монетам, выпускавшимся в конце VIII в."[37] Выпуск второй монеты И. Л. Кызласов датирует предположительно 759 г., пятой — концом VII–началом VIII в. Категорически время выпуска указанных монет автор не называет, однако, несмотря на попытку отнести выпуск некоторых монет к довольно раннему времени (конец VII–начало VIII вв.), не отвергает ту датировку, которая по существу является общепринятой и наиболее вероятной по разным соображениям (конец VIII–первая половина IX вв.). Если действительно существовало внутреннее денежное обращение в древнехакасском государстве, то введение в него иноземных монет едва ли могло быть фактом позднего времени. В конечном итоге не важно даже, было ли денежное обращение у древних хакасов или нет; существенно то, что были иноземные монеты с двуязычным текстом[38] и что они могут уверенно датироваться по китайским легендам, хотя и с некоторым разбросом во времени. Обратное исключено. Нельзя, скажем, допустить возможность написания китайских иероглифов на монетах, выпущенных в древнехакасском государстве и имевших на одной из сторон тюркскую легенду.

[34] См.: *Кызласов И. Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. (К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве). — Нумизматика и эпиграфика, М., 1984, XIV, с. 84–99.

[35] Подробнее см. в раб.: *Щербак А. М.* Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. — ВДИ, 1960, № 2, с. 139–141.

[36] *Воробьев М. В.* К вопросу определения старинных китайских монет Кайюань тунбао. — ЭВ, 1963, XV, с. 130, 131.

[37] *Кызласов И. Л.* Монеты ..., с. 85, прим. 8.

Подводя итог сказанному о пространственно-временных границах распространения рунического письма, мы неизбежно приходим к выводу, что ни бассейн Енисея, ни Алтай не могли быть его колыбелью, что ни каменнописные, ни нумизматические находки не служат свидетельством его движения от Алтая и Енисея к Орхону. Сам факт наличия монет с двусторонними надписями, с рунами и с китайскими иероглифами, предваряющими по времени рунические легенды, подтверждает правильность традиционного освещения роли Орхона как места первоначального появления тюркской руники.

II

Таким образом, первый вопрос оказывается в определенной мере проясненным, хотя различия в предлагаемых решениях его будут сохраняться, по-видимому, еще долго. Значительно труднее внести ясность в вопрос о характере связи между азиатскими и европейскими рунами.

Рунические надписи, найденные на территории европейской части России, в абсолютном большинстве своем не являются памятниками письменности в собственном смысле этого слова. Они относятся к категории "посетительских" (термин И. Л. Кызласова) или "представительских" знаков, подчеркивающих политическую, этническую или культурную значимость тех или иных объектов. Таковы, например, надписи на стенах Маяцкого и Хумаринского городищ. Автор настоящей работы многократно пытался собрать и систематизировать встречающиеся в указанных регионах знаки и в конце концов пришел к выводу, что чтение их — труд, не имеющий

[38] Там же, с. 99.

перспективы, и отнюдь не из-за предельно ограниченных размеров текста. Попросту говоря, надписи на стенах Маяцкого и Хумаринского городищ, за редкими исключениями, и некоторые другие надписи не являются таковыми. Мы располагаем всего лишь совокупностями случайных начертаний, имитирующих древнетюркские руны, занесенные в Восточную Европу не ранее VIII в., точнее второй половины VIII в. Поэтому в данном случае правильнее было бы употреблять слово "надписи" в кавычках и говорить о них как о надписях, лишь отдавая дань установившейся традиции. Иначе обстоит дело с надписями на новочеркасских баклажках и подобных им других единичных находках, которые и в самом деле надписи, но нет достаточной уверенности в том, что они являются предметами местного происхождения.

Проблема особо высокой степени сложности — отношение к древнетюркским рунам секлерских, или секельских, рун из Семиградья в Венгрии. То, что секлерские руны восходят к древнетюркским, получило если не всеобщее, то почти всеобщее признание. Камнем преткновения стал вопрос о том пути, каким древнетюркские руны, подвергшиеся основательным преобразованиям, были занесены в Венгрию. Первоначально высказывались предположения о хазарском происхождении секлеров и, следовательно, о хазарском источнике секлерских рун. Ф. Бабингер, специально занимавшийся подведением итогов обсуждения упомянутой проблемы, предложил следующую схему их распространения: от тюрок к хазарам, от хазар к кабарам, от кабаров к секлерам.[39] Большое значение рассматриваемой проблеме придавал Б. Мункачи, также признававший безусловную связь секлерских рун с древнетюркскими. Б. Мункачи выделил три группы секлерских рун, сопоставив первые две из них с древнетюркскими рунами и греческими буквами и поместив отдельно от них третью: руны неизвестного происхождения.[40] Секлерские руны Б. Мункачи называет "угасающей" ("eine verkümmerte Gestalt") формой древнетюркских рун,[41] что вполне соответствует состоянию всех восточноевропейских тюркских рун. Он подверг сомнению возможность передачи рун секлерам хазарами, так как появление хазар в Восточной Европе засвидетельствовано многими источниками уже в VI в., тогда как древнетюркский рунический алфавит, согласно его мнению, только создавался в это время и никак не мог быть привнесен в Европу хазарами.[42] На самом деле, древнетюркский рунический алфавит создавался значительно позже VI в., и хазарский путь происхождения секлерских (секельских) рун просто невероятен. Невероятность его отчасти может быть аргументирована и сообщением о хазарской письменности персидского историка Фахр ад-дина Мубаракшаха,[43] на которое обратил особое внимание В. В. Бартольд. Достаточно ссылки на количество букв в письменности хазар (21), чтобы считать невероятным использование ими рунического алфавита. Комментируя указанное сообщение, В. В. Бартольд подчеркивает правдоподобность того, что "русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника — от греков".[44] Таким образом, хазары не могли выступать в роли промежуточного звена в перемещении тюркских рун в Восточную Европу. Вполне обоснованно Б. Мункачи выступает и против булгарского пути, поскольку пребывание булгаров на Кавказе засвидетельствовано уже в V в., и, следовательно, их участие в процессе распространения древнетюркского рунического алфавита еще менее вероятно, чем участие хазар.[45] Реальными участниками передачи тюркских рун секлерам Б. Мункачи считает команов, у которых могли быть взяты и греческие буквы: с 1065 г. команы имели

[39] См.: *Babinger Fr.* Ein schriftgeschichtliches Rätsel. — KSz, 1913/1914, XIV, S. 19.

[40] См.: *Munkácsi B.* Zum Problem der Székler Runenschrift. — KSz, 1913/1914, XIV, S. 228–229.

[41] Ibid., S. 230.

[42] Ibid., S. 232.

[43] См.: Ta'rikh-i Fakhru'd-din Mubarakshah. Ed. by E. D. Ross (James G. Forlong Fund). London, 1927, p. 46. На стр. XI Э. Д. Росс высказывает предположение, что этот алфавит связан с кириллицей и, конечно, не является еврейским и что под румийцами-русами, вероятно, подразумевались булгары.

[44] *Бартольд В. В.* О письменности у хазар. — Культура и письменность Востока, Баку, 1929, кн. IV, с. 17.

[45] См.: *Munkácsi B.* Zum Problem der Székler Runenschrift, S. 233.

тесные отношения с Византией.[46] Команы были ближайшими соседями венгров, и часть их, подобно секлерам, вошла в их этнический состав. Поэтому команский путь подходит для решения проблемы происхождения секлерских рун с любой точки зрения.

Подчеркивая обоснованность предложенного Б. Мункачи объяснения, мы не должны исключать из рассматриваемого процесса и печенегов,[47] приход которых в Восточную Европу относится к значительно более позднему времени, чем появление здесь хазар и булгаров. Печенеги, впервые выступившие на исторической арене в конце IX в., сыграли важную роль в событиях на территории от Волги до Дуная. Будучи очень подвижным народом с кочевническим укладом жизни, печенеги на протяжении сравнительно небольшого периода времени появлялись в разных местах огромного пространства и привлекли к себе внимание многих летописцев и географов. Кем были печенеги в этническом плане, спорить не приходится: есть одно определенное мнение, высказанное в свое время средневековыми географами арабами и персами и затем воспроизведенное в специальной литературе прошлого столетия. Это мнение сформулировано И. Марквартом так: " ... чисто тюркское происхождение печенегов в языковом и этническом смысле находится вне всякого сомнения".[48] Попутно следует заметить, что после обнаружения рукописи дивана Махмуда Кашгари и издания ее вопрос о языковой и этнической принадлежности печенегов получил окончательное решение. Махмуд Кашгари, называя печенегов одним из тюркских племен, указывает, что они входят в состав племенного объединения огузов (МК I 57–58). Надо сказать, что и высказывания ряда тюркологов о сравнительно небольшом возрасте этнонима *печенег* имеют прочную основу. У Константина Багряно-

[46] Ibid., S. 238–239.

[47] Подробно см. в раб.: *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). — В.кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 1959, № 75, с. 367–376.

[48] См.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 48.

родного в "De Administrando Imperio" (гл. 38) есть следующие строки: "Печенеги, которые раньше назывались кангарами (так как кангар было именем, обозначавшим благородство и доблесть среди них) ... принуждены были покинуть свою землю и заселить землю турков (то есть венгров)".[49] Следовательно, если верить Константину Багрянородному, наименование *кангар* некогда имело то же этническое содержание, что и наименование *печенег*. И. Маркварт был склонен устанавливать связь этнонима *кангар* с древним наименованием Яксарта (кангары в конце VIII–начале IX в. находились в нижнем течении Яксарта и у Аральского моря).[50] Об этом же, но более категорично заявляет В. В. Бартольд: "С названием нижнего течения Сыр-Дарьи — Канг — связывается приводимое Константином Багрянородным название главной печенежской орды — кангар".[51] Примечательно, что ни в одном из древнетюркских текстов рунического, уйгурского и манихейского письма наименование *печенег* не встречается. Оно появилось, как можно предположить, во время пребывания печенегов в Средней Азии. Основания для категорических суждений о культурном уровне печенегов отсутствуют, наши знания в этой области незначительны. Ясно одно: наличие устойчивой общественной организации, поддержание интенсивных торговых и политических связей с соседними племенами и, наконец, вполне вероятное существование письменности "склоняют видеть в печенегах племя, способное к государственной и культурной жизни", вследствие чего лингвистам и археологам "следовало бы внимательнее подойти к выявлению и изучению печенежских древностей".[52] Совет В. Пархоменко актуален и в настоящее время. Прислушаться к нему необходимо, в частности, и при решении проблемы секлерских рун.

[49] Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Ed. by Gy. Moravcsik, english translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949.

[50] См.: *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, S. 10.

[51] См.: *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах. — Русский исторический журнал. Птрг., 1921, 7, с. 152.

[52] См.: *Пархоменко В.* Русь и Печенеги. — Slavia, Praha, 1929, VIII, 1, с. 144.

Печенеги — одно из наиболее вероятных племен, ставших посредником в перемещении тюркских рун из Азии в Европу.

Весь комплекс среднеазиатских рунических текстов, включая и надпись на хуме, найденном при раскопках городища Кой-Крылган-Кала на территории Каракалпакии, оказывается совмещенным с путями миграции печенегов, и неоднородность его, несводимость к единому типу — важнейшее свидетельство роли Средней Азии как промежуточного этапа в распространении рунического алфавита тюрок. Не случайно, западнее Таласа не обнаружено ни одного текста, сопоставимого по внешним особенностям рун с орхонскими и енисейскими текстами. Следовательно, вероятнее всего, в Средней Азии были предприняты попытки создать особую разновидность тюркской руники, которая, будучи перенесенной в различные регионы Восточной Европы, подверглась существенным преобразованиям и затем постепенно исчезла.

При соотносительной оценке роли печенегов и команов в распространении тюркского рунического алфавита нельзя не учитывать тех соображений, которые были высказаны почти 80 лет тому назад Г. Фехером. Команов, появившихся впервые в поле зрения авторов различных источников в середине XI в., могли не отличать от печенегов. И вообще, как полагает Г. Фехер, исследуя одну из хроник и комментируя ее содержание, в тех случаях, когда речь идет о поселенцах в Венгрии до середины XI в., команами называют печенегов.[53] "Мы можем доказать, — делает он окончательный вывод, — что печенеги, которые жили по ту сторону Днепра, нашли в Венгрии новую родину".[54] Так, при скудности данных, имеющих прямое или косвенное отношение к перемещению тюркских рун из Азии в Европу, с достаточной степенью уверенности мы вправе говорить о печенежском посредстве, то есть поддерживать ту гипотезу, которая была выдвинута Ю. Неметом. Предположения о гуннском, хазарском или булгарском участии в этом процессе, как уже отмечалось выше, наталкиваются на непреодолимые трудности объяснения возможности создания тюркского рунического алфавита в период существования Первого тюркского каганата или в еще более отдаленный период времени.

[53] См.: *Feher G.* Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen. — KCsA, 1921, Dec. 10, S. 129.

[54] Ibid., S. 132.

III

Поиски связей между тюркскими рунами, с одной стороны, готскими и скандинавскими — с другой, по существу, не были приняты всерьез. А. Габен, отметившая внешнее сходство тюркских и германских рун, однозначно исключила возможность их происхождения из одного источника.[55] Несколько иначе отнесся к этой проблеме Э. Трыярский, указавший на ранние контакты тюркских и германских народов и составивший сводку мнений о происхождении германских рун (готских, скандинавских).[56] Можно согласиться с мнением Э. Трыярского об отсутствии окончательного решения этой проблемы,[57] но связывать появление рун в Европе с миграцией гуннов или предполагать, что некая разновидность рунического алфавита в Центральной Азии использовалась в глубокой древности, на наш взгляд, нет оснований. То, что секели считали себя потомками гуннов,[58] едва ли может рассматриваться как убедительное свидетельство гуннского происхождения секельских рун. В любом случае гуннский вариант неприемлем, так как очевидны и хронологические несовмещения. Соображения, высказанные Ф. Альтхеймом по поводу того, что гунны, продвигаясь с середины II в. н.э. на запад, вступили в пределы влияния среднеиранской культуры и здесь на рубеже IV столетия позаимствовали наряду со многими другими алфавитами старое согдийское письмо,[59] переоформив

[55] См.: *Gabain A.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979, S. 69.

[56] См.: *Tryjarski E.* Altes und Neues zur Entstehung der türkischen Runenschrift. — RO, 1985, XLV, 1, S. 69.

[57] Ibid., S. 69 ff. Ср.: *Diringer D.* The alphabet. A key to the history of mankind. London, 1949, p. 314.

[58] См.: *Добльхофер Э.* Знаки и чудеса. Пер. с нем. М., 1963, с. 357.

[59] См.: *Altheim F.* 1) Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum.

его в руническое, не подкреплены убедительными аргументами. Какими бы ни были подходы к окончательному решению, необходимо непременно исходить из того, что возникновение тюркского рунического алфавита может быть отнесено лишь ко времени Второго тюркского каганата. Заметим вместе с тем, что до сих пор нет четкого представления о том, кем были гунны в этническом и языковом плане.[60]

Германские руны — культовое письмо, иными словами, они не являлись обычной письменностью, о чем свидетельствует само значение слова *rūnō* — сокровенный, тайный, магический.[61] Древнейшая надпись датируется началом V в.[62] Чаще всего их возводят к италийским рунам.[63] Д. Дирингер высказывает предположение, что они развились из северного этрусского алфавита.[64] Аналогичное предположение, в более развернутом виде было сделано Л. Виммером, связывавшим древнеевропейские письменности с древнесемитскими: около 1200 г. до н.э. греки позаимствовали финикийское консонантическое письмо, и после введения гласных оно было передано этрускам.[65] Вероятно, исходя из этого, Г. Арнтц категорически заявляет, что письменность никогда не может начинаться звуковым письмом и что в основе рун лежит образное письмо (идеографическое < пиктографического).[66] Очевидно, именно так обстоит дело с происхождением германских рун, которые в конечном итоге могли иметь глубокую историю. Иное происхождение у тюркских рун, сформировавшихся в качестве "специализированного" алфавита в условиях существования нескольких видов письма, в том числе и алфавитных.

Bd. I. Halle, 1948, S. 224; 2) Hunnische Runen. — In: Hallische Monographien, 1, Halle, 1948, S. 5–6.

[60] См.: *Doerfer G.* Zur Sprache der Hunnen. — CAJ, 1973, XVII, p. 1–50.

[61] См.: *Arntz H.* Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944, S. 23, 276.

[62] Ibid., S. 65.

[63] Ibid., S. 21, 31.

[64] См.: *Diringer D.* The alphabet. A key to the history of mankind, p. 516.

[65] См.: *Arntz H.* Handbuch der Runenkunde, S. 25.

[66] Ibid., S. 23.

Заключение

К выводу, сделанному ранее, необходимо добавить, что существует принципиальная разница между письменностями, в которых последовательно обозначены сочетания согласных с гласными, и письменностями, в которых гласные передаются автономно, но в определенных условиях допускается опущение передающих их знаков. Иными словами, есть принципиальная разница между силлабариями и алфавитным письмом, для которого не обязательно строгое соответствие количества знаков количеству звуков. Тюркская руника бесспорно алфавитное письмо с эпизодическим дублированием сочетаний графических средств, обозначающих q, k + гласные, специальными знаками. Она находится в одном ряду с алфавитами семитского типа, арабским, еврейским, и ближе всего к согдийскому алфавиту, в котором также имеют место случаи отсутствия обозначения гласных. Мысль о своеобразии алфавитного письма подобного типа четко выражена Д. Дирингером, и здесь уместно воспроизвести полностью его соответствующее заключение. "Некоторые исследователи, — пишет он, — полагают, что, так как северосемитское письмо не располагало знаками для гласных, оно не может рассматриваться как настоящий алфавит; согласно их мнению, только греки создали алфавитное письмо. Это мнение ошибочное. Северосемитское письмо было настоящим алфавитом: по крайней мере, с семитической точки зрения".[1] Одним из таких "некоторых"исследователей является И. Е. Гельб, который считает, что консонантные семитские системы с ограниченным количеством знаков (22–30) имели на самом деле слоговой характер,[2] и не усматривает различия между письменностями, в которых каждый знак передает согласный, но не указывает качества

[1] См.: *Diringer D.* The alphabet. A key to the history of mankind. London, 1949, p. 217.

[2] См.: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. Пер. с англ. М., 1982, с. 143 сл.

гласного, и письменностями, в которых каждый знак передает согласный с определенным гласным. Конечно, можно пренебречь существенными различиями между семитскими системами и, например, японским силлабарием, действительно являющимся таковым, но сближение их в любом случае будет условным.

Тюркский рунический алфавит включает в себя не только консонантные знаки, но и знаки для гласных, которые ни при каких обстоятельствах не используются для обозначения согласных. Система вокалических средств для того круга надписей, которые специально выделены в работе и которые могут быть названы "царскими", строго детерминирована в ее использовании, обычно не допускающем произвольного восприятия текста. Двусмысленность восприятия возможна лишь в связи с тем, что указанная система, полностью соответствуя согдийской, не отражает своеобразия древнетюркского вокализма.

В вопросе о границах пространственного и временного распространения тюркской руники и многовариантности рунического алфавита сделанные выше выводы могут быть дополнены замечанием о практически неограниченных возможностях перекодирования первоначальной системы графических средств на том этапе, когда руника перестала быть элитарным письмом. Замечание иного рода — об исторической перспективе: эволюция рунической письменности тюрок характеризуется не прогрессивным движением, не последовательной реализацией скрытых потенций и направленностью к достижению более или менее полного совершенства, а довольно быстрым регрессом, постепенной деградацией и полным исчезновением.

Приложение I

Краткий очерк уйгурской эпиграфики и замечания об уйгурском алфавите[1]

В связи с вопросом о происхождении тюркской рунической письменности приобретает важное значение проблема происхождения тюркской письменности вообще. Известно, что в распоряжении тюрок было несколько алфавитов: согдийский, уйгурский, манихейский, деванагари, эстрангело, формирование или освоение которых происходило в ходе взаимных контактов и культурных влияний. Рунический алфавит занимает обособленное положение, он не вписывается в отчетливо воспринимаемые межъязыковые связи, хотя ничто не свидетельствует о его более раннем возрасте по сравнению, например, с согдийским письмом. И даже уйгурское письмо, вопреки твердо установившимся представлениям, едва ли может быть поставлено в цепи хронологической последовательности как более дальнее звено. По существу, имело место появление во Втором тюркском каганате одновременно двух алфавитов — рунического и согдийского (уйгурского), уставного и полукурсивного, и это не было случайностью, как и все то, что происходило в последующее время. Скоротечное существование руники, вытеснение ее уйгурским письмом с последующим чрезвычайно широким распространением его — естественное следствие сложных взаимосвязей между ними.

Алфавит, называемый уйгурским, использовался не только древними уйгурами, но и другими тюрками. По существу, это основная письменность тюрок на протяжении большого исторического периода, и без понимания того значения, какое она имела в самом начале тюркского ренессанса, невозможно

[1] Основу Приложения I составляют материалы статьи, опубликованной более десяти лет тому назад в Венгрии. См.: *Ščerbak A. M.* De l'alphabet ouïgour. — AOH, 1983, XXXVI, 1–3, p. 469–474. В этот текст внесены изменения и дополнения. Учтены новейшие работы из числа относящихся и к собственно уйгурскому алфавиту, и к использованию тюрками согдийской письменности.

правильно осветить условия и причины возникновения рунического алфавита.

Уйгурское письмо представлено в многочисленных памятниках, являющихся в большинстве своем религиозными канонами, манихейскими, христианскими, буддийскими или мусульманскими трактатами по астрономии, астрологии, медицине. Среди них есть также художественные и дидактические произведения, юридические документы и эпиграфические тексты.

Манихейские, христианские, буддийские сочинения и юридические документы изучены достаточно хорошо.[2] В отличие от них мусульманские трактаты и некоторые поэтические произведения эпохи Ислама, написанные уйгурскими буквами, пока еще не были объектами обобщающих исследований и, что необходимо подчеркнуть, многие из них остаются до настоящего времени малоизвестными.[3] Что же касается эпиграфических памятников, важность которых для разысканий в области освоения и распространения письменности не вызывает сомнений, то они, в целом, являются одним из наименее изученных объектов уйгурской филологии.

С учетом замечаний, сделанных выше о значении уйгурского алфавита в истории древнетюркской письменности и о состоянии изучения письменных памятников, мы ставим себе задачу дать краткий очерк уйгурской эпиграфики и пополнить информацию, содержащуюся в работе О. Ф. Серткая,

[2] Факсимиле см. в раб.: *Müller F. W. K.* Uigurica I, II, III. Berlin, 1908, 1911, 1922; *Le Coq A.* Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde. — MSOS, 1919, XXII, Abt. II, Taf. 1–7; *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, Taf. I–III; *Gabain A.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 18–28.

[3] Обширная, но далеко не исчерпывающая информация о них содержится в работах Т. Ганджеи и О. Ф. Серткая. См.: *Gandjeï T.* Note on an unknown poem of Ḥaidar in Uighur characters. — In: A locust's leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962, p. 64–69; idem. Note on the colophon of the "Laṭāfat-nāma" in Uighur characters from the Kabul Museum. — Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, N.S. XIV (1964), p. 161–164; *Sertkaya O. F.* Islâmî devrenin Uygur harfli eserlerine toplu bir bakış. Bochum, 1977. На эту тему была объявлена еще одна статья Т. Ганджеи — "The renaissance of the Uighur script", но нам неизвестно, была ли она где-нибудь опубликована.

сведениями о специальной литературе. Мы хотели бы также уточнить классификацию графических типов и, опираясь на некоторые новые данные, высказать свое мнение о времени, границах и целевых заданиях использования уйгурского алфавита.

Уйгурская эпиграфика

Если не принимать во внимание Восточный Туркестан, где было обнаружено большое количество книжных текстов и различных документов, написанных уйгурскими буквами, то трудно будет назвать какое-либо другое место значительной концентрации находок. Почти в каждом географическом регионе, начиная от Центральной Азии и кончая Поволжьем и Закавказьем, они единичны. В этом отразились особенности появления и распространения уйгурского письма у тюрок. Уйгурский алфавит был усвоен ими в период интенсивных контактов с согдийцами, в связи с принятием сначала манихейства, а затем буддизма, и предназначался для религиозных целей, а также для нужд деловой переписки. Такое предназначение и преобладающая курсивность ограничивали выбор используемого материала. Например, камень и дерево не были подходящим материалом для уйгурской письменности.

В настоящее время тюркологам хорошо известны семь эпиграфических текстов, найденных в разных местах и в разное время, да и относящихся к разным периодам времени: 1) надпись на камне (Монголия, населенный пункт Хар-ус в 50 км к северу от Улаангома);[4] 2) надпись на поддоне позолоченной серебряной чарки (Сибирь, левый берег Енисея, село Батень в 140 км к северу от Абакана);[5] 3) надпись на камне ("над-

[4] См.: *Вандуй Э.* Увсын Хар усны гэрэлт хөшөө. — Шинжлэх ухаан, техник. Улаанбаатар, 1958, № 3, с. 45–47. Подробные сведения об Улаангомской надписи см. в Приложении II.

[5] См.: *Гаврилова А. А.* Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.–Л., 1968, 114, с. 24–30; *Щербак А. М.* Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника Над Поляной. — Там же, с. 31–33.

пись Тимура", северо-западный Казахстан);[6] 4) надпись на бересте (левый берег нижнего течения Волги, близ Энгельса);[7] 5) фрагмент тетралингвы на стене трапезной пещерно-монастырского комплекса (Закавказье, на границе Грузии с Азербайджаном, в 30 км от станции Карая);[8] 6,7) надписи на стене пещеры в Дунь-хуане.[9]

Условно, с большими оговорками, к числу эпиграфических текстов могут быть отнесены и некоторые надписи на тюркских монетах из Семиречья. Вхождение их в научный обиход началось с опубликования Ф. В. К. Мюллером[10] нового типа монеты и монетной легенды. Правда, задолго до этого на существование тюркских монет в Восточном Туркестане указывал Э. Друэн, но все монеты, опубликованные им в специальной статье как китайско-тюркские,[11] на самом деле оказались согдийскими.[12]

Монета Ф. В. К. Мюллера изготовлена из меди и имеет двустороннюю надпись, сделанную согдийским полукурсивом. Надпись на лицевой стороне монеты — *türgis qaγan baj(?)* βγi (или βγi) — прочитана самим Ф. В. К. Мюллером, хотя, по всей видимости, независимо от него такую же монету, приобретенную в Кашгаре Лавровым, упоминает В. В. Радлов,[13] который предложил несколько иное чтение надписи: *türgäš qaγan bir kiši*, не указывая, имелась ли надпись на обратной

[6] См.: *Поппе Н. Н.* Карасакпайская надпись Тимура. — Тр. Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, Л., 1940, II, с. 185–187; *Пономарев А. И.* Поправки к чтению "Надписи Тимура". — СВ, 1945, III, с. 222–224.

[7] См.: *Поппе Н. Н.* Золотоордынская рукопись на бересте. — СВ, 1941, II, с. 81–84, 125–126, табл. I–XVIII.

[8] См.: *Меликсет-Беков Л. М.* Гареджийская тетралингва эпохи монголов 1352 г. — ЭВ, 1953, VIII, с. 60.

[9] *Kara G.* Petites inscriptions ouigoures de Touen-houang. — In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh. Budapest, 1976, p. 55–59.

[10] *Müller F. W. K.* Uigurica, II. Berlin, 1911, S. 95.

[11] *Drouin E.* Sur quelques monnaies turco-chinoises des VIe, VIIe et VIIIe siècles. — Revue Numismatique, 4e série, Paris, 1891, IX, p. 454–473.

[12] См.: *Смирнова О. И.* Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. — ЭВ, 1951, IV, с. 3–23.

[13] *Radloff W.* Alttürkische Studien, IV. — ИАН, VI сер., СПб., 1911, № 5, с. 319.

стороне или нет. Само собой разумеется, что принятие чтения В. В. Радлова позволило бы считать очевидным факт использования согдийской письменности для собственных нужд тюрками в Западном каганате уже в первой половине VIII в.

В 1939, 1940 и 1951 гг., после большого перерыва, публикации тюркских монет из Семиречья были продолжены А. Н. Бернштамом, давшим описание и классификацию форм различных монет сначала из городища Тараза и случайных находок, а затем из раскопок древнего города Сарыга.[14] Все монеты из числа найденных А. Н. Бернштамом, как и экземпляр Ф. В. К. Мюллера, характеризуются наличием надписей, имеют одинаковую тамгу и объединяющий их формальный признак — квадратное отверстие, свидетельствующее о связи данного типа с китайской традицией. В отличие от Ф. В. К. Мюллера, А. Н. Бернштам не ограничивается чтением (впрочем, не совсем правильным) лицевой надписи и дает фантастический разбор текста оборотной стороны: *šutïm* 𐰴 *onoq tamγa* 'мое происхождение ..... онокская печать' (то есть печать десятиплеменного союза западных тюрок. — *А. Щ.*).[15]

Подчеркнем, что все перечисленные выше лица в определении языка исходили из принадлежности монет тюркскому племени, или племенному союзу, тюргешей. По-видимому, в отношении монет дело обстояло именно так. Однако вопрос о языке надписей оставался открытым. Именно поэтому мы сочли необходимым обратить на него особое внимание.

Значительное число монет, разнообразных по форме и тексту легенды, подобных тем, о которых только что говорилось выше, было обнаружено в шестидесятые годы в раскопках Л. Р. Кызласова, произведенных на городище Ак-Бешим, вблизи Токмака.[16]

[14] См.: *Бернштам А. Н.* 1) Археологические работы в Казахстане и Киргизии. — ВДИ, 1939, № 4, с. 172; 2) Тюргешские монеты. — Тр. Отдела Востока Государственного Эрмитажа, 1940, II, с. 105–111; 3) Новый тип тюргешских монет. — В кн.: Тюркологический сборник, I. М.–Л., 1951, с. 68–72.

[15] См.: *Бернштам А. Н.* Новый тип тюргешских монет, с. 69.

[16] См.: *Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М.* Монеты из

По характеру надписей, то есть одностороннему или двустороннему написанию их, все монеты, найденные Л. Р. Кызласовым, подразделяются на три группы: 1) монеты с односторонней надписью на лицевой стороне; 2) монеты с односторонней надписью на оборотной стороне; 3) монеты с двусторонними надписями. При этом в отношении двух первых случаев не всегда удается определить, связано ли отсутствие надписи на одной из сторон со своеобразием литья (чекана) или является следствием сознательной порчи.

Надпись на лицевой стороне всех монет[17] (за исключением одной) — *βγy twrkyš γ'γ'n pny* (или *baγï türgiš qaγan pnï*).[18] Первое слово, с учетом необозначенного гласного и своеобразного звукового значения первого знака — *baγï* (или *baγi*),[19] однако при наличии в рунических и других тюркских текстах написания *baγa*, с начальным *b* и конечным *a*, ср.: *bojla baγa tarqan* и др.,[20] чтение *baγï* в надписях на данной группе монет как тюркского слова нельзя считать обоснованным. Весьма вероятно, что оно дано с сохранением особенностей согдийской орфографии, и поэтому единственно приемлемое чтение — *βγy*, неизвестное тюркским языкам, но имеющее согдийские параллели, — ср.: *βγy γwβw*[21] — и засвидетельствованное в надписях на так называемых эфталитских монетах.[22] Первоначальное или, по крайней мере, древнее значение *βγy*

раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг. — Уч. зап. ИВ АН СССР, М.–Л., 1958, XVI, с. 514–561.

[17] О. И. Смирнова рассматривает обозначение лицевой и обратной сторон для данного типа монет как принятое условно. См.: *Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим ..., с. 536.

[18] Там же, с. 541 (согдийское чтение — О. И. Смирновой, предполагаемое тюркское чтение — А. М. Щербака, который считает его лишенным достаточных оснований).

[19] Ср. у А. Лекока: *Le Coq A.* Türkische Manichaica aus Chotscho, I. Berlin, 1912, S. 11_{20} (T II D 173) (отдельный оттиск).

[20] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897, S. 179–180; Zweite Folge, 1899, S. 4 (6_{12}).

[21] *Смирнова О. И.* Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, с. 14–16.

[22] *Junker H. F. J.* Die hephthalitischen Münzinschriften. — SPAW, phil.-hist. Kl., Berlin, 1930, XXVII, S. 647.

— "божественный". "... *bagi*, — пишет Э. Друэн, — есть перевод греческого Θεός, эпитета, который парфянские цари позаимствовали у селевкидов. Все восточные правители любили, впрочем, считать себя происходящими от богов".[23] Такое же значение имело у тюрок слово *teŋri* — 'божественный'. Выходит, что сочетание *baj βγy* двуязычное, то есть с большой степенью вероятности оно должно быть образовано по модели *synonym-composita*, так как сочетания разноязычных слов-определений чаще всего включают в себя синонимы. На самом деле указанные выше значения тюркского *baj* и согдийского *βγy* далеко не синонимичны, и, следовательно, соответствие их принципу образования двуязычных сочетаний отсутствует. Это позволяет говорить о семантическом своеобразии слова *baj* в языке тюргешей или, скорее, о его происхождении из иноязычной, то есть в первую очередь согдийской среды. При первом варианте решения этого вопроса (впрочем, очень сомнительном) рассматриваемое сочетание можно было бы сопоставить с встречающимся в рунических текстах тюркским сочетанием *bojla baγa*.

Дешифровка второй части надписи — *türgeš qaγan* — безупречна во всех отношениях. Это и дает основание считать монеты тюркскими.

Надпись на обратной стороне рассматриваемых монет читается с некоторыми трудностями. Слово, предшествующее тамге, по чтению О. И. Смирновой, — *γwβw* и означает "предводитель". Оно было присвоено местным среднеазиатским правителям, находившимся в известной зависимости от ихшида Согда, который занимал высшую ступень в местной иерархии.[24]

Начальное слово надписи — название города или имя правителя: *T(u)qumïš, T(u)xumïš, T(a)qumïš, T(a)xumïš* или *Uqumïš*.

[23] *Drouin E.* Observations sur les monnaies à légendes en pehlvi et en pehlvi-arabe. — Revue archéologique (Antiquité et moyen age). Paris, 1886, p. 40.

[24] См.: *Смирнова О. И.* Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, с. 20. См. также: *Фрейман А. А.* Опись согдийских документов с горы Муг. — В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934, с. 34 сл.

На первый взгляд, оно воспринимается как образованное от тюркского глагола *toqu-* 'выбивать', 'чеканить', ср.: *ötmäkči ol jarmaqγa baqdï kördi ersä Daqjanus atï üzä tokïmiš* 'продавец хлеба посмотрел на ту монету и увидел: на ней выбито имя Дакъянуса',[25] однако то, что монеты, о которых здесь идет речь, изготовлялись способом литья, а не чекана, а также своеобразие самого написания побуждают согласиться с О. И. Смирновой, высказавшей предположение о наличии в первой половине надписи имени правителя. Тюркские имена на *-miš* (то есть в форме причастия прошедшего времени) встречаются часто как в памятниках X–XIII вв., так и в памятниках, относящихся к более раннему времени.

На основании изложенного можно сделать вывод, подтверждающий предшествующие заключения о выпуске данного типа монет тюргешским каганом или от имени тюргешского кагана, так как чтение *türgeš qaγan*, повторяем, является бесспорным. Вывод второй, не менее существенный, относится к определению языка монетных легенд. Как показывает чтение, он не является тюркским: указанные надписи составлялись согдийцами, с использованием согдийского языка. Титул *γwβw* тюрками, насколько нам известно, никогда не употреблялся. Естественно возникает вопрос: при каких обстоятельствах монеты от имени тюркского (тюргешского) кагана выпускались не тюрками? Ответить на него можно с учетом некоторых исторических фактов. Впрочем, достаточно даже одного. Сообщение Махмуда Кашгари о смешении тюрок и согдийцев в Туркестане (имеется в виду прежде всего то место, где говорится о двуязычии населения Баласагуна, МК I 29, 30, 471) подтверждает сведения других источников о существовании в местах расположения тюргешей согдийских колоний. В одной из них, правитель которой зависел не от ихшида Согда, а от тюргешского кагана, могли выпускаться тюркские монеты с согдийскими легендами. Кстати, в Семиречье не найдено ни одной уйгурской надписи. Надписи, считавшиеся таковыми,[26] являются согдийскими (*resp.* согдоязычными)) или же не поддаются определению.[27]

[25] См.: *Боровков А. К.* Из материалов для истории узбекского языка. — В кн.: Тюркологический сборник, I. М.–Л., 1951, с. 77.

При отсутствии в первой половине VIII в. в Семиречье тюркоязычных надписей (тюргеши правили до 739 г.) и отсутствии данных, указывающих на возможность освоения тюргешами рунического алфавита, датировка таласской рунической эпиграфики должна быть отодвинута к более позднему периоду, к концу VIII или началу IX в. Вместе с тем очевидна невероятность отведения Семиречью ведущей роли в формировании древнетюркской руники.

Уйгурский алфавит

О том, что уйгурский алфавит — несколько модифицированная и более курсивная форма согдийского алфавита, восходящего, в свою очередь, к одной из разновидностей арамейской письменности,[28] в настоящее время никто не спорит. Между тем до начала нынешнего века все, кто касался происхождения или характеристики уйгурского алфавита, были склонны рассматривать его как разновидность эстрангело.[29]

А. Лекок, известный исследователь тюркских манихейских текстов, взял на себя труд тщательно изучить палеографию

[26] См., например: *Бернштам А. Н.* 1) Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. — ЭВ, 1947, I, с. 33–37; 2) Уйгурская эпиграфика Семиречья, II. — ЭВ, 1948, II, с. 102–106; 3) Новые эпиграфические находки из Семиречья. — Там же, с. 110–111; 4) Уйгурская надпись из Эрши (Фергана). — ЭВ, 1952, VI, с. 101-105; *Тенишев Э. Р.* Древнеуйгурские надписи Киргизии. — НАА, 1964, № 1, с. 146-149.

[27] См.: *Сыдыков С.* Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай. — В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 102–106; *Щербак А. М.* Тюркская эпиграфика. — Изв. АН Азерб. ССР, сер. лит., яз. и иск., Баку, 1968, №2, с. 82.

[28] См.: *Müller F. W. K.* Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei. — SPAW, phil.-hist. Kl., Berlin, 1909, XXVII, S. 730; *Gauthiot R.* De l'alphabet sogdien. — JA, 10e série, 1911, XVII, p. 82 etc., 90.

[29] См.: *Müller F. [W. K.]* Zur Frage über den Ursprung der uigurisch-mongolisch-mandžurischen Schrift. — WZKM, 1891, V, S. 182–184; *Radloff W.* Das Kudatku Bilik, I. SPb., 1891, S. LXXXIV–XC; idem. Alttürkische Studien, IV. — ИАН, VI сер., СПб., 1911, № 5, с. 316–326.

различных документов и пришел к выводу, что следует различать по меньшей мере три типа уйгурского письма: два древних ("согдийских") и один относительно поздний ("собственно уйгурский"). Его статья, посвященная этой проблеме, содержит в качестве иллюстративного материала образцы письма различных типов, как "уставных", так и полукурсивных и курсивных.[30]

Не так давно было высказано мнение, что тип, иллюстрирующий согдийское письмо ("*Sogdisch* I", *Taf.* I), не является таковым. Нам, к сожалению, неизвестны мотивы, побудившие К. Рёрборна и его коллегу высказать соответствующее мнение. Отсутствие подробной информации все же не мешает сказать несколько слов о результатах тщательного сопоставления буквенных знаков первого типа согдийского письма по А. Лекоку со знаками согдийского текста сутры, относящегося примерно к концу VIII в.[31] Таблица А. Лекока точно воспроизводит согдийские написания с минимальным количеством отклонений, главнейшее из которых — написание m в начале, середине и конце слова, приближающееся иногда к написанию t.

Из тюркских текстов наиболее близкой к согдийскому типу упомянутой сутры является Улаангомская надпись, в которой четко различаются d и t, полностью совпадает написание d в любой позиции и написание m в конечном положении. Поздним уйгурским, заметно отличающимся от собственно согдийского письма, является текст уйгурского варианта "Огузнаме". Таким образом, и тот тип, какой мы привыкли называть собственно уйгурским, имеет несколько вариантов.

Чтобы правильно представить себе последовательность и соотношение разновидностей уйгурского письма, нельзя забывать, что древние тюрки вначале использовали согдийский алфавит без каких-либо изменений при написании ряда буддийских текстов.[32] За исключением этих последних, все другие памятники написаны адаптированным согдийским или, иначе говоря, уйгурским алфавитом, наиболее существенными чертами которого, по сравнению с собственно согдийским, являются следующие: изменение фонетического "содержания" буквы, обозначающей $l(\delta)$; утрата различий в графической передаче s и $\check{s}$; модификация r, который, будучи снабженным дополнительным знаком, стал передавать l; изменения в написании буквы, обозначающей d; смешение букв, обозначающих d и t.[33] Безусловно, различается в целом и манера письма, но не до такой степени, чтобы отсутствовала возможность идентифицировать буквы.

[30] *Le Coq A.* Kurze Einführung ..., S. 93–109.

[31] См. у Д. Федакяра: *Fedakâr D.* Das Alttürkische in sogdischer Schrift. Textmaterial und Orthographie (Teil I). — UAJb, 1991, NF 10, S. 90.

[32] *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, S. 28.

Касаясь проблемы уйгурских рукописей эпохи Ислама, В. В. Радлов счел допустимым говорить о существовании особого типа уйгурского письма, названного им "*der mohammedanisch-uigurische Schriftcharacter*".[34] Поскольку упомянутые рукописи характеризуются наличием значительного количества диакритических знаков арабского происхождения, выделение В. В. Радловым такого типа кажется, на первый взгляд, имеющим достаточные основания. Однако при более глубоком подходе можно прийти к выводу, что эти знаки, восходящие в большинстве своем к определенным буквам, не являются конститутивными элементами уйгурских буквенных знаков. Несомненно мы имеем дело с обычным типом относительно позднего уйгурского курсива, "комментируемого" при помощи букв и знаков арабского алфавита. Это как раз тот тип, который широко использовался в канцелярии Чингиз-хана и других ханов и приблизительно в середине XIII в. был заимствован монголами.[35]

Крайне необходимо обратить внимание на одно обстоятельство, ускользнувшее из поля зрения некоторых наших предшественников. Обращение к уйгурскому письму, которое имело место в XIV–XV вв., нельзя рассматривать просто как воз-

[33] Более подробный перечень отличительных черт уйгурского письма см. в раб.: *Gauthiot R.* De l'alphabet sogdien, p. 82 etc.

[34] *Radloff W.* Das Kudatku Bilik, I, S. XCIII.

[35] См.: *Kotwicz W.* Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigours. — RO, 1925, II, p. 244; *Pelliot P.* Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens Mongols. — AM, 1925, II, 2, p. 284–289.

обновление старой [письменной] традиции. В пользу такого вывода свидетельствует то, что тексты, написанные уйгурскими буквами в указанный период, имеют междустрочный арабографичный текст. Подобная двойственность графики обязана своим появлением необходимости сделать соответствующие тексты читаемыми, или точнее, понятными.[36]

Параллельное использование двух систем письма в период, когда арабский алфавит получил официальный статус, не может не вызвать недоуменных вопросов. Как объяснить явно избыточный параллелизм, чем объяснить эпизодически проявляющееся предпочтительное отношение к уйгурскому алфавиту? На оба вопроса может быть дан один ответ, без риска попасть в заблуждение. Постоянно подчеркивавшие принадлежность к династиям чингизханидов потомки Тимура стремились использовать любые средства для поддержания традиций монгольской империи. Одним из средств такого рода стал уйгурский алфавит, тем более что спустя некоторое время после выхода его из употребления у тюрок он воспринимался, скорее, как монгольская, чем тюркская, система письма. В этой связи примечательна одна деталь из биографии Бабура. В начале XVI в. он создал особую разновидность письма, получившую название "хатти Бабури", и пользовался ею при составлении списка корана, находящегося в настоящее время, судя по сообщению А. Алпарслана, в библиотеке г. Мешхеда в Иране.[37]

Просмотр буквенных знаков, приведенных в статье А. Алпарслана, позволяет считать главнейшими источниками "хатти Бабури" арабский и уйгурский алфавиты. К аналогичному выводу приходит и сам А. Алпарслан. "Исследование систем письма, имеющих отношение к местам походной жизни Бабура, — пишет он, — прольет больше света на происхождение

[36] См.: *Gandjeï T.* Note on an unknown poem of Ḥaidar..., p. 67.

[37] См.: *Alparslan A.* Babur'un icad ettiği "Baburî yazısı" ve onunla yazılmış olan kur'an. — Türkiyat Mecmuası (1973–1975), Istanbul, 1976, XVIII, s. 161–166. О другом варианте "хатти Бабури", извлеченном из "Табакати Акбари", см.: *Азимджанова С. А.* Новые сведения о "Хатт-и Бабури". — Доклады делегации СССР на XXVI международном конгрессе востоковедов. М., 1963.

"хатти Бабури". Однако при самом общем подходе очевидно влияние исламского (*resp.* арабского. — *А. Щ.*) и уйгурского алфавитов".[38]

Бабур, насколько нам известно, нигде не говорит о том, что побудило его заняться разработкой новой системы письма, тем не менее есть факты, приближающие нас к пониманию основной причины. Как и другие тимуриды, он нередко указывал на свою принадлежность к династиям монгольских ханов. Существенно и то, что отец Бабура Омар-Шейх мирза был хорошо знаком с разновидностью уйгурского курсива, использовавшейся монголами. Будучи тимуридом и ясно осознавая свою роль в междуусобной борьбе за власть в Мавераннахре, Бабур, как и его предшественники, не прочь был подчеркнуть возвышенное положение своей родословной, величие и незыблемость рода Чингизхана. Таким образом, использование в XV в. уйгурского алфавита преследовало не практические, а престижные цели.

Из всего предшествующего следует, что древние тюрки пользовались двумя типами уйгурского алфавита, которые могут быть соотнесены между собой так:

I. первоначальный согдийский (в небольшом количестве буддийских текстов);[39]

II. адаптированный согдийский, или собственно уйгурский:

а) собственно уйгурский доисламского периода ("устав" и курсив);

б) собственно уйгурский исламского периода, или уйгуро-монгольский (курсив).

Уже отмечалось выше,[40] что перечисленные типы различаются некоторыми особенностями. К ним необходимо добавить еще одну различительную черту, позволяющую провести границу не только между первым и вторым типами, но и между двумя разновидностями последнего. Речь здесь идет о написании буквы, обозначающей *d (t)*, ср.: I — 𐽆 𐽇 𐽅 ;

[38] *Alparslan A.* Babur'un icad ettiği "Baburî yazısı ... ", s. 166.

[39] Об этом типе см.: *Clauson G.* Turkish and Mongolian studies. London, 1962, p. 100 ff; *Sims-Williams N.* The Sogdian sound-system and the origin of the Uyghur script. — JA, 1981, CCLXIX, 1–2, p. 347–360.

[40] См. выше, с. 114 сл.

II а) — 𐰴 𐰵 𐰶; II б) — 𐰷 𐰸 𐰹. Данная черта не имеет абсолютной различительной силы и все же она — достаточно надежный критерий отнесения большинства текстов к тому или иному типу.[41]

Заканчивая, мы хотели бы подчеркнуть, что все изложенное выше в Приложении I не претендует на исчерпывающе полную характеристику уйгурской эпиграфики[42] и уйгурского алфавита. Оно содержит обзорную информацию об этапах развития уйгурской письменности и ее распространении, степени употребительности, а также отдельные принципиальные замечания, основная цель которых показать: уйгурское письмо — обычная[43] письменность, никак не сопоставимая с руникой. Уйгурским алфавитом пользовались в течение длительного периода времени как общепринятой системой письма, подвергавшейся незначительным изменениям, но не допускавшей произвольных замен знаков.

Именно устойчивость, общеупотребительность сыграли определенную роль в принятии уйгурского алфавита монголами[44] и маньчжурами. Несопоставимость его с руническим алфавитом заключается прежде всего в том, и это уже неоднократно отмечалось выше, что последний был совершенно особым графическим типом, который создавался не для широкого употребления и не для целей общения. Будучи элитарной системой и в значительной степени тайнописью,[45] он мог подвергаться произвольным изменениям вплоть до замены одних знаков другими. В этом сущность его, и с этим связано то, что иногда называют эффектом многовариантности.

Не было двадцати или тридцати разных тюркских рунических алфавитов, была одна система рунического письма, структура которой позволяла без особых трудностей создавать и варианты знаков, и варианты системы в целом. Итак,

[41] Ср. ниже, с. 125 (написание *d* в Улаангомской надписи).

[42] Мы не располагаем копиями новейших уйгурских эпиграфических находок.

[43] Обычная — в смысле общеупотребительная.

[44] См.: *Kotwicz W.* Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigours, p. 244.

[45] См. выше, с. 104.

различная степень произвольности изменений — основная, существенная черта тюркской руники, ставящая под сомнение возможность палеографических исследований, которые вполне допустимы в отношении уйгурской письменности.[46]

[46] Ср. типы, установленные А. Лекоком: *Le Coq A.* Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde, S. 93–109.

Приложение II

Улаангомская надпись

В конце июля 1955 г. монгольский археолог Ц. Доржсурен производил обследование курганов, расположенных на территории Увсанурского аймака в местности Хар-ус, в 50 км к северо-западу от г.Улаангома. На восточном склоне одного из курганов, у насыпи, Ц. Доржсурен обнаружил камень с уйгурской надписью,[1] у другого кургана — камень с руническим текстом. Фотография уйгурской надписи и копия рунического текста были переданы С. В. Киселеву и затем, весной 1957 г., пересланы в г.Ленинград. По существу, это была первая и, пожалуй, единственная находка древнеуйгурского эпиграфического текста на территории Монголии. Уникальность находки заключалась не только в самом факте обнаружения первой древнеуйгурской надписи в данном регионе, но и в наличии в непосредственной близости камня с рунической надписью.

В 1957 г. фотокопия надписи оказалась в нашем распоряжении, и недолго пришлось заниматься ее чтением и толкованием, после того как стало ясно, что надпись является тюркской, а не согдийской. В конце этого же года транскрипция Улаангомской надписи и перевод ее на русский язык с небольшими комментариями были отправлены в Монголию,[2] и уже в 1958 г. появилось издание Э. Вандуя.[3] В 1959 г. транскрипция и перевод Улаангомской надписи были опубликованы в Ташкенте,[4] а в 1961 г. в Ленинграде.[5] Опираясь на перечисленные издания, С. Г. Кляшторный в 1961 г.[6] и в 1963 г.,[7] а Л. Н. Гумилев в 1963 г.[8] подготовили и издали исторические комментарии к содержанию надписи и тем событиям, которые чрезвычайно скупо изложены в ней. В 1959 г. фотокопию Улаангомской надписи без транскрипции и перевода издал Е. Ринчен.[9] Затем длительное время по совершенно непонятным причинам надпись не привлекала к себе внимание тюркологов, хотя помимо указанных выше достоинств имела и другие, очень ценные и значимые для истории древнетюркской письменности. Только в 1986 г. надписью заинтересовался П. Циме, но не с точки зрения оценки ее общей значимости, а лишь с намерением критически рассмотреть наше издание, внести исправления и подвергнуть сомнению предложенную нами датировку, которая, по его словам, опиралась на неверно прочитанные некоторые слова. И сейчас можно сказать, что чтение Улаангомской надписи в целом не вызывает больших трудностей, затруднительным и не окончательным является чтение нескольких слов. Приходится сожалеть, что надпись, будучи известной уже в течение почти полувека, вызвала интерес у чрезвычайно ограниченного круга лиц. Тем более ценными оказываются замечания, сделанные П. Циме, являющимся специалистом высокого класса как раз в данной области.

Остановимся на этих замечаниях. П. Циме считает, что для датировки надписи VIII в. нет оснований, поскольку чтение встречающегося в пятой строке этнонима *türgeš* ошибочное, взамен которого он, к сожалению, ничего другого предложить не может.[10] Между тем именно это чтение, наряду с

[1] См.: *Доржсурен Ц.* Изучение историко-археологических памятников Монголии. Улан-Батор, 1957, вклейка на стр. 13 (о самой надписи на стр. 17).

[2] Была договоренность, что первое издание будет осуществлено в Монголии.

[3] *Вандуй Э.* Увсын Хар усны гэрэлт хөшөө. — Шинжлэх ухаан, техник. Улаанбаатар, 1958, № 3, с. 45–47.

[4] *Шчербак А. М.* Мўғулистонда топилган қадимги бир тош ёзма. — ЎТА(М), 1959, № 3, б. 34–36.

[5] *Щербак А. М.* Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. — ЭВ, 1961, XIV, с. 23–25.

[6] *Кляшторный С. Г.* К историографической оценке Уланкомской надписи. — ЭВ, 1961, XIV, с. 26–28.

[7] *Кляшторный С. Г.* По поводу интерпретации Уланкомской надписи. (Письмо в редакцию). — СА, 1963, № 4, с. 292–293.

[8] *Гумилев Л. Н.* По поводу интерпретации Уланкомской надписи. — СА, 1963, № 1, с. 295–298.

[9] *Rinčen Y.* Mélanges archéologiques. Les inscriptions inconnues sur pierre et les plaques d'or ornementées du harnais de Tonyoucouc. — CAJ, 1959, IV, 2, p. 290–292.

[10] *Zieme P.* Uygur yazısıyla yazılmış Uygur yazıtlarına dâir bazı düşünceler. — TDAY-Belleten (1982–1983), 1986, s. 231.

некоторыми другими примечательными фактами, послужило основной точкой опоры при отнесении времени ее составления к VIII в. По мнению П. Циме, третья буква в интересующем нас слове — "*yā*", и поэтому чтение *türgeš* исключено. Однако "*yā*" в этом слове не является самостоятельной буквой, она — компонент буквы, передающей гласный *ü(ö)*. Последующая часть, в которой сопряжены "*rā*" и "*kāf*", для текста Улаангомской надписи должна быть признана обычной, не нарушающей общепринятых норм. Кроме собственно графического обоснования соответствующего чтения, есть также аргументы контекстуального характера: слову *türgeš* предшествуют такие географические наименования, как *Tübüt* и *Tünlüg*. И хотя об одном из них мы не можем сказать ничего определенного, вместе они в какой-то мере предопределяют появление рядом с ними этнонима.

П. Циме читает вместо *Boγaz-tegin* в первой строке *Barstegin*.[11] При первоначальном чтении Улаангомской надписи рассматривалось несколько вариантов первого компонента имени и вариант *Boγaz* (собственное значение слова *boγaz* — "горло") казался допустимым, но не достаточно убедительным. Тем не менее и теперь мы отдаем предпочтение этому варианту, не считая его окончательным решением вопроса об имени. В связи с этим сделаем небольшие дополнительные пояснения. На имеющейся у нас фотографии после "*bā*" вероятнее всего следует "*vāv*" и что сочетание "*bā*" с "*ālif*"ом обычно выступает в несколько ином виде. П. Циме приводит и другой довод: древнеуйгурская форма слова *boγaz* 'горло' — *boγuz*, а такое чтение в тексте Улаангомской надписи, понятно, полностью неприемлемо. И этот довод принять во внимание трудно. Улаангомская надпись написана уйгурскими буквами, но это не значит, что язык ее непременно древнеуйгурский. Так, в древнетюркском языке и близком к нему языке огузов вариант с широким гласным во втором слоге является единственно возможным, ср.: др.-тюрк. *boγaz* (МК I 364; МК II 244); аз., тур., туркм. *boγaz*, гаг. *buaz*. Все же не важно, каким будет окончательное решение, так как чтение рассматриваемого слова не имеет принципиального значения. Оно может стать ключевым в случае, когда соответствующая личность будет введена в круг более или менее определенных исторических событий и когда будут обнаружены сопоставимые с тем или иным вариантом имена. О. Ф. Серткая, тщательно сопоставлявший все существующие варианты чтения имени, предложил заметно отличающийся свой — *Buγra-tegin*,[12] который также, по-видимому, не будет окончательным. Он придает большое значение тому обстоятельству, что слово *buγra* в обычном лексическом значении — "верблюд-самец" — до сих пор не встречалось ни в одном древнетюркском тексте в качестве имени собственного (*Buγra*).[13] Вряд ли это может быть большим препятствием для принятия предложенного им решения: слово *buγra* — тюркское, бесспорно относящееся к древнейшему пласту лексики. Большое препятствие иного характера — очень своеобразное восприятие автором статьи двух последних букв.

[11] Ibid., s. 231.

В четвертой строке в конечной позиции слова *jïlqï* П. Циме отдает предпочтение "*vāv*"у, а в начале слова вместо *jï* читает *a* и предлагает вместо *jïlqï* 'относящийся к году' — *alqu* 'все'. Наша точка зрения такова, что в пользу чтения *jïlqï* свидетельствует контекст, точнее, предшествующая часть текста, ср.: *jeti yigirmi jašïmta ..... toquz jigirmi joqïmta ..... ji(g)irminčte*[14] *..... tolun jïlqï ..... bir otuz jašïmta ...* С учетом ее следует, что сочетание *tolun jïlqï* означает " (двадцатый год стал) полным годом", "(когда достиг возраста) полных двадцати лет". Здесь безусловно есть трудность, необходимость преодоления которой более чем очевидна. Речь идет о возрасте, и слово *jïl* не может как будто заменить слово *jaš*. По всей видимости, следует

[12] *Sertkaya O. F.* Kızıl kum (Ulaan gom) yazıtında geçen kişi adı üzerine. — TDAY-Belleten (1994), Ankara, 1996, s. 137–144. Предложенный Е. Ринченом вариант — *Duγas tekin* —, вероятнее всего, следствие недоразумения, тем более что в одном из последующих изданий он заменил "*dāl*" на "*bā*". См.: *Rinčen Y.* Mélanges archéologiques ..., p. 290–292.

[13] Ibid., s. 141-142.

[14] В предшествующих изданиях указанное слово воспринималось нами как топоним.

воспринимать *jïl* в приведенном контексте как обозначение не возраста, а астрономического года: "двадцатый год закончился, двадцать лет стали полными". Ср.: тур. *dolγun* 'полный', *jirminǰi jïldönümü* 'двадцатилетие'; туркм. *meniŋ jigirmi jašïm doldu* 'мне исполнилось двадцать лет'. Примечательны примеры из словаря В. В. Радлова, в которых *jïl* выступает в значении *jaš*: тур. *qïrq jïlïn bir günü var dünjada* 'тебе сорок лет и один день жизни на этом свете'; др.-уйг. *ažazu jažazu Loqman jïlï* 'пусть он наслаждается (всем) и доживет до возраста Локмана' (РСл III 482).

Мы не настаиваем на чтении выступающего в конце пятой строки сочетания как *Boluču ögüz*. Когда нам пришлось впервые познакомиться с текстом Улаангомской надписи, не было уверенности в том, что выбран вполне надежный вариант: настораживала необычность написания "*zā*" и, кроме того, не было совершенно необходимого для данного случая аффикса местного падежа, который поэтому был заключен в скобки. При восстановлении аффикса принималось во внимание существование своеобразной лакуны, учитывалась степень испорченности нижней части текста. Окончания 5–7 строк в значительной мере стерты. К сожалению, нам не приходилось иметь дело с оригиналом, но, судя по имеющимся фотографиям, складывается впечатление, что небольшой кусок стелы сколот. Предложенное П. Циме чтение — *bulun üküš* — более надежное и больше соответствует оригинальному написанию, хотя и оно наталкивается на определенные трудности. Самая значительная из них заключается в том, что после "*nūn*"а (? "*čīm*"а) выписан "*vāv*". Последний мог появиться при обводе надписи краской или вследствие естественной порчи, но удивляет четкость изображения его. Бросается в глаза также совмещенное написание двух слов, допустимое лишь в особого рода сочетаниях.

Естественно, что текст надписи, изданный 40 лет тому назад, подвергся изменениям и со стороны автора данной работы. Одни из этих изменений существенны, их немного, и все они так или иначе были затронуты выше. Другие незначительны и не нуждаются в специальных пояснениях. Дальнейшее изучение надписи, в особенности нижней части, внесет коррективы как в чтение, так и в перевод ее.

Дополнительного обсуждения заслуживает вопрос о датировке надписи. Мы не ограничиваемся ссылкой на присутствие в тексте этнонима *türgeš*. Не менее важным аргументом в пользу отнесения времени составления надписи к первой половине VIII в. является своеобразие ее стиля: он точно такой же, как в рунических надписях Енисея. Наконец, нельзя обойти молчанием графические особенности. Выделяется написание "*šīn*"а, характерное для собственно согдийского алфавита. Далее, существенно то, что различаются буквенные обозначения звуков *d* и *t*, что также характерно для согдийского алфавита. В уйгурографичных текстах относительно позднего или позднего периодов, например в сутре "Suvarṇaprabhāsa", различение их уже не является строго последовательным. При этом буква, обозначающая *d*, меняет свою конфигурацию. Есть и морфологические особенности, которые нет оснований интерпретировать как инновации. В значении дательного падежа выступает аффикс *-ta* (∼ *-da*), подобно тому как в ряде орхоно-енисейских текстов, ср.: *Burγuda jetdim* 'я достиг Бургу' (МЧ$_{15}$). В виде предположения можно допустить преобразование в аффикс *-ta* послелога *tapa*, ср.: *qïrqïz tapa süledimiz* 'мы совершили поход на кыргызов' (КТб$_{35}$), *ol jïlqa türgeš tapa Altun jïšïγ aša Ertiš ögüzüg keče joridïm* 'в тот год, перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш, я ходил с войском на тюргешей' (БК$_{27}$), *oγuz tapa süledim* 'я совершил поход на огузов' (БК$_{32}$).

Заключительная часть "Приложения II" — текст и перевод Улаангомской надписи:

Текст

I. *Er atïm Boγaz-tegin jeti jigirmi jašïmta Bur-uluγta* II. *süledim miŋ jont altïm toquz jigirmi joqïmta* III. *öŋi sunutu (?) Tatarta süledim öŋre čerig* IV. *ïd(t)ïm ji(g)irminčte ertürü tudïm tolun jïlqï* V. *Tübüt Tünlüg kisre Türgeš Boluču-ögüz(te) (? bolun üküš)* VI. *altïm bir otuz jašïmta Omuzta süledim* VII. *töbelip Biditegi tegin (?) iltügi kisre* VIII. .....

Перевод

I. Мое мужское имя — Богаз-тегин. В 17 лет на Бурулуг

II. я ходил с войском, захватил тысячу лошадей. Когда мне не было еще 19 лет,

III. (?) я ходил с войском на татар, войско вперед (? на восток)

IV. послал. На двадцатом году, совершая переход, перекрыл (дорогу). Когда стало полных (20) лет

V. в Тибете, Тюнлюге, а затем у тюргешей взял много пленных.

VI. В 21 год я ходил с войском на Омуз

VII. .....

VIII. .....

Приложение III

Памятники рунического письма Киргизии

Памятники рунического письма, составляющие данную группу, немногочисленны, хотя их значение, как находящихся примерно в середине миграционных путей тюрок из Центральной Азии в Восточную Европу, весьма велико, прежде всего для установления исходных пунктов его распространения. Эти памятники были обнаружены в долине р. Талас, на берегах озера Иссык-куль и в Баткенском районе.[1]

Надписи из Таласа (за исключением надписи на палочке из Ачик-таша)

Таласские надписи, как и все рунические надписи Средней Азии, важны для рунологических исследований главным образом из-за географического расположения мест находки и из-за тех исторических обстоятельств, которые связаны с передвижением тюркских племен с востока на запад в эпоху раннего Средневековья. Именно это и побудило нас посвятить одно из "Приложений" указанной группе надписей.

Открытие первой стелы с рунами относится к 1896 г.[2] В очерке, содержащем общую характеристику тюркских рунических надписей, уже были приведены сведения о таласской

[1] См.: Эпиграфика Киргизии, I. Составил Ч. Джумагулов. Фрунзе, 1963, с. 5.

[2] См.: *Каллаур В. А.* Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде. — ЗВО ИРАО, 1899, XI, с. 265–270; *Радлов В.* Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда. — ЗВО ИРАО, 1899, XI, с. 85–86; *Мелиоранский П. М.* По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде. — ЗВО ИРАО, 1899, XI, с. 271–272; *Németh J.* Die Köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. — KCsA, 1926, II, 1–2, S. 134–143; *Heikel H. J.* Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. — Travaux ethnographiques, Helsinki, 1918, VII; *Массон М. Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса, М.–Л., 1936, вып. 6–7, с. 5–15.

группе и тех специалистах, которые занимались изучением соответствующих текстов, а также осуществили их издание.[3] В этом очерке подчеркивалось отсутствие значительных по размерам текстов и указывалось на "обыденность" содержания. Нет ни исторической информации, ни сведений этнического характера. Скажем, трудно объяснить, почему ни в одном из них не упомянуты тюргеши или вытеснившие их из Семиречья карлуки, хотя исследователи надписей почти единодушны в том, что талласские надписи были составлены в VIII в. или что они, по крайней мере, "не новее VIII в.".[4]

Как сообщает в своей брошюре И. А. Батманов,[5] к концу семидесятых годов в долине р. Талас были обнаружены в общей сложности 12 рунических надписей, 11 — каменописных и одна — на деревянной палочке.

Для определения времени составления каменописных надписей Таласа нет каких-либо надежных ориентиров. Скорее всего, надписи следует датировать второй половиной VIII в. Однако С. Г. Кляшторный, принципиально придерживающийся такой же точки зрения, допускает возможность составления их и в более ранний период времени (716–739 гг.).[6]

Типологически, по мнению Г. Гейкеля, талласские надписи тесно смыкаются с енисейскими, но находятся на значительно более низкой ступени с точки зрения стиля и содержания.

Ниже мы хотели бы обратить внимание на графические особенности талласских текстов, за исключением палочки из Ачик-таша. Количество рун, заметно отличающихся от знаков енисейской и орхонской письменностей, невелико, однако встречаются примечательные черты в передаче звуков t^1, t^2, r^1, m^2, γ, q, s.

Несколько слов о рунах, обозначающих q и t^1 в первом

[3] См. выше: с. 20—21.

[4] См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 63.

[5] См.: *Батманов И. А.* Талласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 4–8.

[6] *Kljashtorny S. G.* The date of the ancient inscriptions of Semirechie. — Altaica osloensia. Proceedings from the 32nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Oslo, June 12–16, 1989, S. 221.

тексте. Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с одним из немногих или даже чрезвычайно редких, случаев, когда возможно применение палеографического анализа и можно сделать вывод о соответствующей природе инновационных изменений в восточноевропейском варианте тюркского рунического алфавита. Практически повсюду путем "поднятия плеча" наблюдается преобразование руны ᚺ в ᚾ, а ᚻ в ᛁ, преобразование, изменение внешней формы, но не замена одних знаков другими. Знак ᛋ r^1 модифицируется сходным путем, однако "плечо" выпрямляется кверху: ᛏ Характерно, что в той или иной мере соблюдаются правила распределения графических средств обозначения гласных, строго применяемые в орхонских надписях.

Надпись на палочке из Ачик-таша (Бассейн р. Талас)

Еловая палочка из Ачик-таша стала достоянием широкого круга специалистов в ходе имевших место в 1932 г. геологоразведочных работ на южном склоне Киргизского хребта, "в сторону долины р. Талас, к СЗ от г. Дмитриевского, на месторождении серного колчедана ...".[7]

Подробное описание места находки дано в статье М. Е. Массона, обратившего внимание на "исключительную сохранность" палочки, "точно ее изготовили и покрыли письменами только недавно", что объясняется, по его мнению, "благоприятными условиями лежания в земле".[8]

Ценность палочки, ее значимость для решения вопросов, связанных с происхождением и распространением рунического алфавита тюрок, не только, как указывалось выше, в расположении талласских древностей на путях перемещения рунической письменности с востока на запад, но и во внешнем облике отдельных знаков, напрямую не сопоставимых со знаками других талласских, орхонских и енисейских надписей.

Пионером в деле изучения надписи на палочке из Ачик-таша был С. Е. Малов, предложивший чтение текста, транс-

[7] *Массон М. Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии, с. 13–14.

[8] Там же, с. 13.

крипцию и перевод, а также снабдивший их комментариями. Чтение С. Е. Малова воспроизводится ниже полностью:[9]

I. $a_{\gamma}\ddot{i}_{p}\ \ a_{\check{s}u}\ \chi\ (=ba\check{s})\ \ a_{l}t\ddot{i}_{m}\ \ \ddot{a}_{b}\ \ \ddot{a}_{\check{s}}i_{g}\ldots\ \ a_{m}\ \ i_{d}i_{\check{s}}\ \ a_{\check{c}u}\ldots$

II. $\ddot{a}_{g}\ \ op^{a}\ \chi\ (=ba\check{s})\ \ a_{\check{c}}\ddot{i}_{\check{s}}\ddot{i}_{p}\ \ a_{\gamma}u\ \ ig^{i}p\ \ \ddot{i}_{n\check{c}}\ddot{i}_{p}\ \ gncup\ \ sqmug\check{c}$

III. $a_{\gamma}\ddot{i}_{l}t\ddot{i}_{m}\ \ n^{a}\ \ y^{a}z^{i}\ \ i_{\check{c}}\ \ a_{\gamma}\ddot{i}_{z}\ddot{i}_{\gamma}\ \ a_{\check{s}}a\ \ a_{\gamma}i_{\check{s}}\ \ \ddot{a}_{d}\ldots$

IV. $a_{\check{c}u}\ \ \ddot{a}_{g}i_{z}\ \ a_{\check{s}u}\ \ a_{z}\ldots$

IV. $a_{\check{c}u}\ \ \ddot{a}_{g}i_{z}\ \ a_{\check{s}u}\ \ a_{z}\ldots$

Перевод С. Е. Малова на русский язык мы не сочли целесообразным воспроизводить здесь из-за очевидных трудностей его восприятия как цельного, законченного текста. С. Е. Малов долго колебался, признать ли надпись на палочке за тюркские руны. "Чтение и перевод памятника, сделанные мною, — пишет он, — весьма и весьма предположительны".[10] Х. Н. Оркун прочитал надпись в основном так же, как и С. Е. Малов, но внес свои коррективы в перевод, подчеркнув при этом, что текст является сообщением одному из предводителей войска.[11] В обновленном издании надписи на палочке, осуществленном после смерти С. Е. Малова,[12] сколько-нибудь значительные изменения в чтение и перевод ее не вносились.

В статье, изданной много лет тому назад,[13] мы сделали попытку прочитать надпись на палочке из Ачик-таша заново, разумеется учитывая то, что было сделано С. Е. Маловым и принимая во внимание мысли учителя. С тех пор к надписи приходилось обращаться много раз, сопоставлять различные материалы, вести поиски альтернативных решений, однако все попытки продвинуться вперед оказывались малорезультативными. Несмотря на имеющийся опыт изучения тюркской руники и приложенные усилия не удалось добиться существенного сдвига даже в рамках того решения, которое было предложено в 1959 г.: часть надписи остается необъясненной, некоторые знаки не поддаются идентификации. Приведем один пример. Мы читаем знак χ как $\gamma(q)$. Подобное чтение, будучи обычным для уйгурской письменности, является чем-то вроде исключения, когда речь идет о рунике. В орхоно-енисейских надписях γ и q передаются разными знаками.

[9] См.: *Малов С. Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса, М.–Л., 1936, вып. 6–7, с. 30. В транскрипцию С. Е. Малова внесены лишь небольшие изменения.

[10] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, с. 68.

[11] См.: *Orkun H. N.* Eski Türk yazıtları, III. Istanbul, 1940, s. 213.

[12] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 63–68.

[13] См.: *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, № 75. М.–Л., 1959, с. 387–388.

Разбор и чтение надписи на палочке могут осуществляться разными путями. Вначале имело бы смысл обратить внимание на распределение знаков, выявить повторяющиеся группы и попытаться установить звуковое содержание трех-четырех знаков, что, естественно, позволило бы перейти к выделению отдельных слов. Разумеется, следует начинать с гласных, так как количество соответствующих знаков ограниченное, вследствие чего они встречаются чаще, чем руны, обозначающие согласные. Иначе говоря, частотность употребления — важный разграничительный признак гласных и согласных. Далее, неизбежны сопоставления с другими руническими текстами в поисках аналогий, поскольку возможность полного обособления надписи на палочке из Ачик-таша, как нам кажется, исключена. Сопоставления приводят к выводу, что встречающиеся в надписи руны $\chi{>}\Pi$ сходны с рунами надписей на новочеркасских баклажках, причем знаки $>\Pi$ в них выступают также довольно часто. Бросается в глаза и то, что в надписях на новочеркасских баклажках, как и в надписи на палочке из Ачик-таша, отсутствует знак $\int$, в связи с чем возникает предположение об использовании какого-то иного знака для гласного $a(e)$. Считать допустимым отсутствие указанного знака в силу ущербности надписи нет достаточных оснований. В конечном итоге, мы вправе сделать вывод, что состав рун, обозначающих гласные в надписях на баклажках и палочке, примерно одинаков. Ср.:

I	II	
$>$	$>$	$a(e)$
Π	Π	$o(\ddot{o}),\ u(\ddot{u})$
$\curlyvee$	—	$\ddot{i}(i)$

После расшифровки "экзотических" знаков и идентификации обычных рун становится возможным выделение ряда слов: 𐰴𐰃𐰚 $^{e}bügü$ 'дом' (вин. пад.), 𐰾𐰃 ^{e}lte 'в союзе племен', 𐰾𐰃𐰍𐰺𐰴 $^{a}mγuta$ 'в Амгу, из Амгу'.

Ключ к чтению таких текстов как надпись на палочке из Ачик-таша надо искать также, опираясь на учет обстоятельств ее использования, на предполагаемые случаи предназначения предметов, на которые нанесены знаки. Надпись сделана на палочке, и, следовательно, весьма вероятно, хотя и не обязательно, присутствие в тексте обозначающего ее слова. "По аналогии с имеющимися уйгурскими деревянными "кольями" (*qasquq, qasquγ*), — пишет С. Е. Малов, — можно было бы думать, что эта палочка с рунами будет иметь какое-либо культовое, магическое значение, но этого не оказалось. В данном случае, судя по сохранившейся части надписи и принимая мой перевод, палочка является своего рода путевым жезлом, путеводной палочкой".[14] Именно такие "палочки-колья", с уйгурскими и тибетскими письменными знаками, найденные в Кочо, упоминаются Ф. В. К. Мюллером.[15] Все они — магического содержания. Надписи на палках и палочках из согдийской коллекции являются, по-видимому, своеобразными посвящениями или хозяйственными записями.[16] Кстати, размеры их невелики, например, длина колеблется от 9,5 до 132 см. Об использовании древними тюрками деревянных палочек или кусков дерева с надписями в качестве документов, удостоверяющих число отбираемых воинов,[17] сообщают китайские источники.

Как известно, в древнетюркском языке для обозначения палочки-кола бытового, культового или хозяйственного ис-

[14] *Малов С. Е.* Таласские эпиграфические памятники, с. 30.

[15] *Müller F. W. K.* 1) Uigurica II. Berlin, 1911, S. 102; 2) Zwei Pfahlinschriften aus den Turfanfunden. — APAW, phil.-hist. Kl., Berlin, 1915, № 3.

[16] См.: *Фрейман А. А.* Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. — В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934, с. 14, 15, 47–51.

[17] См.: *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I. Texte. Wiesbaden, 1958, S. 9.

пользования существовало слово *qazquq*, имевшее несколько вариантов: *qazγuq, qazuŋuq, qazuq* (ср.: у Ф. В. К. Мюллера уйгурское написание —). В рассматриваемой надписи при тщательном изучении составляющих ее знаков трудно оставить незамеченной группу 𐰚𐰃𐰚(𐰃)𐰚𐰋𐰚. Обращает на себя внимание четырехкратное использование руны 𐰚 с промежутком в один знак. Далее, примечательно наличие в ней так называемой печенежской "лестницы" и употребление руны 𐰃 в конечной части. Есть основания предположить, что указанная группа представляет отдельное слово, или словоформу. Сделав такое предположение, можно пойти дальше и наметить наиболее вероятные границы слов, предшествующих выделенной словоформе. С учетом особенностей орхоно-енисейского рунического алфавита начало третьей строки следует рассматривать как сочетание трех слов $q^{a}lt\ddot{i}r\ ^{a}n\ j^{a}z\ddot{i}t$. Первое слово, очевидно, форма повелительного наклонения глагола *qaltïr-* 'оставлять'; второе — указательное местоимение, выступающее в несколько необычной, но вполне допустимой форме: *an*; третье — глагольное имя, наделенное атрибутивными функциями: *jazït*. Сразу же могут возникнуть сомнения относительно возможности употребления древними тюрками глагола *jaz-* 'писать', вызванные отсутствием его в рунических текстах. В соответствующем значении в них используется глагол *biti-*. Пока нельзя достаточно определенно сказать, когда впервые стал употребляться глагол *jaz-*, и все же не следовало бы считать временем его появления XI век. Отмечающий присутствие глагола *jaz-* в словаре Махмуда Кашгари Дж. Клосон,[18] указывает, что он — огузского происхождения (*ol bitig jazdï* 'он написал книгу', МК III 59). В приведенном примере есть и *biti-* в составе *bitig* и *jaz-*. Некоторые сомнения возникают также в отношении указательного местоимения. Местоимение *an* встречается обычно, будучи оформленным падежными аффиксами или аффиксом множественного числа, и лишь в ряде случаев — без морфологических наращений, ср.: кирг. *ansïz* 'без него', *an üčün* ~ *anïŋ üčün* 'потому,

[18] *Clauson G.* An etymological dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, p. 984.

поэтому'. Впрочем, не исключено, что в киргизском языке *ап* — стяженный вариант формы родительного падежа. Распределение гласных не требует дополнительных объяснений. Оно соответствует тем правилам, которые с разной степенью строгости закрепились в орхоно-енисейских текстах. Так, графическое изображение лабиализованных гласных в них в непервых слогах почти полностью отсутствует, тогда как в надписи из Кёжээлиг Хову (Тува) оказывается обозначенным каждый лабиализованный гласный первых и непервых слогов.

Предлагаемое чтение надписи на палочке из Ачик-таша, как и первый опыт, не является окончательным. Приведены дополнительные соображения, и продолжается поиск точек опоры, совершенно необходимых в любом исследовании. Важно, чтобы их было несколько и чтобы результаты предварительных поисков были сопоставимы. Чем будет больше попыток читать подобные надписи, тем скорее получит решение проблема многовариантности тюркского рунического письма. Пока вполне определенным и важным является вывод о том, что мы имеем дело с подлинным и вполне законченным текстом.

Послесловие

В послесловии нельзя не напомнить о некоторых основных этапах введения памятников рунической письменности тюрок в научный обиход. Важным стимулом к интенсивным занятиям в этой области явилась дешифровка в 1893 г. известным датским ученым В. Томсеном тюркского рунического алфавита. С этого времени усилия ряда тюркологов и, в первую очередь, В. В. Радлова сосредоточились в одном направлении и характер исследовательских поисков всецело определялся стремлением как можно скорее ввести в тюркологию новые оригинальные материалы. В декабре 1893 г. В. В. Радлов получил от В. Томсена письмо, хранящееся в архиве РАН в Санкт-Петербурге (ф. 177, оп. 2, № 252), в котором сообщалось о раскрытии тайны загадочных рунических надписей, а за несколько дней до появления знаменитого "Notice préliminaire" В. Томсена — список знаков рунического алфавита; и уже на первом январском заседании Академии наук в 1894 г., сообщая об открытии В. Томсена, В. В. Радлов предложил свое чтение и перевод памятника в честь Кюль-тегина. Ввиду важности выполненной работы Академия наук разрешила размножить труд В. В. Радлова и разослать в качестве предварительного опыта различным ученым и научным обществам. Первый экземпляр был послан В. Томсену. Вслед за этим появляются одна за другой десятки, сотни работ, посвященных орхоно-енисейским руническим надписям. В центре внимания оказываются тексты, фразы и отдельные слова, большое значение придается изучению фонетики, морфологии и синтаксиса, и даже делались попытки, правда не совсем удачные, выделить различные диалекты, разграничить литературный и разговорный языки, облечь тексты в форму стихов. Притяжение к тюркской рунике росло по мере раскрытия тех исторических событий, которые отразились в надписях, и в частности тех, которые могли быть соотнесены с

сообщениями китайских хроник. Иными словами, историко-объяснительное комментирование содержания надписей вводило ученых с намного увеличенной степенью надежности в перспективу определенных событий, процессов или явлений. Тематика работ постепенно усложнялась, и что особенно примечательно, приобрели особую остроту высказывания по вопросам происхождения рунического алфавита.

В начале монографии мы уже воздали должное В. Томсену и В. В. Радлову как основоположникам современной научной тюркологии. Добавим к этому несколько слов. Был совершен подвиг, последствия которого невозможно переоценить, открыты широкие возможности изучения истории, исторического языкознания, исторической этнографии, были коренным образом пересмотрены результаты предшествующих исследований.

В. Томсен по праву занял первое место в ряду первооткрывателей тюркских древностей. Сделав важный шаг к раскрытию их тайны, он, с одной стороны, способствовал прекращению длительных споров об этнической и языковой принадлежности надписей, с другой стороны, положил начало их тщательному толкованию, не делая поспешных выводов относительно интерпретации ряда форм и отдельных рун. Критически относясь к некоторым утверждениям В. В. Радлова и подвергая их обоснованному сомнению, В. Томсен никогда не принижал его достоинств и того вклада, который был сделан В. В. Радловым в изучение тюркской руники. Кстати, в упомянутом выше письме он чрезвычайно высоко оценивает В. В. Радлова как тюрколога: "Что касается толкования и перевода надписей, — пишет он, — я сожалею только о том, что не являюсь Радловым".

В. В. Радлов — выдающийся ученый, неутомимый исследователь и большой труженик науки. С его именем связана целая эпоха в нашей науке, но, чтобы справедливо оценить заслуги В. В. Радлова, не следует забывать, что его жизненный и творческий путь прокладывался в условиях зарождения тюркологии, в ходе интенсивного собирания и первичной систематизации собранных материалов. Благодаря почину и

усилиям В. В. Радлова никогда не ослабевал интерес к тюркским древностям, руника прочно заняла подобающее ей место в исследованиях лингвистов, историков, литературоведов.

Долг российских тюркологов — поддержать и развить дух больших творческих исканий, продолжить начатую В. Томсеном и В. В. Радловым работу, углубить изучение изданных текстов, создать полный корпус рунических текстов, представляющих огромную научную и вместе с тем культурно-историческую ценность, наконец, внести ясность в вопрос о происхождении тюркской руники, ее распространении и использовании. Именно этому вопросу и посвящена наша монография.

ЗНАКИ ОРХОНСКОГО РУНИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

𐰀	*a, e*	𐰉	s^2
𐰁	*ï, i*	𐰊	t^1
𐰂	*o, u*	𐰋	t^2
𐰃	*ö, ü*	𐰌	j^1
𐰄	b^1	𐰍	j^2
𐰅 𐰆	b^2	𐰎	*č*
𐰇	d^1	𐰏	*m*
𐰈	d^2	𐰐	*ŋ*
𐰉	*γ*	𐰑	*ɟ*
𐰊	*g*	𐰒	*p*
𐰋 𐰌	*q*	𐰓	*š*
𐰍	*k*	𐰔	*z*
𐰎	l^1	𐰕	*oq, uq, qo, qu*
𐰏	l^2	𐰖 𐰗	*ök, ük, kö, kü*
𐰐	n^1	𐰘	*ïq, qï*
𐰑	n^2	𐰙	*rt (?)*
𐰒	r^1	𐰚	*lt*
𐰓	r^2	𐰛	*nč*
𐰔	s^1	𐰜	*nt*

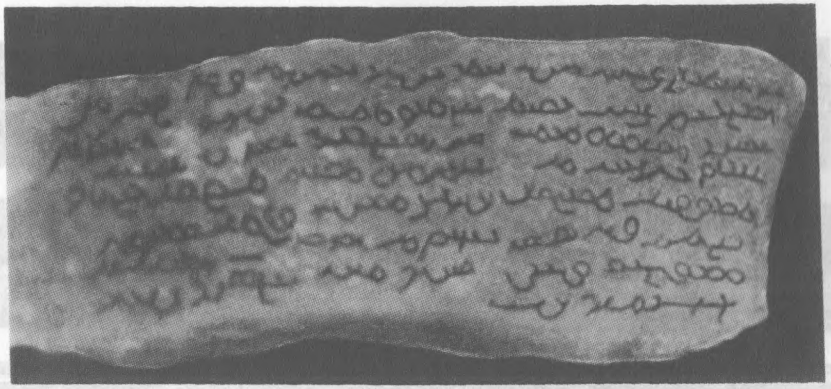
ЗНАКИ ЕНИСЕЙСКОГО РУНИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

	Тув.	*Хак.*
а, ä, э	ᛇ ᛏ	ᛇ ᛏ
э̂	ᛝ ᛞ ᛟ	ᛝ ᛞ ᛟ
б¹	ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ	ᛒ ᛒ ᛒ
б²	ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ	ᛒ
б	ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ	ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ ᛒ
г	ᚵ ᚵ ᚵ ᚵ ᚵ ᚵ ᚵ	ᚵ ᚵ
д¹	ᛞ ᛞ ᛞ ᛞ ᛞ	ᛞ ᛞ
д²	ᛟ ᛟ	ᛟ
з	ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ ᛋ	ᛋ ᛋ ᛋ
i, ï, ӭ	ᛁ	ᛁ
j¹	ᛃ ᛃ	ᛃ
j²	ᛅ ᛅ ᛅ ᛅ ᛅ	ᛅ
ɟ	—	—
k	ᚴ ᚴ ᚴ ᚴ ᚴ	ᚴ ᚴ
к	ᛕ ᛕ ᛕ ᛕ	ᛕ ᛕ ᛕ
(о)к, (у) к	ᛏ ᛏ	ᛏ ᛏ
(ö)к, (ÿ) к	ᛒ ᛒ	ᛒ
(ï) k	ᛐ	—
л¹	ᛚ	ᛚ
л²	ᛉ	ᛉ

Продолжение

	Тув.	Хак.
лт	M	—
м	᠊ᠣ ᠊ᠤ ᠊ᠥ ᠊ᠦ ᠊ᠧ ᠊ᠨ ᠊ᠩ	᠊ᠣ
н¹	᠊ᠭ ᠊ᠮ ᠊ᠯ	᠊ᠭ
н²	᠊ᠷ ᠊ᠰ ᠊ᠱ ᠊ᠲ ᠊ᠴ ᠊ᠵ	᠊ᠷ ᠊ᠰ ᠊ᠷ
ӊ¹	᠊ᠸ ᠊ᠹ ᠊ᠺ ᠊ᠻ	᠊ᠻ ᠊ᠸ
ӊ²	᠊ᠼ ᠊ᠽ	᠊ᠼ
нт	᠊ᠾ	᠊ᠾ
нч	᠊ᠿ ᡀ ᡁ ᡂ ᡃ	ᡀ ᡁ
о, у	ᡄ	ᡄ
ӧ, ӱ	ᡅ ᡆ ᡇ	ᡅ ᡆ ᡆ
п	ᡈ	ᡈ
р¹	ᡉ ᡊ ᡋ ᡌ ᡍ ᡎ	ᡉ ᡊ ᡍ
р²	ᡏ	ᡏ
с¹	ᡐ ᡑ	ᡐ
с²	ᡒ	ᡒ
т¹	ᡓ ᡔ	ᡓ
т²	ᡕ ᡖ ᡗ	ᡖ ᡗ
ч	ᡘ ᡙ	ᡙ
ш¹	ᡚ ᡛ ᡜ ᡝ	ᡚ ᡗ
ш²	ᡞ ᡟ	

УЛААНГОМСКАЯ НАДПИСЬ

НАДПИСЬ НА ПАЛОЧКЕ ИЗ АЧИК-ТАША.
Бассейн р. Талас

Именной указатель

Аалто П. (Aalto P.) 14
Абу-л-Гази 36
Адрианов А. В. 12, 16
Азимджанова С. А. 116
Алпарслан А. (Alparslan A.) 116
Альтхейм Ф. (Altheim F.) 29, 84, 101
Аманжолов А. С. 45
Арагачи З. Б. 17
Аранчын Ю. Л. 17
Аристов Н. А. 34, 35
Арнтц Х. (Arntz H.) 41, 102
Арсланова Ф. Х. 31, 85
Артамонов М. И. 23
Аспелин И. (Aspelin J.) 16
Ахмеров Р. Б. 37

Бабингер Ф. (Babinger Fr.) 30, 96
Бабур (Babur) 116, 117
Базен Л. (Bazin L.) 17, 52, 69, 75
Байчоров С. Я. 23
Банг В. (Bang W.) 5
Бартольд В. В. (Bartold W.) 26, 32, 97
Батманов И. А. 17, 20, 89, 128
Бернштам А. Н. 17, 109, 113
Бешевлиев В. (Beševliev V.) 30
Богдан Д. П. (Bogdan D. P.) 30
Боровков А. К. 17, 112

Ваклинов С. (Vaklinov S.) 30
Вандуй Э. 107, 120
Вари Х. (Váry H.) 31
Васильев Д. Д. 18, 63, 90
Вашари И. (Vásáry I.) 23
Виммер Л. 102
Владимирцов Б. Я. 73, 74
Воробьев М. В. 94
Выпсарова Ж. Н. 30

Габен А., фон (Gabain A., von) 34, 52, 82, 101, 106, 114
Гаврилова А. А. 107
Гамильтон Дж. Р. (Hamilton J. R.) 69
Ганджеи Т. (Gandjeï T.) 106, 116
Гардизи 26
Гейкель А. (Heikel A.) 13, 16
Гейкель Г. (Heikel H.) 20, 127, 128
Гельб И. Е. 103
Георгиев В. 37, 38
Голб Н. (Golb N.) 28
Готьо Р. (Gauthiot R.) 47, 48, 50, 71, 75, 113, 115
Гузев В. Г. (Guzev V. G.) 34
Гумилев Л. Н. 121
Гюленсой Б. (Gülensoy B.) 35
Гюленсой Т. (Gülensoy T.) 35

Дёрфер Г. (Doerfer G.) 102
Джейхани 26
Дженкинс Р. (Jenkins R. J. H.) 99
Джумагулов Ч. 20
Дилачар А. (Dilaçar A.) 4
Диринтер Д. (Diringer D.) 54, 71, 101, 102, 103
Добльхофер Э. 46, 73, 101
Доннер О. (Donner O.) 16, 34, 35, 48, 49, 81, 94
Доржсурен Ц. 120
Д'Охсон К. (D'Ohsson C.) 25, 27
Друэн Э. (Drouin E.) 17, 52, 94, 108, 111

Евтюхова Л. А. 17, 21
Ефименко П. 36

Жиро Р. (Giraud R.) 14, 54, 65

Захарий Ритор 25

Ибн Хаукаль 27
Иоанн Эфесский 25

Йелич Л. (Jelić L.) 29

Каллаур В. А. 127
Кара Г. (Kara G.) 108
Кастрен М. А. (Castren M. A.) 15
Киселев С. В. 17, 21, 82, 120
Клеменц Д. А. 12, 16, 17
Клосон Дж. (Clauson G.) 14, 19, 20, 38, 41, 42, 44, 49, 117, 133
Кляшторный С. Г. (Kljaštornyj S. G., Klyaştorniy S. G., Kljashtorny S. G.) 6, 12, 19, 23, 31, 34, 51, 68, 70, 85, 86, 93, 121, 128
Константин Багрянородный (Constantine Porphyrogenitus) 25, 98, 99
Кормушин И. В. 18
Корчаков Е. Ф. 16
Костров Н. А. 16
Котвич В. (Kotwicz W.) 15, 115, 118
Котляревский А. А. 36
Кубарев В. Д. 21
Кузнецов В. А. 22
Кузнецов П. И. 16
Кунаа А. Ч. 17
Курбатов Х. (Kurbatov H.) 31
Кызласов И. Л. 6, 15, 17, 21, 22, 23, 39, 45, 46, 81, 83, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95
Кызласов Л. Р. 6, 16, 17, 88, 89, 90, 93, 109, 110

Ламбин Н. 25
Латышев В. В. 25
Лекок А. (Le Coq A.) 18, 51, 77, 106, 110, 113, 114, 119
Лерх П. (Lerch P.) 50
Лившиц В. А. (Livšic V. A.) 12, 42, 49, 52, 70, 77
Лучицкий И. В. 36
Лю Мао-цзай (Liu Mau-Tsai) 69, 132

Макаренко Н. Е. 23
Малицкий Н. В. 25
Маллицкий Н. [Г.] 34
Малов С. Е. 6, 7, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 39, 56, 66, 89, 128, 129, 130, 132
Маркварт И. (Marquart J.) 25, 26, 98
Мартин Ф. Р. 17
Мартьянов Н. М. 12
Массон М. Е. 20, 127, 129
Масуди (Maçoudi) 24
Махмуд Кашгари 36, 66, 68, 98, 112, 133
Мейер И. Р. (Meyer İ. R.) 54
Меликсет-Беков Л. М. 108
Мелиоранский П. М. (Melioranskij P.) 5, 13, 14, 20, 43, 67, 81, 82, 87, 88, 127
Меншен-Хелфен О. (Maenchen-Helfen O.) 93
Мессершмидт Д. Г. (Messerschmidt D. G.) 15
Минорский В. (Minorsky V.) 26, 68
Моравчик Г. (Moravcsik Gy.) 25, 99
Мункачи Б. (Munkácsi B.) 30, 96, 97
Мюллер Ф. В. К. (Müller F.W.K.) 36, 106, 108, 109, 113, 132

Наделяев В. М. 21
Насилов Д. М. 17
Немет Ю. (Németh G., Németh J.) 21, 29, 65, 100, 127

Оркун Х. Н. (Orkun H. N.) 14, 17, 18, 19, 29, 130

Парзимич А. (Parzymiecs A.) 30
Пархоменко В. 99
Патканов К. 25
Пельо П. (Pelliot P.) 69
Пигулевская Н. 25
Поливанов Е. Д. 34
Пономарев А. И. 108
Поппе Н. Н. (Poppe N.) 73, 108
Потанин Г. Н. 16
Прицак О. И. (Pritsak O.) 28, 40, 49, 53, 54, 64, 67, 82
Пуллиблэнк Э. (Pulleyblank E.) 69

Радлов В. В. (Radloff W.) 4, 5, 12, 13, 14, 17, 19, 20, 33, 40, 43, 44, 56, 65, 81, 82, 88, 94, 106, 108, 110, 113, 115, 124, 127, 135, 136, 137

Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) 15, 93
Рёрборн К. (Röhrborn K.) 114
Ринчен Б., Ринчен Е. (Rintchen Bi., Rinčen Y.) 37, 121
Рона-Таш А. (Róna-Tas A.) 29, 31, 41, 43, 49
Росс Э. Д. (Ross E. D.) 14, 27, 47, 48, 50, 97
Рыбацки В. (Rybatzki V.) 14
Рыгдылон Э. Р. 17, 37, 90
Рясянен М. (Räsänen M.) 65

Самойлович А. Н. (Samoïlovitch A. N.) 15, 17, 36
Сейдакматов К. 21
Серткая О. Ф. (Sertkaya O. F.) 14, 18, 51, 62, 86, 106, 123
Симс-Вильямс Н. (Sims-Williams N.) 117
Смирнова О. И. 108, 109, 110, 111, 112
Соколов А. 35
Соколов Д. Н. 35
Соловьева Е. Т. 36
Спасский Г. И. 15
Станчев Ст. 30
Стейн М. А. (Stein M. A.) 18
Страленберг Ф. И. (Strahlenberg Ph.) 15
Сыдыков С. 113

Текин Т. (Tekin T.) 14, 20, 61, 66
Темир А. (Temir A.) 4
Тенишев Э. Р. 21, 31, 113
Трыярский Э. (Tryjarski E.) 15, 22, 30, 83, 101
Томсен В. (Thomsen V.) 3, 4, 5, 14, 17, 18, 19, 20, 23, 29, 33, 34, 35, 47, 48, 51, 53, 54, 65, 75, 135, 136, 137
Туна О. Н. (Tuna O. N.) 62, 63

Фахр ад-дин Мубаракшах (Fakhru' d-din Mubarakshah) 27, 97
Федакяр Д. (Fedakâr D.) 52, 71, 75, 114
Фехер Г. (Feher G.) 100
Фрейман А. А. 111, 132

Хабичев М. А. 23
Хеннинг В. Б. (Henning W. B.) 48, 69, 70
Хюар К. (Huart C.) 51

Церетели Г. В. 49, 50
Циме П. (Zieme P.) 121, 122, 123, 124

Чаллани Д. (Csallány D.) 28

Шифнер А. 36
Щербак А. М., Шчербак А. М. (Ščerbak A. M., Şçerbak A. M.) 8, 13, 15, 17, 22, 23, 36, 37, 53, 66, 90, 94, 98, 105, 107, 109, 110, 120, 130

Эмре А. Дж. (Emre A. C.) 34
Эрдал М. (Erdal M.) 20
Эрдейи И. 28

Юнкер Х. Ф. (Junker H. F.) 110
Юхансон Л. (Johanson L.) 54, 67
Юхас И. (Juhász İ.) 29

Ядринцев Н. М. 12, 13, 14, 16
Якобсон Р. 68

Оглавление

Предисловие 3
Сокращения 9
Введение 11
К истории открытия и изучения тюркских рунических текстов 11
I. Надписи Монголии 12
II. Надписи бассейна Енисея и Хакасии 15
III. Надписи Восточного Туркестана 18
IV. Таласские памятники древнетюркской письменности . 20
V. Надписи Алтая 21
VI. Рунические, или рунообразные, надписи европейской части России 22
VII. Рунические и рунообразные надписи Венгрии 28
VIII. Рунообразные надписи Румынии и Болгарии 30
IX. Прочие надписи 31
Глава I. О происхождении и структуре рунического алфавита тюрок 32
Общие замечания 32
О происхождении тюркских рун 33
Структурная и предметная характеристика рунического алфавита 53
О так называемых дополнительных знаках 60
К вопросу о фонетической интерпретации знаков тюркской рунической письменности 64
Ранние тюркско-согдийские отношения в связи с проблемой происхождения рунического алфавита тюрок 68
Опыт воспроизведения основных этапов создания тюркской рунической письменности 72
Глава II. Границы распространения тюркской рунической письменности 80
Заключение 103

Приложение I. Краткий очерк уйгурской эпиграфики и замечания об уйгурском алфавите 105
Уйгурская эпиграфика 107
Уйгурский алфавит 113
Приложение II. Улаангомская надпись 120
Приложение III. Памятники рунического письма Киргизии 127
Надписи из Таласа (за исключением надписи на палочке из Ачик-таша) 127
Надпись на палочке из Ачик-таша. (Бассейн р.Талас) ... 129
Послесловие 135
Именной указатель 143

Александр Михайлович Щербак

ТЮРКСКАЯ РУНИКА

Происхождение древнейшей письменности тюрок,
границы ее распространения
и особенности использования

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Редактор издательства Н. А. Никитина
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Г. А. Смирнова
Верстка В. О. Петрунина

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Подписано к печати 28.06.2001. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.5.
Уч.-изд. л. 7.9. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 4038. С 127

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ

Словарь русского языка XVIII века

Вып. 13
Молдавский—Напрокудить

В Словаре представлено систематическое описание лексики русского языка в эпоху формирования нового литературного языка на национальной основе.

Для широкого круга специалистов-филологов, историков науки и культуры, искусствоведов, студентов гуманитарных вузов и преподавателей средних школ — словесников и историков, всех интересующихся произведениями литературы и письменности XVIII века.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ

Русская интеллигенция

АВТОБИОГРАФИИ И БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ В СОБРАНИИ С. А. ВЕНГЕРОВА

Аннотированный указатель: В двух томах

Т. 1. А—К

Книга посвящена коллекции автобиографий, которую в течение четырех десятилетий собирал известный литературовед С. А. Венгеров: о себе пишут люди, оставившие свой след в литературе, искусстве, науке, технике, политике, общественной жизни. Указатель служит путеводителем по этому уникальному документарию, сообщает научную информацию о степени содержательности каждого документа; включены также дополнительные документы из переписки и других разделов венгеровского фонда.

Для филологов, историков и всех интересующихся русской культурой.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ

Литературные объединения Петрограда—Ленинграда 1910—1920-х годов

Представленные в сборнике статьи и публикации о Союзе деятелей искусства, о Союзе деятелей художественной литературы, Вольной философской ассоциации, Петроградском воинствующем ордене имажинистов, о «Содружестве» дают широкую панораму литературной жизни Петрограда—Ленинграда в первые десятилетия XX века.

Для литературоведов, широкого круга читателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009, Москва, Шубинский пер., 6
197345, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7-б

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

450059, Башкортостан, Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025, Башкортостан, Уфа, ул. Коммунистическая, 49
690088, Владивосток-88, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»)
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289
620151, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
660049, Красноярск, ул. Сурикова, 45
117192, Москва, Мичуринский пр., 12
103624, Москва, Б. Черкасский пер., 4
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7
103054, Москва, Цветной бульвар, 21, стр. 2
117049, Москва, Ленинский пр., 1/2
630090, Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»)
630091, Новосибирск, Красный пр., 51
142292, Пущино, Московской обл., МР «В», 1
443002, Самара, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»)
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 57
199034, Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 4
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
634050, Томск, Наб. р. Ушайки, 18

34-00

1- 889617

Томский госуниверситет 1878
Научная библиотека 00343886